

Диденко Б. А.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ КАННИБАЛОВ

М.: МП "Китеж", 1996. — 160 с. Лицензия ЛР N061103 от 22.04.1992 г.

Представлена новая концепция антропогенеза, становления **Homo Sapiens**. Человечество не является единым видом. Оно состоит из четырех видов, у которых различная морфология коры головного мозга. Два вида — хищные, с ориентацией на людей. Хищное меньшинство привносит в наш мир бесчеловечную жестокость, бесчестность и бессовестность.

There is a new conception of anthropogenesis. The Humankind is a Family consisting of four types of men. Two of them are predatory with orientation for men. They bring to our world a cruelty, dishonor and unscrupulousness.

*Памяти великого русского ученого
Бориса Федоровича Поршнева (1905-1972)*

ЦИВИЛИЗАЦИЯ КАННИБАЛОВ — ЧЕЛОВЕЧЕСТВО КАК ОНО ЕСТЬ

*Человечество препятствует самооценке всеми средствами; и поистине уместно призвать его к смирению — и всерьез попытаться взорвать эти завалы чванства на пути самопознания.
(К. Лоренц)*

ВВЕДЕНИЕ

Беспредельная жестокость, столь ярко и щедро демонстрируемая человечеством, не имеет аналогий в мире высших животных. Но в тоже время она странным, парадоксальным образом сопоставима — вплоть до буквальных совпадений — с нравами, царящими в жизни существ, весьма далеких от рассудочных форм поведения: насекомых, рыб, и даже примитивных организмов, типа бактерий, вирусов. "Человек разумный" ведет себя нисколько не "умнее" пауков в банке. По отношению же к среде своего обитания — Земле — "цивилизованное" человечество ничем не лучше канцера "метастазийного" типа. Что же кроется за этим невероятным, но очевидным совпадением?! Еще один эффектный образчик того, что крайности сходятся?! Или это все же не что иное, как вопиющее и знаменательное свидетельство того, что человек и его разумность не совсем естественно совмещаются и далеко не идеально подходят друг другу? Уж не взвалил ли человек на себя непосильную ношу? И не раздавит ли его бремя разума?! И в чем причина патологической жестокости "царя природы" в отношении к себе подобным? Более 14,5 тысяч войн при четырех миллиардах убитых. За все историческое время в общей сложности насчитывается всего лишь несколько "безвоенных" лет. Люди практикуют 9 видов насилия при 45 их разновидностях — и эти цифры, судя по всему, устаревают, точно так же, как и "набранное"

количество войн. Всю эту чудовищность существования и "сосуществования" человеческих популяций невозможно понять без выяснения причин ее возникновения. Идея отчуждения человека от Природы, провозглашение его "венцом творения" с передачей в его ведение и безраздельное пользование всего доступного ему мира живой природы и ресурсов Земли — все это явилось, наверное, первым в истории "идеологическим заблуждением" человечества. И сейчас пришло время расплачиваться за эту совершенно необоснованную идею верховенства человека с одновременным провозглашением себя "царем природы" со всеми полномочиями наглого и жестокого самозванца. Именно из-за таких высокомерных представлений о человеке, как об особом разумном сверх-существе Земли, которому подвластна вся Природа, и прозябали все науки о человеке. Не отрицая уникальности и специфичности человека (труд, абстрактное мышление, использование орудий и т.п.), все же нельзя оставить без ответа основной вопрос: почему человек стал трудиться, изготавливать орудия, мыслить?! Зачем ему все это хозяйство?! Чего ему не жилось в животных?! Дальнейший уровень всей совокупности гуманитарных наук будет зависеть от существенного сдвига в познании начала человеческой истории. Загадка человека и состоит в загадке начала человеческой истории. Что началось? Когда началось? Почему и как началось? И вот, наконец, профессору **Борису Федоровичу Поршневу (1905-1972 гг.)** удалось ответить на этот вековечный "важнейший вопрос всех вопросов" — о том, как же на самом деле обстоит все с происхождением "человека разумного". Монография "О начале человеческой истории" явилась последней работой ученого и вышла в свет уже посмертно. Она задумывалась автором как центральная часть более обширного произведения — "Критика человеческой истории". Трагическая смерть прервала работу великого ученого, но все же он успел сказать свое последнее — вещее слово. С момента выхода в свет (1974 г.) этого эпохального труда прошло уже более чем два десятилетия, но в трудах исследователей, занимающихся вопросом происхождения человека, гениальные прозрения Поршнева даже не упоминаются. Удивляться этому не приходится, наоборот, это даже знаменательно: перед нами традиционный, уже классический — несущий истину — глас вопиющего в пустыне.

Так прислушаемся же к этому голосу.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ВИДОВ

Если ты хочешь понять что-либо, узнай, как оно возникло. (Б. Ф. Поршнев). (Данная глава является конспективно-реферативной "выжимкой" из трудов Б. Ф. Поршнева, с добавлением иной — видовой — интерпретации концепции антропогенеза "по Поршневу" — Б. Д.) Если непредвзято поставить вопрос об отличительных признаках человека, которые даны опытом истории и не могли бы быть "в другом смысле" распространены на животных, то таковых окажется только два. И удивительно: они словно стоят где-то в стороне от столбовой дороги развития наук.

Во-первых, люди — единственный вид, внутри которого систематически практикуется взаимное умерщвление. И,

во-вторых, столь же странно, на первый взгляд, еще одно отличие: люди опять-таки единственный вид, способный к абсурду, а логика и синтаксис, практическое и теоретическое мышление — его деабсурдизация. Организм же животного ведет себя в любой, даже в искусственно созданной, ситуации с физиологической точки зрения совершенно правильно, либо дает картину нервного срыва (неадекватные рефлексы), сконструировать же абсурд, или дипластию, его нервная система

неспособна. Все развитие человеческого сознания в ходе истории есть постепенное одоление первоначальной абсурдности, ее сдвигание на немногие краевые позиции. И вот, как выяснилось, эти две человеческие особенности не только взаимосвязаны, но и полностью взаимообусловлены, ибо произрастают они из одного и того же, страшного феномена. Это — т.наз. **адельфофагия**, или умерщвление и поедание части представителей своего собственного вида. Она-то и привела к возникновению рода человеческого — **Homo Sapiens**.

АДЕЛЬФОФАГИЯ

Весь материал об ископаемых гоминидах подтверждает вывод, что между ископаемыми высшими обезьянами (вроде дриопитека, рамапитека, удабнопитека, проконсула) и человеком современного физического типа расположена группа особых животных: высших прямоходящих приматов. От плиоцена до голоцена они давали и боковые ветви, и быстро эволюционизировали. Высшая форма среди них, именуемая палеоантропами, в свою очередь весьма полиморфная, вся в целом и особенно в некоторых ветвях — по строению тела, черепа, мозга — в огромной степени похожа на человека. Низшая форма, австралопитеки, напротив, — по объему и строению мозга, по морфологии головы, — в высокой степени похожа на обезьян, но радикально отличается от них вертикальным положением. На языке таксономии можно выделить внутри отряда приматов новое семейство: прямоходящих, но бессловесных высших приматов. В прежнем семействе Hominidae остается только один род — Homo, представленный (по нынешним традиционным научным воззрениям) единственным видом Homo Sapiens. Его главное диагностическое отличие (цереброморфологическое и функциональное) принимаем по Геккелю — "дар слова". На языке современной физиологической науки это значит: наличие второй сигнальной системы, следовательно, тех новообразований в коре головного мозга (прежде всего в верхней лобной доле), которые делают возможной эту вторую сигнальную систему. Напротив, новое, выделенное нами выше, семейство троглодитиды (Trogloditidae) морфологически не специализировано, т.е. оно представлено многими формами. Диагностическим признаком, отличающим это семейство от филогенетически предшествующего ему семейства понгид (**Pongidae человекообразные обезьяны**), служит прямохождение, т.е. двуногость, двурукость, ортоградность, независимо от того, изготовляли они орудия или нет. **В семействе этом достаточно отчетливо выделяются три рода:**

- 1) австралопитеки,
- 2) археоантропы,
- 3) палеоантропы.

Каждый же из родов, делится на известное число видов, подвидов. В родословном древе приматов в миоцене от низших обезьян ответвилось семейство антропоморфных обезьян-понгид. Сейчас оно представлено четырьмя родами: гиббоны, орангутаны, гориллы и шимпанзе. В плиоцене от линии антропоморфных обезьян ответвилось семейство троглодитид. От линии троглодитид (гоминоидов) в верхнем плейстоцене ответвилось семейство гоминид; на современной поверхности оно представлено лишь т.наз. Homo Sapiens, которому присуще такое новообразование, как органы и функции второй сигнальной системы, примечателен также и необычайно быстрый темп этого ароморфоза. Пришло время сказать: более чем столетним трудом археологов и антропологов открыто не что иное, как обширное семейство животных видов, не являющихся ни обезьянами,

ни людьми. Они прямоходящие, двуногие, двурукие. Они ничуть не обезьяны и ничуть не люди. Они животные, но они не обезьяны. Это семейство включает в себя всех и любых высших прямоходящих приматов, в том числе и тех, которые не изготавливали искусственных орудий. И все троглодитиды, включая палеоантропов (неандертальцев), — абсолютно не люди. (Этих последних мы будем называть "троглодиты" — от *Troglodytes*, термина, впервые предложенного К. Линнеем.). Однако этот тезис встречает то же кардинальное возражение, что и сто лет назад: раз от них остались обработанные камни, значит они люди, значит это труд, "древность человека, таким образом, это древность его орудий". Но для какого именно "труда" изготавливались эти каменные "орудия"? Реконструирован же не характер труда этими орудиями, а лишь характер труда по изготовлению этих орудий. Главное же — для чего?! Как они использовались?! Ответ на этот вопрос и дает ключ к экологии всего семейства троглодитид на разных уровнях его эволюции. Разгадка же состоит в том, что главная, характеризующая всех троглодитид и отличающая их, экологическая черта — это некрофагия (трупоядение). Один из корней ложного постулата, отождествляющего троглодитид с людьми, состоит в том, что им приписали охоту на крупных животных. Отбросить же эту запутывающую дело гипотезу мешают предубеждения. То, что наши предки занимались "трупоядением" оказывается, видите ли, унижительным для их потомков. Но надо вспомнить, что есть не труп вообще невозможно, разве что сосать из жил живую кровь или паразитировать на внутренних органах. Наша современная мясная пища является все тем же трупоядением — поеданием мяса животных, убитых, правда, не нами, а где-то на бойне, возможно в другой даже части света, откуда "труп" везли в холодильнике. Так что нетрупоядными, строго говоря, являются только лишь вампиры (напр., комары) и паразиты (типа глистов, вшей, клещей), питающиеся с "живого стола". Таким образом, можно безоговорочно признать тезис о гоминидах-охотниках неправомерным, находящимся в отдаленном родстве с мифом о "золотом веке". Все эти людские самооправдания и самовозвеличивания очень долго прикрывали истинный образ нашего предка: "падальщика", "трупоеда", "некрофага". Человек почему-то должен был явиться, а не развиться; ханжескому человеческому сознанию требовался "акт творения", и он (этот акт) был сотворен — это оказалось сделать проще, нежели кропотливо заниматься вопросом антропогенеза. Та ветвь приматов, которая начала специализироваться преимущественно на раскалывании костей крупных животных должна была стать по своей морфологии прямоходящей. В высокой траве и в кустарниках для обзора местности необходимо было выпрямляться, тем более для закидывания головы назад, когда по полету хищных птиц высматривалось местонахождение искомым останков. Но этому примату надо было также нести или кости или камни. Двуногость обеспечивала высокую скорость бега, возможность хорошо передвигаться в скалах, плавать в воде, перепрыгивать через что-либо. Это были всеядные, в немалой степени растительноядные, но преимущественно плотоядные высшие приматы, пользующиеся обкалываемыми камнями как компенсацией недостающих им анатомических органов для расчленения костяков и разбивания крупных костей животных и для соскребывания с них остатков мяса. Однако для умерщвления животных никаких — ни анатомо-морфологических, ни нейрофизиологических — новообразований у них не было. Так что троглодитиды включились в биосферу не как конкуренты убийц, а лишь как конкуренты зверей, птиц и насекомых, поедавших "падаль", и даже поначалу как потребители кое-чего остававшегося от них. Троглодитиды ни в малейшей степени не были охотниками, хищниками,

убийцами, хотя и были с самого начала в значительной степени плотоядными, что составляет их отличительную экологическую черту сравнительно со всеми высшими обезьянами. Разумеется, при этом они сохранили и подсобную растительноядность. И не существует никакой аргументации в пользу существования охоты на крупных животных в нижнем и среднем палеолите. Троглодитиды, начиная с австралопитековых и кончая палеоантроповыми, умели лишь находить и осваивать костяки и трупы умерших и убитых хищниками животных. Впрочем, и это было для высших приматов поразительно сложной адаптацией. Ни зубная система, ни ногти, так же как жевательные мышцы и пищеварительный аппарат, не были приспособлены к подобному "трудовому занятию". Овладеть же костным и головным мозгом и пробить толстые кожные покровы помог лишь ароморфоз, восходящий к инстинкту разбивания камнями твердых оболочек у орехов, моллюсков, рептилий, проявляющийся повсеместно и в филогенезе обезьян. Троглодитиды стали высокоэффективными и специализированными раскалывателями, разбивателями, расчленителями крепких органических покровов с помощью еще более крепких и острых камней. Это была чисто биологическая адаптация к принципиально новому образу питания — некрофагии. Троглодитиды не только не убивали крупных животных, но и имели жесткий инстинкт ни в коем случае не убивать, ибо иначе разрушилась бы их хрупкая экологическая ниша в биоценозе. Прямоходящие высшие приматы-разбиватели одновременно должны были оказаться и носильщиками, ибо им приходилось или нести камни к местонахождению мясной пищи или последнюю — к камням. Точнее, именно поэтому троглодитиды и были прямоходящими: верхние конечности должны были быть освобождены от функции локомоции для функции ношения. Так что "орудия труда" в нижнем и среднем палеолите были средствами разделки останков крупных животных и абсолютно ничем более. Эти "экзосоматические органы" троглодитид эволюционировали вместе с видами, как и вместе с изменениями фаунистической среды. **В этом процессе можно выделить три больших этапа.**

1). Первый — на уровне австралопитеков, включая сюда и т.наз. *Homo habilis* (умелый). Это было время богатейшей фауны хищников-убийц, типа махайродов (саблезубых тигров), высокоэффективных убийц, пробивавших покровы даже толстокожих слонов, носорогов, гиппопотамов. И австралопитеки, по-видимому, использовали тогда даже не обильные запасы мяса, оставляемые хищниками, а только костный и головной мозг, для чего требовалось лишь расчленять и разбивать кости. Для этого достаточно было и использования обычных, не оббитых камней, поэтому-то ископаемые австралопитеки и не оставили "орудий своего труда", им еще пока не требовалось этого "умения". Костный мозг травоядных составляет величину порядка 5% их веса, так что у того же древнего слона этого питательного вещества было 200- 300 кг., плюс столько же весил и костный мозг. Претендентов на эту, богатую протеином, пищу практически не было, за исключением грызунов и насекомых.

2). Затем пришел глубокий кризис хищной фауны, отмеченный, в частности, и полным вымиранием махайродов. Австралопитеки тоже обречены были на исчезновение. Лишь одна ветвь троглодитид пережила кризис и дала совершенно обновленную картину экологии и морфологии: археоантропы. Роль собирателей и аккумуляторов относительно свежих трупов сыграли широко разветвленные течения рек. Все достоверно локализованные нижнепалеолитические стоянки расположены на водных берегах, у изгибов рек, у древних отмелей и перекатов, при впадении рек в другие реки и т.п. природных ловушках для пловущих или

волочащихся по дну туш. Задачей археоантропов было пробивать их шкуры и кожи, рассекать связки камнями в форме рубил, которые научились изготавливать еще "умельцы" из рода *Homo habilis*, перенесшие механизм раскалывания костей камнями и на сами эти камни для получения лучших рубящих и режущих свойств. Таким образом, на этом этапе развилось поедание не только мозга, но и уже мяса, вероятно, в соперничестве с крупными пернатыми хищниками-стервятниками.

3). Новый кризис наступил с разрастанием фауны т.наз. пещерных хищников (пещерные львы, медведи). На долю рек как тафономического (могильного) фактора снова стала приходиться малая часть общей массы умирающих травоядных. Род археоантропов был обречен тем самым на затухание. И снова лишь одна ветвь вышла из кризиса морфологически и экологически обновленной палеоантропы (троглодиты). Их источники мясной пищи уже нельзя описать однотипно. Палеоантропы находят симбиоз с разными видами хищников, со стадами разных травоядных, наконец, с обитателями водоемов. Их камни все более приспособлены для резания и разделки мяса животных, поверхностно уже поврежденных хищниками, хотя их по-прежнему привлекает извлечение мозга. Этот высший род троглодитид способен расселиться, т.е. найти мясную пищу в весьма различных ландшафтах, по-прежнему решительно ни на кого не охотясь. Но и этому третьему этапу приходит конец вместе со следующим зигзагом флюктуации хищной фауны в позднем плейстоцене. Необычайно лабильные и вирулентные палеоантропы осваивают все новые и новые варианты устройства в среде, но кризис надвигается неумолимо. Это и есть тот переломный этап, на котором начинается восхождение к *Homo Sapiens*, тот критический период, когда полиморфный и политипический род троглодитов, или, собственно, палеоантропов вплотную приблизился к новому экологическому кризису — к возросшей трудности получения мясной пищи. Новые формирующиеся в конце среднего плейстоцена биогеоценозы вытесняли прямоходящих плотоядных высших приматов, несмотря на всю их изошренную приспособляемость. Природа оставляла теперь лишь очень узкий эвентуальный выход этим удивительным животным четвертичной эпохи, так круто разившимся и теперь обреченным на вымирание. Он состоял в том, чтобы нарушить тот самый, дотоле спасительный, принцип "не убей", который составлял глубочайшую основу, сокровенный секрет их пребывания в разнообразных формах симбиоза с животными. Первое условие их беспрепятственного доступа к остаткам мертвого мяса состояло в том, чтобы живое и даже умирающее животное их не боялось. Троглодиты должны были оставаться безвредными и безобидными, и даже кое в чем полезными, например, сигнализирующими об опасности соседям в системе биоценоза. И Природа подсказала узкую тропу, которая, однако, в дальнейшем вывела эволюцию на небывалую дорогу. Решение биологического парадокса состояло в том, что инстинкт не запрещал им убивать представителей своего собственного вида. Экологическая щель, которая оставалась для самоспасения у обреченного на гибель высокоспециализированного ("специализация парализует, ультраспециализация убивает" [2р вида двуногих приматов, всеядных по натуре, но трупоядных по основному биологическому профилю, состояла в том, чтобы использовать часть своей популяции как самовоспроизводящийся кормовой источник. Нечто подобное неизвестно в зоологии. Оно называется аде́льфофагией ("поедание собратьев"), подчас достигающей у некоторых видов более или менее заметного характера, но все же не становящейся основным способом питания. Тем более не существует прецедента, чтобы это явление легло в основу эволюции, не говоря уже о последующих чисто исторических трансформациях этого феномена. Таким

образом, этот кризис и выход из него охарактеризовался двумя экстраординарными явлениями. Во-первых, редчайшим среди высших животных видов феноменом — адельфофагией (другими словами, произошел переход к хищному поведению по отношению к представителям своего же собственного вида). И во-вторых, совершенно новое явление — зачаточное расщепление самого вида на почве специализации особой пассивной, поедаемой части популяции, которая, однако, затем очень активно отпочковывается в особый вид, с тем, чтобы стать в конце концов и особым семейством. Эта дивергенция двух видов "кормимых" и "кормильцев" — протекала необычайно быстро, и ее характер является самой острой и актуальной проблемой во всем комплексе вопросов о начале человеческой истории, стоящих перед современной наукой. Никакой инстинкт у животных не препятствует поеданию себе подобных, даже и принадлежащих к одной стае или популяции. Все признаки каннибализма у палеоантропов, какие известны антропологии, прямо говорят о посмертном поедании черепного и костного мозга, вероятно, и всего трупа подобных себе существ. Только чуждый биологии моралист, исходящий из неких неизмеримо позже сложившихся норм, может усмотреть в этой утилизации наличных ресурсов мясной пищи что-либо порицаемое. Мертвый представитель своего вида — тем самым уже не представитель своего вида. Как видим, наши предки раньше всего приспособились убивать себе подобных. А к умерщвлению животных перешли много спустя после того, как научились и привыкли умерщвлять своих. Так что охота на другие крупные виды стала уже первой субституцией убийства себе подобных. Этот экологический вариант стал глубочайшим потрясением судеб семейства Troglodytes. Все-таки указанные два инстинкта противоречили друг другу: никого не убивать и при этом убивать себе подобных. Произошло удвоение, или раздвоение, экологии и этологии поздних палеоантропов. Но их прежний образ жизни не мог вполне смениться "войной всех против всех" внутри собственной популяции. Такая тенденция не могла бы решить пищевую проблему: вид, питающийся самим собой, — это биологический *perpetuum mobile*. Выходом из противоречий оказалось расщепление самого вида палеоантропов на два подвида. От прежнего вида сравнительно быстро и бурно откололся новый, становящийся экологической противоположностью. Если палеоантропы не убивали никого кроме подобных себе, то эти другие, назовем их *Homo pre-sapiens* (человек формирующийся), представляли собой инверсию: по мере превращения в охотников, они не убивали именно палеоантропов. Они сначала отличаются от прочих троглодитов только тем, что не убивают этих прочих троглодитов. А много, много позже, отшнуровавшись от троглодитов, они уже не только убивали последних, как и всяких иных животных, как "нелюдей", но и убивали подобных себе, т.е. и других *Homo pre-sapiens*. Эту практику унаследовал и *Homo sapiens*, всякий раз руководствуясь тем мотивом, что убиваемые — не вполне люди, скорее, ближе к "нелюдям" (преступники, иноверцы). Еще одной помехой в становлении подлинной антропологии выступает мнение, будто кто-то из наших плейстоценовых предков, не удовлетворившись изобретением "орудий труда", в один прекрасный день открыл или изобрел способ добывания огня, похитив его тайну у молнии или у вулкана, как Прометей для людей похитил огонь у богов. Это мнение — одна из опор представления о громадной, многомиллионнолетней отдаленности начала человеческой истории. Следы огня, как и оббитые орудия, якобы свидетельствуют о человеке — о его разумном творческом духе. Эпитеты типа "огненная революция" уже стали рабочими терминами у многих палеоантропологов. Но ведь тот факт, что троглодитиды оббивали камни камнями,

несет в себе и очевидную разгадку появления у них огня. При ударе камней друг о друга, естественно, сыпались в большом количестве искры, которые и вызывали неизбежное тление настилок любого логова и жилья троглодитид, несомненно, мало отличавшихся от настилок берлог, нор, гнезд других животных. Таким образом, зачатки огня возникали произвольно и сопровождали биологическое бытие троглодитид. Первая польза, извлеченная ими из такого тления ("издержек производства"), — это вытапливание с его помощью костного мозга из трубчатых и губчатых скелетных костей. Так что об "открытии" огня не приходится вообще говорить, — он появился помимо воли и сознания троглодитид. От них потребовалось "открытие" обратного рода: как сделать, чтобы огонь не возникал. С ростом ударной техники этот гость стал слишком назойливым, он уже не мог быть безразличным, а становился вредным. В ходе этой борьбы с произвольным и необузданным огнем наши предки мало-помалу обнаруживали в обузданном, локализованном огне и выгодные для себя свойства. **Все можно свести к трем главным этапам освоения огня.**

I. Древний, нижний палеолит. Произвольный, "дикий" огонь. Огонь преимущественно в виде искры, тления, дыма. От протлевания и прогорания гнездовой настилки на всем пространстве обитания до начала ее локализации. От полной бесполезности огня для археоантропа до начала использования дыма от тления (запаха) и тепла для вытапливания костного мозга.

II. Средний палеолит. "Прирученный" огонь. Огонь преимущественно в форме тления, теплой и горячей золы, угольного жара. От начала локализации возгораемого материала до угольной ямы. От использования дыма (запаха), от добывания костного мозга до начала использования жара для обогрева и приготовления пищи.

III. верхний палеолит и далее. "Одомашненный" огонь. Огонь преимущественно в форме жара, пламени, горения. От угольной ямы до ямы-печи и светильника. Появление новых способов получения огня: высекание пиритом и специальным кремниевым кресалом, трением дерева о дерево. Освоение приема тушения огня водой. Но все это уже дело рук *Homo sapiens*. Из сказанного видно, что речь идет о процессе, занявшем не менее миллиона, а то и двух миллионов лет, т.е. о процессе, по темпу своему чисто биологическому, а не историческому. Кроме этого, пользование огнем способствовало потере троглодитидами волосяного покрова, этому столь загадочному явлению. Подобный способ терморегуляции практически уникален среди млекопитающих. Но вот как раз сочетание таких экологических факторов, как сбор костей в полуденный зной (во время отдыха настоящих хищников) и воздействие тепла кострищ (пепельных ям), и привели к этому способу теплообмена, эффективному лишь в условиях солнцепека да постоянного контакта с жаром от огня. Еще одно прямое следствие столь длительного и постоянного общения с теплом, "всепогодности" троглодитид — это возникновение у них т.наз. "диэструса", т.е. постоянной "сексуальной готовности" — и у самок и самцов. Это-то и сделало людей (точнее, уже их предтеч — гоминид) "самым сексуальным животным". Неким аналогом здесь является одомашнивание: содержание животных в постоянном тепле хлева или дома также делает их в сексуальном отношении более свободными от климатических периодов; эффекты гона, течки и т.д. сохраняются в несколько редуцированной форме, почти так же, как и у человека — в виде повышенной его весенней сексуальности.

ФЕНОМЕН ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ РЕЧИ

"Язык выделил человека из всего животного мира" — пишет Дж. Бернал, и это бесспорно. Но что же является главной характеристикой языка, речи? Специфическое и самое существенное свойство человеческой речи — наличие для всякого обозначаемого явления (денотата) не менее двух нетождественных, но свободно заменимых, т.е. эквивалентных, знаков или сколь угодно больших систем знаков того или иного рода. Их инвариант называется значением, их взаимная замена — объяснением (интерпретацией). Эта обмениваемость (переводимость, синонимичность) и делает их собственно "знаками", как номинативными единицами человеческого языка. Обратной и неотторжимой стороной того же является наличие в человеческой речи для всякого знака иного вполне несовместимого с ним и ни в коем случае не могущего его заменить другого знака. Эту контрастность можно назвать антиномией в расширенном смысле. Без этого нет ни объяснения, ни понимания. Ничего подобного нет в сигналах животных. По вопросу же филогенетической датировки появления речи — данные эволюции мозга и патологии речи свидетельствуют, что речь появляется только у *Homo sapiens*. Более того, следует даже отождествить: проблема возникновения *Homo sapiens* — это проблема возникновения второй сигнальной системы, т.е. речи. Слово есть единственный знак и единственное верное свидетельство мысли, скрытой и заключенной в Теле. И в этом истинное отличие человека от животного. И таким образом, не слово — продукт мысли, а наоборот: мышление плод речи. В мозге человека нет центра или зоны мысли, а вот центры или зоны речи действительно есть — в левом полушарии (у правой), в верхней и нижней лобной доле, в височной, на стыках последней с теменной и затылочной. Они являются крошечными, с орешек (т.наз. зоны Брока и Вернике). Но ни в коем случае нельзя упрощать, схематизировать конечную обусловленность высших психических функций человека существованием речи. Мышление, сознание, воля, личность — это не другие наименования речевой функции, но это ее сложные производные. Без речи нет и не могло бы их быть. Формула "речь — орудие мысли" годится лишь для случая, когда мы подыскиваем наиболее подходящие слова для выражения своей готовой мысли. Но возможность мыслить восходит в сферу отношений индивида не только с объектами, но с другими индивидами, акт мысли есть акт или возражения или согласия, как и речь есть акт побуждения или возражения. Поражение лобных долей мозга (которые получили мощное развитие только у человека, у *Homo sapiens*, и занимают у него до одной трети всей массы больших полушарий) приводит к нарушению сложной и целенаправленной деятельности, резкому падению всех форм активного поведения, невозможности создавать сложные программы и регулировать ими деятельность. Но лобные доли человека в свою очередь — слуга речи. Любой вид восприятий у человека управляется с помощью тех вполне определенных областей коры мозга, которые в филогенезе возникли только у человека и которые в самостоятельно сформированном виде не присущи даже и ближайшим эволюционным предкам *Homo sapiens*, т.е. всем представителям семейства **Troglodytidae**. Эти области коры, преимущественно верхнепередние лобные формации, следует считать составной, и притом первостепенной анатомо-функциональной, частью аппарата второй сигнальной системы — они служат посредствующим звеном между корковыми очагами собственно приемно-передающей речевой системы и всеми прочими отделами коры головного мозга, ведающими и восприятием (опросом среды), и ответной активностью — действиями. Эти зоны лобной коры, выделившиеся в филогенезе только у человека, в онтогенезе созревают у ребенка позднее всех остальных зон

коры. В случае поражения этих мозговых структур человек утрачивает способность следовать словесной инструкции, а это означает большие или меньшие разрушения механизма второсигнального управления восприятием. В принципе, слово властно над почти всеми реакциями организма, пусть мы еще не всегда умеем это проследить. Так, в гипнозе слово может воздействовать на изменения состава крови и другие биохимические сдвиги в организме, а посредством установления условнорефлекторных связей словом можно воздействовать чуть ли не на любые физиологические процессы — не только на те, которые прямо могут быть вербализованы (обозначены словом), но и все, с которыми можно к словесному воздействию подключить цепную косвенную связь, хоть они прямо и не осознаны, не обозначены своим именем. Анализ образования условных рефлексов у человека, механизмов двигательных реакций, особенностей ЭЭГ и характеристик чувствительности анализаторных систем показывает, что решительно все стороны мозговой деятельности человека пронизаны вмешательством второсигнальных управляющих импульсов. Это верно в отношении и самых "духовных" и самых "материальных" актов. Отсюда непреложно следует вывод о том, что знаменитый философский "психофизический парадокс" (вопрос соотношения души и тела) является на поверку не чем иным, как очередной надуманной псевдопроблемой. [Прибавление. Можно даже утверждать большее: буквально все в человеческом организме можно в итоге подчинить словесной, точнее второсигнальной (ауто)инструкции. Все те впечатляющие достижения йогов, экстрасенсов и есть свидетельства такого воздействия на организм через вторую сигнальную систему. Как известно, радикальным /само/внушением часто избавляются даже от смертельных заболеваний, и, наоборот, совершенно здоровый человек может в одночасье умереть по "зомбирующему приказу". В принципе, наверняка, с помощью неких неизвестных, но достаточно нехитрых (хотя, возможно, и напряженных) психагогических методик можно основательно продлить человеческую жизнь. По крайней мере, это не исключено: достаточно вспомнить о долголетию многих людей, занятых творческим трудом, особенно — неспешным, с установкой на не скорое получение результатов, как, напр., у селекционеров. Это не говоря уже о том анекдотическом факте, что т.наз. "нытики" живут определенно дольше. Другое дело, что сама по себе мечта людей о бессмертии — вздорна: человек, в идеале, должен доживать лишь до того времени, когда он "наполнится днями" и захочет смерти сам: будет "ждать ее как невесту".] Школа **И. П. Павлова** установила фундаментальный физиологический факт: вторая сигнальная система оказывает постоянную отрицательную индукцию на первую. Слово невидимо совершает тормозную, всегда нечто запрещающую работу. Словесная система оказывает тормозное влияние на непосредственные, т.е. первосигнальные, реакции. Эта тормозная функция слова в норме отчетливо обнаруживается лишь в раннем детском возрасте, позже становится скрытой, но может наблюдаться в случаях нарушения нейродинамики и в некоторых особых ситуациях. Могучее вторжение второй сигнальной системы в регулирование всей высшей нервной деятельности, несомненно, предполагает не "вакуум инстинктов", а тот факт, что она прежде всего была средством торможения любых первосигнальных двигательных и вегетативных рефлексов. Торможение служит глубоким ядром ее нынешнего функционирования у человека. Лобные доли (собственно, префронтальная часть) не только тормозят первосигнальные рефлексы, вообще прямое реагирование на среду, но и преобразуют речь в поведение, подчиняют освобожденное от прямого реагирования поведение заданию, команде (экстероинструкции) или замыслу

(аутоинструкции), т.е. речевому началу, плану, программе. Таким образом, специфическая работа мозга человека складывается из трех этажей: 1) сенсорные и моторные речевые зоны или центры, 2) лобные доли, в особенности переднелобные, префронтальные формации и специально присущие Homo Sapiens зоны в височно-теменно-затылочных областях, 3) остальные отделы мозга, в общем однородные у человека с высшими животными. Второй этаж преобразует речевые знаки в направляющую цель и осуществляющую ее волю. Тем самым социальное проникает внутрь индивида, сообщения (смыслы), адресуемые человеческой средой, становятся внутренним законом его деятельности. Ныне палеоантропологии вполне достоверно известно, что у всех троглодитид, даже самых высших, палеоантропов (неандертальцев в широком смысле), в архитектонике мозга отсутствовали все верхние префронтальные формации коры головного мозга, а также те зоны височной и теменной областей, которые осуществляют второсигнальное управление и поведением, и восприятием, и всеми функциями организму человека. Они присущи только и исключительно Homo sapiens. Если же нет налицо верхних передних формаций лобных долей — значит нет речи, значит нет человека! Прежде совершенно неоправданно придавалось решающее значение общему весу мозга (исчисляемому особым образом по его отношению к весу тела). Выяснилось также, что количество и глубина борозд (мозговых извилин) не служит показателем эволюционно более высокого уровня мозга. Изучение работы мозга человека показало, что в мыслительных и других высших функциях принимает участие лишь относительно малая часть составляющих его нервных клеток, полей и структур. Развитие второй сигнальной системы у людей ни в коем случае не было следствием разрастания объема мозга по сравнению с объемом (весом) тела, с т.наз. процессом энцефализации (его характеристика — коэффициент энцефализации EQ) в филогенезе троглодитид. Во-первых, в биологической эволюции вообще налицо тенденция увеличения мозга. Во-вторых, чрезмерное разрастание объема головного мозга в эволюции семейства троглодитид было прямым морфологическим следствием прямохождения и плюс к этому — плотоядения, т.е. повышенного усвоения протеина. Обнаружилось также, что у Homo sapiens средний размер головного мозга не возрастал и не возрастает сравнительно с поздними палеоантропами, и даже можно считать, что статистически мозг у неандертальца был больше (до 1700 гр.). Между тем речевая функция мозга в корне отличает Homo sapiens от палеоантропа. Как видно, социальность и разум человека никак прямо не коррелированы с тотальной величиной его головного мозга. Поэтому совершенно правомерен и уместен вопрос: нужен ли в действительности человеку такой большой мозг, не атавизм ли это или нечто вроде тупикового пути эволюции (типа непомерно больших крыльев у фазана-аргуса, потерявшего даже способность летать из-за этого)?! [Прибавление. Существует множество поразительных примеров того, что именно организация мозга, а не его размеры в основном определяют человеческий интеллект. Достаточно будет привести лишь один [27]. Головной мозг позвоночных (в том числе и человека) — это по существу полая структура, полости мозга называются желудочками. Существует болезнь (гидроцефалия, или водянка мозга), при которой желудочки растянуты жидкостью, а толщина слоя нервной ткани уменьшается. Обычно у таких больных отмечаются серьезные нарушения многих функций, в том числе очень слабое умственное развитие. Однако, это не всегда так. У студента одного английского университета была гидроцефалия, но его IQ достигал 126, он получил диплом с отличием по математике и выглядел совершенно нормальным. Как показала компьютерная

томография, слой нервной ткани в полушариях мозга имел у него толщину всего лишь около миллиметра вместо нормальных 4,5 см, а общий вес мозга по приблизительной оценке составлял 50-150 гр. вместо обычной средней величины около 1350 гр.] Хотя экстероинструкцию и аутоинструкцию можно рассматривать как в основном эквивалентные, но надо обращать внимание и на их противоположность, противоборство. Таким путем можно расчленить экстероинструкцию и аутоинструкцию, иначе говоря внушение и самовнушение, еще точнее, суггестия и контрсуггестия. Первичным останется внушение, а вторичны и производны — негативный ответ на внушение, его отклонение или, напротив, его возведение в степень. Очень важно выделить в речевом общении, во второй сигнальной системе его ядро — функцию внушения, суггестии. И находится это ядро не внутри индивида, а в сфере взаимодействия между индивидами. Внутри индивида находится лишь часть, половина этого механизма. Принимающим аппаратом внушения являются как раз лобные доли коры, именно они и есть орган внушаемости. Внушение и есть явление принудительной силы слов. Слова, произносимые одним, неотвратимым, "роковым" образом определяют поведение другого, если только не наталкиваются на отрицательную индукцию, контрсуггестию, обычно ищущую опору в словах третьих лиц. В чистом виде суггестия есть речь минус контрсуггестия. Последняя находится в обратной зависимости от авторитета лица — источника суггестии. Иллюстративен пример глухослепых детей. Как учат их первой фазе человеческого общения, как осуществляют начальное влияние на их поведение? Берут за руку и насильно, принудительно заставляют держать ложку в пальцах, поднимают руку с ложкой до рта, подносят к губам, вкладывают ложку в рот. Примерно так же прививаются все другие навыки. Здесь (из-за нарушения всех путей дистантной рецепции) воздействие оказывается не дистантно, а контактно, но тем очевиднее прослеживается суть дела. Она состоит в том, что сначала приходится в этом случае подавлять уже наличные и привычные действия слепоглухонемого ребенка. И начало человеческой инфлюации (влияния) — подавление, торможение собственных действий организма. Таким образом, первая стадия — это отмена прежней моторики. Вторая стадия — это замена отмененного новыми предписаниями, прескрипциями. Таким образом, для всякой человеческой инфлюации, в том числе и речевой, общим является первый и коренной акт — торможение. Эта фаза отмены, пусть и через сложную порой трансмиссию, имеет универсальный характер, обнаруживаясь на самом дне человеческих систем коммуникации. Назовем ее интердикцией, запретом. Второй фазой инфлюации человека на человека является собственно прескрипция: делай то-то, делай так-то. Это — внушение, суггестия. Итак, можно обобщить: второсигнальное взаимодействие людей складывается из двух главных уровней — инфлюативного и информативного, причем первый в свою очередь делится на первичную фазу — интердиктивную, и вторичную суггестивную. Неразлучный же спутник суггестии — контрсуггестия, т.е. в отношениях между центральными нервными системами двух (и более) людей суггестия и контрсуггестия представляют собой противоборствующую пару. Такую же антагонистическую пару нейрофизиологических процессов представляют возбуждение и торможение. Все в речевой материи сводится к повелению и подчинению или возражению. Речевое обращение Петра к Павлу, если и не является просто приказом (а сообщает информацию), все же является повелением принять информацию. Вопрос является повелением ответить и т.д. И Павел либо поддается побуждению (выполняет указанное действие, некритически воспринимает информацию, дает правильный

ответ и т.д.), либо находит средства отказа. Разговор — это по большей части цепь взаимных возражений. Можно ответить молчанием или неправдой. Возражением является и задержка реакции, обдумывание услышанных слов. Можно задать вопрос. Психическое поле возражений (контрсуггестии) огромно, кажется они не могут распространяться только на строгие формально-математические высказывания. [Прибавление. Этот повелительный характер человеческой речи есть следствие именно того, что "пра-речь" первоначально состояла лишь из приказов, требований и повелений. Это обстоятельство отчетливо прослеживается и в современных языках: *horchen* и *gehorschen* — в немецком языке, *obedio* (*ob-audio*) — в латинском, *sma* — в иврите, *akogo* — в греческом обозначают "слушать", но в то же время имеют и смежное значение "повиноваться", "слушаться", что и было вначале — в пра-языке — единственным и основным значением. И необходимо признать эту понятийную двусмысленность необычайно глубинной, раз она смогла сохраниться в языках, невзирая на всю калейдоскопичность процессов лингвистической дифференциации.] Таким образом, отличительная черта человека — речь. И свойства человеческой речи не только чужды общению и реакциям животных, но противоположны им. Речь и язык (в широком понимании) определяют в конечном счете все свойства и процессы человеческой психики, сама она осуществляется только при наличии тех областей и зон коры головного мозга, в том числе и лобных долей, которые имеются исключительно у *Homo sapiens*, в отличие даже от его ближайших ископаемых предков. Наконец, в речевой функции вычленяется самая глубокая основа — прямое влияние на действия адресата (реципиента) речи в форме внушения, или суггестии. [Прибавление. Глубочайшая генетическая связь мышления с речевой деятельностью выявляется и такими экспериментально установленными фактами, как соучастие в актах мышления дыхательной активности (компонента артикуляционного аппарата речи), как затрудненность или невозможность акта мышления при зажатом (ущемленном) языке. Таким образом, мозг *Homo sapiens* перестраивался вместе, в единстве с генезисом второй сигнальной системы, за это он расплатился утратой немалой части затылочной доли (в основном зрительной), тем самым люди лишились, принадлежавшей палеоантропам, способности хорошо видеть и передвигаться в полутьме, замечать мельчайшие помехи и опоры для локомоции; отсюда же происходит у людей и боязнь темноты.] Итак, ясно, что речь — ядро человеческой психики и что внушающая, суггестивная работа слов (прескрипция) — ядро этого ядра. Но суггестия не может быть побуждением к чему-либо, чего прямо или косвенно требует от организма первая сигнальная система. Суггестия должна отменить стимулы, исходящие от них всех, чтобы расчистить себе дорогу. Следовательно, суггестия есть побуждение к реакции, противоречащей, противоположной рефлекторному поведению отдельного организма. Ведь нелепо "внушать" что-либо, что организм и без того стремится выполнить по велению внешних и внутренних раздражителей. Незачем внушать то, что все равно и без того произойдет! Для понимания дальнейшего изложения предстоит остановиться на некоторых физиологических явлениях нервной деятельности:

1) рефлексе, 2) неадекватном рефлексе, 3) доминанте, 4) торможении и 5) ультрапарадоксальном состоянии.

1) РЕФЛЕКС. Все акты сознательной и бессознательной жизни по способу происхождения суть рефлексы. Мозговые механизмы рефлекторных актов необычайно сложны; т.наз. рефлекторные дуги, связывающие входные и выходные реакции организма интегрированы в центральной нервной системе. Мозг не только соединяет их, но и разъединяет (торможение). К тому же, одни дуги могут

превращаться в другие, энергия многих одновременных раздражений может направляться в тот или иной единственный канал ответа. Никакая невероятно сложная компьютерная система, сеть не идет в сравнение с этой сложной работой центральной нервной системы высших животных, в особенности человека. [Прибавление. Правда, нынешнее бурное развитие компьютерной техники позволило "подобраться" к чему-то такому, что может напоминать работу человеческого мозга: а именно, т.наз. параллельный процессор (типа Эдинбургского сверхкомпьютера), выполняющий сразу множество заданий, а по стилю работы подходящ тут для сравнения компьютер Apple Macintosh, с его ориентированным на пользователя, "догадливым" интерфейсом. Тем не менее, не может быть и речи об "искусственном интеллекте", сравнимом с естественным.]

2) НЕАДЕКВАТНЫЕ РЕФЛЕКСЫ. В момент столкновения двух противоположных импульсов (напр., агрессии и страха) в поведении животного возникают т.наз. неадекватные рефлексy. Нервный срыв из-за столкновения возбуждения и торможения, из-за трудной или непосильной дифференцировки обязательно внешне выражается в тех или иных "нелепых" действиях животного. Вместо нормальной реакции вступает какая-нибудь несуразная, сумасбродная. Это возможность "сломать" мозговой механизм без малейшего прикосновения к нему! Экспериментатор лишь предъявляет животному безобидные сигналы (неяркие вспышки лампочки, звуки метронома и т.п.), но располагает их в таком порядке по их сигнальному значению, что животное неизбежно "сойдет с ума", дав неоспоримые проявления этого в своем внешнем поведении. Это подлинная власть над природными процессами! Экспериментально доказано, что у каждого данного действия образуется какая-либо неадекватная пара, которая находится в скрытом от наших глаз состоянии, но обязательно проявится, если новое "произвольное" действие поставить в свою очередь в ситуацию трудной дифференцировки. Словом, возможно получать неадекватные рефлексy второй, третьей и т.д. степени. Таким образом, обнаруживается множество где-то на дне генетически заложенных, но не используемых в жизни очень специализированных (часто очень причудливых) двигательных комплексов. В принципе эта цепь ничем не ограничена. Организм в состоянии "изобретать" новые и новые действия, все более удаляющиеся от жизненных стереотипов, все более причудливые.

3) ДОМИНАНТА. На рецепторные поля организма, на его рецепторы внешней среды (экстерорецепторы), своей собственной внутренней среды (интерорецепторы) и, наконец, рецепторы собственных движений (проприорецепторы) в данный момент воздействует великое множество разных раздражающих агентов. Но в то же время, в каждый момент наблюдается в общем один какой-то ответ, одна поведенческая реакция или даже одно только движение, а не такое же великое ответное множество условных и безусловных рефлексов по числу атакующих раздражений. Т.е. рефлексy работают под лозунгом "все за одного, один за всех". В нашем теле не менее 107 степеней свободы, и это не считая движений лица и движений внутри корпуса. Таким образом, если в каждый отдельный момент имеется одна определенная степень свободы, и энергия направляется на выполнение одной очередной работы, то значит, все остальные в этот момент исключены, устранены, заторможены. Следовательно, большая часть дела торможение. Из этого вытекает, что торможение должно и поглощать подавляющую часть рабочей энергии организма. Все поступающие раздражения, которые могли бы вызвать одновременно множество всяческих рефлексов, не взрывают организм, а содействуют эффекту одной рефлекторной дуги, в данный момент господствующей, т.е. доминантной, экспроприрующей все прочие возможные.

Но доминанта не может бесконечно суммировать в себе возбуждения от разнообразных приходящих импульсов. Существует пессимум — такая сила и частота раздражений, которая превращает возбуждение нерва или нервного центра в торможение. И тогда возникает функциональное явление парабриоза: стойкого, неколеблущегося возбуждения, когда ткань утрачивает проводимость, следовательно приобретает признаки торможения.

4) ТОРМОЖЕНИЕ. Всякому возбужденному центру, доминантному в данный момент в сфере возбуждения, сопряженно соответствует какой-то другой, в этот момент пребывающий в состоянии торможения. Но эти два вида деятельности, хотя и соотносятся между собой указанным выше образом, биологически отнюдь не сопряжены друг другу. Например, адекватный — пищевой, и неадекватный (но соотносящийся с ним) — чесательный. И если появляется какой-либо пищевой раздражитель, то они подвергаются возбуждению сразу оба, и начинается весьма неравное деление возбуждения между ними: на адекватный пищевой центр поступает лишь меньшая часть возбуждений (только "идущие к делу"), а на сопряженный неадекватный чесательный центр устремляется подавляющая масса всех раздражений нейтральных для первого центра. Тем самым неадекватный центр оказывается мгновенно перевозбужденным, он переходит в состояние парабриоза, иначе говоря, он мгновенно оказывается глубоко заторможенным. Мало того, он тем самым становится очагом или фокусом торможения в коре, во всей центральной нервной системе, в центробежных (эфферентных) нервных путях. Следовательно, этот второй фокус делает возможным осуществление организмом биологически необходимого действия, сам оставаясь бездейственным. Иначе бы доминанта сама задавила и угасила это необходимое организму действие. Но установление двух иннерваций как реципрокных (взаимных) предполагает и требует разыскания для них "общего пути". И такой "общий путь" — это весь мозг, включая кору, вся центральная нервная система (ЦНС). Чтобы осуществить какое-либо действие, надо, чтобы все остальные мыслимые действия в тот момент были заторможены. А для этого надо, чтобы подвергся срочному возбуждению и перевозбуждению какой-либо второй центр, истинно доминантный по отношению ко всем мыслимым действиям, кроме одного. Это и есть функциональный антагонизм. Мало того, это и есть антагонизм возбуждения и торможения в его наиболее развитой форме, по крайней мере, у животных. Вот это-то и есть тот самый принцип, который дает возможность получить разгадку происхождения человеческой речи. Эта схема двух фокусов, двух одновременных доминант (бидоминантность) хорошо разъясняет внутренний принцип системы торможения и возбуждения. Механизм возбуждения сам по себе остается одним и тем же на очень разных уровнях нервной деятельности какого-либо высокоразвитого организма. Это генетически низший, собственно рефлекторный субстрат. Переменная же, усложняющая величина — противостоящее ему торможение. Тормозная доминанта как бы лепит, формирует антагонистический полюс — комплекс, или систему, возбуждения. Она отнимает у этого комплекса все, что можно отнять, и тем самым придает ему биологическую четкость, верность, эффективность. Торможение — это резец скульптора, активное начало, вырабатывающее поведение так, как скульптор извлекает из глыбы статую. Торможение — это ни в коем случае не расслабление, истощение (как считали прежде), а наоборот, это — активный процесс, неразрывно связанный с возбуждением. Понятие "торможение" все менее соответствует первоначальному смыслу слова. Торможение есть рабочее состояние. И высшие формы торможения являются более мощными по сравнению с возбуждением, значительно более

сложными, принадлежащими к более позднему эволюционному уровню. Реактивность — свойство всего живого. А эволюция живой природы — это выработка все более совершенных средств не реагировать, т.е. тормозить эту самую реактивность. Совершенствование живого — это совершенствование торможения реакций. "Ум" животного — это возможность и его способность не реагировать в 999 случаях из 1000 возникновений возбуждения. Животное все успешнее оберегает себя от реакции. Все это не имеет никакого отношения к экономии энергии реактивности: напротив, расход энергии на торможение растет в ходе эволюции в гигантских пропорциях. В этой восходящей кривой переход к человеку есть не что иное, как дальнейший и качественно новый взлет торможения. Но чтобы это произошло, должно было иметь место переключение прежней системы торможения реактивности, присущей животным, на систему высшего порядка. Так что ж удивительного в том, что энергетически именно торможение "стоит дороже"? В этом и состоят затраты Природы на прогресс, на совершенствование реакций организма. Этот ряд можно экстраполировать и дальше — на человека. Общеизвестно, что на килограмм живого веса у различных животных расходится за всю жизнь гораздо меньше килограмм-калорий, чем у человека. У собаки примерно 164 тысяч килограмм-калорий, лошади — 163 тыс., коровы — 141 тыс., у человека же — 726 тыс., т.е. в 4,5 раз больше, чем у высших позвоночных. При этом на возобновление своей массы лошадь и корова расходуют 33% энергии, собака — 35%, человек же — всего лишь 5%. Следовательно, все остальные 688 500 килограмм-калорий на килограмм веса тела, перерабатываются человеком за его взрослую жизнь главным образом на его реакции в среде. Расход на торможение превосходит расход на возбуждение, и круто возрастает с каждой эволюционно более высокой формой торможения.

5) УЛЬТРАПАРАДОКСАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ. Тормозная доминанта скрыта от наблюдателя и потому была бы обречена оставаться умозрительной гипотезой, если бы, на счастье, не существовало удивительного феномена высшей нервной деятельности: ультрапарадоксального состояния. Оно-то и дает возможность узнать, — какая именно подавленная перевозбуждением деятельность в каждый данный момент поведения животного играла невидимую, "закулисную" роль тормозной доминанты. Ультрапарадоксальное состояние переворачивает все наоборот: изменяет функцию возбуждения и торможения в ЦНС на обратные. Это и есть неадекватный рефлекс. При переходе возбуждения в торможение наблюдаются определенные парабийотические стадии.

- 1) Уравнительная стадия, когда импульсы разной силы вызывают реакцию одинаковой силы.
- 2) Затем парадоксальная стадия, когда импульсы разной силы вызывают реакцию, противоположную по силе.
- 3) Тормозящая стадия, когда импульсы вызывают в нерве стойкое неколебательное возбуждение, не проводящее их до рабочего органа.
- 4) Наконец, ультрапарадоксальная стадия, когда положительный раздражитель вызывает торможение, а отрицательный, т.е. тормозной, раздражитель вызывает положительную реакцию — возбуждение.

Ультрапарадоксальная фаза специфична только для ЦНС, и — только для коры. Итак, неадекватные рефлексы — огромный мир особого рода рефлексов: это многообразные реакции, обычно заторможенные в роли тормозных доминант, но активизирующиеся и выступающие в видимой форме в условиях ультрапарадоксальной "перестановки знаков", инверсии, т.е. превращения возбуждения в торможение и обратно. Таким образом, можно констатировать

развитие и усложнение тормозной доминанты как механизма высшей нервной деятельности. На филогенетической лестнице — от рыб до приматов — замечается повышение разнообразия неадекватных реакций; особенно они интенсивны и разнообразны у обезьян. Главный вывод отсюда: раз они достигают максимума у высших приматов, то надлежит полагать, что предковая форма человека в лице семейства троглодитид, и особенно его высшей степени, палеоантропов (троглодитов), обладала еще большим ассортиментом неадекватных рефлексов. Кроме того, неадекватные рефлексыв обнаруживали свойство имитатогенности — они вызывали подражание, что способствовало развитию специфических дистантных звуковых контактов внутри популяции. Теперь ясно, что в высшей нервной деятельности животных налицо нечто, что характеризуется как противоположное, обратное их биологически рациональному рефлекторному функционированию. То, что это "нечто" подчас использовано в эволюции животного мира для адаптации — это лишь побочный плод. Главное же для начала человеческой истории и самого человека — это возможность превращения этого "отрицательного", даже как бы "патологического" явления у животных, более того, губительного для них, в опору принципиально новой формы торможения, которая характерна для высших троглодитид, а затем преобразуется у человека в положительную норму его высшей нервной деятельности. Из феномена тормозной доминанты вытекает, что, если суметь вызывать ("раскрепощать") такие тормозимые действия, то несомненно затормозятся реципрокные (взаимосвязанные) рефлексыв, бывшие перед тем в активном состоянии. Значит, наготове есть могучая машина для пресечения всех и любых, даже самых совершенных, рефлексов, даже самых сложных форм поведения животных. Но что могло бы привести ее в действие в Природе? Что могло бы вызывать у животных эти, обычно глубоко затаенные, призраки? Существует лишь один-единственный подходящий для этого природный механизм: сила имитации, заразительная помимо какого бы то ни было подкрепления. Т.е. подражательные рефлексыв, подражательные действия возникающие только на внешнее проявление рефлекторного акта, производимого другим животным. И тогда сила автоматического подражания без всякого прямого подкрепления способна вызвать у другого индивида некое действие. Это, вызванное неодолимой силой подражания, действие может быть как раз и тем самым действием, которое служило у этого индивида тормозной доминантой для того или иного адекватного действия, которое проявилось бы у него в ультрапарадоксальном состоянии как неадекватный рефлекс. И в этом случае подражание превратит заторможенное действие в активное, в возбужденное, а тем самым затормозит активное адекватное действие. Встреча восходящей кривой неадекватных рефлексов и восходящей кривой имитативности может рассматриваться как точка возникновения нового механизма нового уровня торможения в физиологии высшей нервной деятельности. Этот тормозной механизм и есть интердикция, или запрет. Но сила и многообразие имитационных рефлексов и автоматического "непроизвольного" подражания у животных не представляет эволюционно восходящего ряда: имитативность наблюдается на весьма различных уровнях филогенеза животного царства. Не заметно ее нарастания или падения, видны лишь варианты. Если же рассмотреть подражательность в рамках одного отряда приматов, то можно увидеть исключительное явление: огромный эволюционный подъем интенсивности этого явления. В том числе нарастает она по линии от низших обезьян — к высшим, от высших — к ребенку человека, к автоматической подражательности у человека в патологии. Шимпанзе способны

овладеть даже методикой "выбора на образец": выбрать или сделать что-либо по предлагаемому экспериментатором образцу — выбрать нужную фигурку, собрать пирамидку аналогичную постройке-образцу. Здесь важен принципиальный результат: подражание у шимпанзе возможно не только действиям, но и результату действий — его форме, его строению. Это качественный перелом, когда форма предмета способна стать относительно независимым стимулом подражательной активности. Он проявился и в эволюции "древнего камня" троглодитид на некотором этапе (ашель), когда форма предмета обнаружила свое словно самодовлеющее значение наряду с его функциональным назначением. Итак, налицо огромное нарастание имитативной "способности" в филогенезе приматов. Есть основание для экстраполяции этого вывода на следующий этап эволюции: сила и диапазон имитативности еще более возросли в семействе троглодитид, ответвившихся от понгид (антропоидов, или антропоморфных, высших обезьян), начиная с позднего плиоцена. Глубокие олигофрены — идиоты и имбецилы — в необычайной степени имитативны (эхопраксичны) по сравнению с нормальным человеком. Феноменальная имитативность наблюдается подчас у микроцефалов. Если от патологии перейти к норме, то можно увидеть высочайшую имитативность в раннем онтогенезе у нормальных детей. У ребенка в доречевом возрасте подражание имеет больший размах и диапазон, чем у обезьян, в том числе у их детенышей: эволюционные предки современного человека обладали более сильной имитативностью, чем обладают высшие обезьяны. По мере созревания нормального человека, с возрастом, имитативность подавляется. Она не исчезает вовсе, но сокращена, снижена, трудноуловима. Это можно проиллюстрировать на фактах нашего речевого восприятия. Рецепция звукового сигнала, т.е. физических звуков чужой речи, у человека занимает 100 миллисекунд, затем в течение 150 миллисекунд наступает беззвучная, крайне редуцированная имитация услышанных звуков, 300-400 миллисекунд уходит на распознавание звуков уже по фонемам как речевых символов, т.е. их фонетическое "понимание". И если первая стадия свойственна всем животным, то быстро протекающая в мозгу вторая стадия говорит об эпохе высокого развития имитации в непосредственной эволюционной предыстории человека, тогда как третья — о переходе к утонченному пониманию речи современным человеком. Прямым доказательством всего сказанного об имитативности гоминид послужат обработанные камни, сохранившиеся в отложениях четвертичной эпохи. Все те многочисленные пресловутые "орудия труда", которыми пользовались *Homo sapiens* (в сущности едва ли всерьез отличимые от прочих австралопитеков), археоантропы и палеоантропы. Для психолога эти огромные серии палеолитических изделий, повторяющихся в несчетных количествах, свидетельствуют прежде всего об автоматической наработанности соответствующих действий их создателей. Номенклатура орудий насчитывает для нижнего палеолита свыше 20 названий, для среднего — свыше 60, для верхнего (позднего) — свыше 90. Согласно современным экспериментам, изготовление каменного "орудия" требует от нескольких минут до максимум получаса. Произведем небольшой арифметический расчет. Подсчитаем, на какое число поколений приходится прогрессивные сдвиги в технической эволюции палеолита. "Поколение" условно определим отрезком времени в 30 лет (таким образом, от начала Римской Империи до нынешнего времени сменилось около 70 поколений!). На историю изменений в технике, морфологии, наборе изделий нижнего палеолита падает цифра порядка минимум 50.000 поколений. Если разбить этот нижнепалеолитический прогресс даже на 20 этапов (что дает очень дробную шкалу мельчайших, едва уловимых археологических сдвигов), то на

каждый этап придется величина порядка 2.500 поколений. Даже в среднем палеолите на малейший сдвиг в технике изготовления орудий приходится величина порядка 200-300 поколений. Это несоизмеримо ни с какими явлениями и процессами индивидуального сознания и речевой информативной коммуникации. Тут очевидные явления этологического порядка. Эти камни свидетельствуют о трансляции от индивида к индивиду именно имитируемых манипуляций, движений, комплекса движений. Изобилие на многих палеолитических стоянках незавершенных кремневых изделий тоже свидетельствует о том, что конечный результат лишь отчасти выверял комплектность этих подражательных действий. Ранее уже было сказано о нарастании силы, частоты и многообразия неадекватных рефлексов в филогенетическом восходящем ряду животных, что позволяет экстраполировать их дальнейшее нарастание у семейства троглодитид. Но и явление имитативности также наращивало свою силу и выраженность в пределах филогенеза отряда приматов, с естественно предполагаемой его кульминацией у того же семейства троглодитид. Невозможно отрицать, что эти два восходящих фактора не скрестились, не вступили во взаимодействие между собой у ископаемых видов этого семейства. Интердикция и составляет высшую форму торможения в деятельности центральной нервной системы позвоночных. Эта специфическая форма торможения образует тот фундамент, на основе которого оказался возможным переход от первой сигнальной системы (безусловные и условные рефлексы) ко второй человеческой речи. Однако сама по себе интердикция еще не принадлежит ко второй сигнальной системе. Проявления интердикции отмечаются на очень далеких от человека участках эволюции — у птиц, у низших обезьян. Так что механизм интердикции заложен в глубинах первой сигнальной системы. Его можно расчленить на целую иерархию, и только верхний ее уровень, ее предельная вершина лежит у подножия первого этажа человеческой речи. **Различимы следующие уровни.**

1. Этот механизм — всего лишь "отвлечение внимания", т.е. пресечение какого-либо начатого или готовящегося действия сильным стимулом, для организма биологически бесполезным или даже вредным. Здесь интердикция еще мало отличается от простой имитации, разве что своей экстренностью.
2. Собственно интердикцией следует считать такое воздействие неадекватного рефлекса, когда имитатогенным путем в другом организме провоцируется активное выражение тормозной доминанты какого-то действия. Тем самым это действие временно "запрещается". В таком случае исходное звено неадекватный рефлекс первого из двух организмов — отрывается от обязательной зависимости от ультрапарадоксального состояния. Он перестает быть собственно неадекватным рефлексом и может биологически закрепиться как полезный акт самообороны или даже — как активное воздействие на поведение другого индивида.
3. Высшим уровнем интердикции является такая же активизация тормозной доминанты чужого организма, но в более широкой сфере деятельности, в пределе — торможение таким способом всякой его деятельности одним интердиктивным сигналом. Предел этот недостижим на самом деле (т.к. должна оставаться какая-то резервная активность для торможения всего остального), но все же эта генерализованная интердикция служит той ступенькой, от которой следующий шаг ведет уже к начальной ступеньке второй сигнальной системы. Можно допустить, что и палеоантроп, подражая голосам животных других видов, в немалой части представлявшим собой неадекватные рефлексы, он вызывал их имитативноинтердиктивную реакцию. Тем самым палеоантроп оказался вооруженным грозным и небывалым оружием и занял совсем особое место в мире

животных. В своем еще нечеловеческом горле он собрал голоса всех животных раньше, чем обрел свой специфический членораздельный голос ("и всех зверей язык узнал он"). Этот "эврибионт", даже "убиквист" (т.е. обитатель неограниченно разнообразных биотопов), был абсолютно безопасен для всех зверей и птиц, ибо он никого не убивал. Но зато он как бы отразил в себе этот многоликий и многоголосый мир; и потому смог в какой-то мере управлять поведением его представителей благодаря опоре на описанные выше механизмы высшей нервной деятельности. Множество ученых от Уоллеса до Баллона доказывали и доказали, что человеческое мышление не является линейно нарастающим от животных предков свойством. Напротив, оно и в антропогенезе, и в онтогенезе у ребенка сначала вредно для каждого индивидуального организма, делает его беспомощнее по сравнению с животным. Лишь дальнейшее его преобразование понемногу возвращает ему индивидуальную полезность. Так как же, если исключить всякую мистику, объяснить это "неполезное" свойство? Ведь естественный отбор не сохраняет "вредных" признаков. А нейтральным признаком данное свойство не назовешь. Возможно лишь одно объяснение: значит оно сначала было полезно не данному организму, а другому, не данному виду (подвиду), а другому. Таким образом, можно набросать предположительную схему дивергенции троглодитид и гоминид, начавшуюся еще в мире поздних палеоантропов и завершившуюся лишь с окончательным оформлением *Homo sapiens*. Видится, что поздние мустьерцы, в высочайшей степени освоив сигнальную интердикцию в отношении зверей и птиц, наконец возымели тенденцию распространить ее и на себе подобных. Эта тенденция в пределе вела бы к полному превращению одних в "кормильцев", других в "кормимых". Но с другой стороны, она активизировала и нейрофизиологический механизм противодействия: асуггестивность, неконтактность. Именно здесь мы встречаемся с нарушением эволюционного процесса, прекращения его классического поступательного шествия, на человеке эволюция спотыкается. Как указывал еще Дарвин, если бы у какого-либо вида был найден признак, полезный другому виду или даже — с учетом внутривидовой борьбы — другой особи того же вида, это оказалось бы неразрешимой проблемой для теории естественного отбора. Именно таким признаком, и такой проблемой стал для теории эволюции рассудок и антропогенез. Дарвинизм, как, впрочем, и все новейшие интерпретации эволюционизма, неприменимы к антропогенезу. У человека работу центральной нервной системы можно разделить на три блока.

1) **Сенсорно-афферентный**, т.е. осуществляющий прием, анализирование, ассоциирование разнообразнейших раздражений.

2) **Эффлекторный**, т.е. осуществляющий двигательные и вегетативные реакции, в том числе большие системы действий с их поэтапной корректировкой.

3) **Суггестивный**, т.е. осуществляющий замену указаний, поступающих с первого блока, или ответов, свойственных второму блоку, другими, вызываемыми по второй сигнальной системе.

Функцию эту можно назвать "регулирующей", здесь идет речь о регулировании, по происхождению своему — межиндивидуальному. Функция, которая была раньше разделена между двумя индивидами, становится способом самоорганизации деятельности одного индивида, интрапсихическое действие превращается в интрапсихическую саморегулирующуюся систему; и связано это с преобразованием суггестии в контрсуггестию. Образование этого третьего блока имеет свою эволюционную базу в высшей нервной деятельности у животных, и приходит к своему непосредственному кануну у палеоантропов (троглодитов). Но у *Homo sapiens* происходит кардинальное преобразование — переход интердикции в

суггестию. В морфологии головного мозга этому соответствует появление весьма развитого префронтального отдела лобной доли коры, в особенности верхней его части, за счет крутого уменьшения объема затылочной доли, которая в филогенезе троглодитид неуклонно и интенсивно развивалась. Именно тут, в префронтальном отделе, осуществляется подчинение действий человека словесной инструкции (идушей от другого или от самого себя) — оттормаживание остальных реакций и избирательная активизация нужных нейрофизиологических систем. Таким образом, у истоков второй сигнальной системы лежит не обмен информацией, т.е. не сообщение чего-либо от одного к другому, а особый род влияния одного индивида на действия другого — особое общение еще до прибавки к нему функции сообщения. Интердикция — это вызов состояния парализованности возможности каких-либо действий за исключением вызванного имитационной провокацией. Эту высшую форму интердикции можно в принципе считать низшей формой суггестии. Однако это лишь зачаток суггестии, ибо под собственно "внушением" понимается возможность навязывать многообразные и в пределе любые действия. Последнее предполагает возможность их различать и обозначать. Таким образом, мозг *Homo sapiens* усовершенствовал не пресловутый "труд" одиночек, а выполнение императивного задания, т.е. специфическое общение (суггестия). Но тем самым суггестия несет в себе и противоречие: зачинает согласование двух сигнальных систем, из противопоставления которых она вышла. Но и это противоречие оказалось продуктивным: оно привело к контрсуггестии на более позднем этапе становления человечества. Именно так парадоксальное, абсурдное свойство "и-и" ("и то — и не то") становится высочайшей спецификой суггестии в ее окончательном виде. То, что невозможно для отдельного организма (одновременная реакция на два противоположных стимула), возможно в отношениях между двумя организмами, ибо второй организм реагирует не прямо на эти стимулы, а посредством реакций первого, выражающих и несовместимость стимулов и одинаковость их действия. Для второго индивида это реагирование первого — внешняя картина, а не собственное внутреннее состояние. Он-то может совместить отдифференцированные в мозгу первого индивида звук и предметное действие, слово и вещь, и адресовать такой сдвоенный сигнал обратно первому (или кому-нибудь). И тот испытывает ПОТрясение! Это выявленное и выделенное здесь совершенно уникальное явление назовем "дипластией". Полустершимися следами, но достаточными для демонстрации природы дипластии могут послужить метафоры, или еще больше — речевые обороты заклинаний. Дипластия — это неврологический, или психический, присущий только человеку, феномен отождествления двух элементов, которые одновременно абсолютно исключают друг друга. На языке физиологии высшей нервной деятельности это затянутая, стабилизированная ситуация "сшибки" двух противоположных нервных процессов, т.е. возбуждения и торможения. Но при "сшибке" у животных они, после нервного срыва, обязательно снова разводятся, а здесь остаются как бы внутри скобок суггестивного акта. Дипластия — единственная адекватная форма суггестивного раздражителя ЦНС: незачем внушать человеку то, что порождают его собственные ощущения и импульсы, но мало того, чтобы временно парализовать последние, внушающий фактор должен лежать вне норм и механизмов первой сигнальной системы. Этот фактор в лице дипластии биологически "бесмыслен", "невозможен" и вызывает реакцию на таком же уровне — как бы невротическом, но далеко не мимолетном, а постоянном для сферы общения. То, что у животных — катастрофа, здесь в антропогенезе, используется как фундамент новой системы. То, что у животных физиологи традиционно (хотя и вряд ли верно) рассматривают как

патологию нервной системы, в генезисе второй сигнальной системы преобразуется в устойчивую форму. "Ультрапарадоксальная фаза" для человека в отношении высшей нервной деятельности на уровне второй сигнальной системы стала пожизненной, лишь несколько отступая в пожилом возрасте (что ошибочно воспринимается, как умудренность, на самом же деле это — потеря нюансов в мыслях). Создание устойчивых нелепостей, или абсурдов, типа "то же, но не то же" и было тем самым выходом на уровень, немислимый в нервной деятельности любого животного. Последующая история ума была медленной эволюцией средств разъединения элементов, составляющих абсурд, или дипластию. Этому противоречивому объединению соответствует какая-то эмотивная реакция, которая свидетельствовала об абсурде и нуждалась в нем. Следом этого остается факт, выраженный в т.наз. законе А. Элькоста: всякое человеческое чувство в норме амбивалентно (внутренне противоречиво). Дипластия воспроизводит как раз то одновременное наличие двух противоположных друг другу раздражений, которое "срывает" нормальную высшую нервную деятельность у животных. Животное имеет дело либо с "тем же" раздражителем, не отличая новый от прежнего, т.е. пренебрегая их различиями, либо "не с тем", т.е. дифференцируемым. Напротив, то отождествление, о котором идет речь, ничего общего не имеет с их смешением: где есть смешение, там нет удвоения, нет обобщения. **Дипластия — такая операция, где между двумя предметами или представлениями налицо:**

- 1) очевидное различие или независимое бытие и
- 2) сходство или слияние; если нет и того и другого хоть в какой-то степени отождествление невозможно.

Создание дипластий — сублогика; преодоление дипластий — формальная логика. Преодоление дипластий можно определить также, как деабсурдизацию абсурда. Обычно абсурд (бессмысленность, нелепость) выступает просто как невыполнение условий логики. Но можно и перевернуть: логика — это невыполнение условий абсурда. И получится тогда более широкое обобщение. **Условия абсурда — это противопоставления трем основным законам логики:**

1) обязательность многозначности (минимум двусмысленности), т.е. «А не равно А»,

2) обязательность противоречия,

3) вместо "или-или" — "и-и". В таком случае, всякую логичность следует рассматривать как нарушение этих правил. Далее, есть возможность эти формулировки свести к одной позитивной. А именно, формулой абсурда может служить $A = B$. Два элемента — А и В — различны, но они и тождественны. Оба элемента пары, по определению, должны быть столь же несовместимы друг с другом, как нейрофизиологические явления возбуждения и торможения. И в самом тесном слиянии они не смешиваются. Собственно, к физиологическому антагонизму возбуждения и торможения восходит всякое явление функциональной оппозиции в человеческой психике, включая речь (фонологическая и синтаксическая оппозиция). Но человек в дипластий не может сливать возбуждение и торможение, — он может сливать в дипластий два раздражителя противоположного знака. Эта спайка — явление особого рода: в глубоком прошлом бессмыслица внушала священный трепет или экстаз, с развитием же самой речи, как и мышления, бессмысленное провоцирует усилия осмысления. "Речь есть не что иное, как осмысление бессмысленного". Дипластия под углом зрения физиологических процессов — это эмоция, под углом зрения логики — это абсурд... Но это не значит, что дипластия принадлежит исчезнувшему прошлому. Прошлое живет. Не видно, чтобы люди склонны были отказаться от ее

чар, лежащих во всем, что священо и таинственно, что празднично и ребячливо. Растущий строгий ум туго и многообразно переплетен в цивилизациях мира с доверчивым бездумьем и с причудливыми фантазиями.

ДИВЕРГЕНЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ВИДОВ

Теперь видно, что главной проблемой антропогенеза уже становится не морфологическое отличие *Homo sapiens* от предковой формы, а его реальные отношения с ней. Человек не мог не находиться в тех или иных отношениях с видом, от которого он стал отличаться и отделяться. Наука об антропогенезе должна стать наукой о конкретных биологических отношениях людей и той предшествовавшей формы, от которой они ответвились. Это были отношения и биогеографические, и экологические, отношения конкуренции, симбиоза или паразитизма, наконец. Главное внимание в этой науке должно быть перенесено на вопрос о реальных отношениях людей с его предковой формой. В науках о человеке должен произойти сдвиг, который можно сравнить лишь с копернианской революцией. Пора отбросить все те несурязицы, которыми замусорена проблема становления *Homo sapiens*. Научной несообразностью является взгляд, будто все особи предкового вида превратились в людей. Еще бессмысленнее думать, что они перестали рождаться на свет с тех пор, как некоторые путем мутации стали людьми. Не лучше и идея, что немногие, ставшие людьми, в короткий срок лишили кормовой базы всех оставших и те быстро перемерли: на Земле до сих пор остается довольно пищевых ресурсов для множества видов животных. Упорно избегается тема о реальных взаимоотношениях двух разновидностей вида *Troglodytae*, в ходе этих взаимоотношений ставших подвидами, а затем и разными видами, продолжая и на этом таксономическом уровне находиться в биологических отношениях друг с другом (таких, как промискуитет и каннибализм). И что касается человека (*Homo sapiens*), то он появляется всего лишь 35-40 тысяч лет тому назад. Его исторический марш, обгоняющий темпы изменения окружающей природы, т.е. обретающий относительное самодвижение и ускорение (при неизменности телесной организации), начинается и того много позже. Начало такого самодвижения следует отсчитывать лишь с неолита, эти недолгие восемь тысяч лет человеческой истории по сравнению с масштабами биологической эволюции можно приравнять к цепной реакции взрыва. История людей — взрыв! В ходе ее сменилось всего несколько сот поколений. Толчком к взрыву послужила бурная дивергенция двух видов — *Troglodytes* (палеоантропов) и *Homo pre-sapiens*, стремительно отодвигавшихся друг от друга на таксономическую дистанцию подвидов, видов, родов, семейств и, наконец, на дистанцию двух различных уровней самоорганизации материи биологической и социальной. Только существование крайне напряженных экологических отношений между обоими дивергирующими видами может объяснить столь необычайную быстроту данного ароморфоза: отпочковывания нового, прогрессивного вида. К тому же, с самого начала дивергенция не сопровождалась размежеванием ареалов. Наоборот, в пределах одного ареала происходило крутое размежевание экологических ниш и форм поведения. Следовательно, перед нами продукт действия некоего особого механизма отбора, противоположного дарвиновскому, "естественному". Уж очень специфично то, что возникло: вид, отличающийся инверсией процессов высшей нервной деятельности: "животное наоборот". И проблема антропогенеза в точном и узком смысле сфокусирована на сравнительно недолгом интервале времени, но крайне насыщенном. "Загадка человека" полностью включена в неисчерпаемо сложную тему дивергенции палеоантропов и *Homo pre-sapiens*. В переводе на

хронологию длина этого интервала всего лишь 15-25 тысяч лет, на нем-то и укладывается все таинство дивергенции, породившей людей. Часто говорят о непомерно быстром образовании вида *Homo sapiens* из родительской формы *Troglodytes*, хотя никаких "обычных" темпов образования видов не существует. Но в нашем случае дело идет не о далеких биологических видах, а раздвоении единого вида. Вот как раз вполне "бессознательным" и стихийным интенсивным отбором палеоантропы и выделили из своих рядов особые популяции, ставшие затем особым видом. Обособляемая от скрещивания форма, видимо, отвечала прежде всего требованию податливости на интердикцию. Это были "большелобые". В них вполне удавалось подавлять импульс убивать палеоантропов. Но последние могли поедать часть их приплода. "Большелобых" даже удалось побудить пересилить инстинкт "не убивать", т.е. заставить их убивать для палеоантропов, как "выкуп", разных животных, хотя бы больных и ослабевших, вдобавок к прежним источникам мясной пищи. Вспомним обряды инициации. Суть их состоит в том, что подростков, достигших половой зрелости (преимущественно мальчиков), выращенных в значительной изоляции от взрослого состава племени (в особых домах), подвергают мучительным процедурам и даже частичному калечению, символизирующим умерщвление. Этот обряд совершается где-нибудь в лесу и выражает как бы принесение этих подростков в жертву — на съедение лесным чудовищам. Последние являются фантастическими замещениями некогда совсем не фантастических, а реальных пожирателей — палеоантропов; как и само действие являлось не спектаклем, а подлинным умерщвлением. Надо думать, что этот молодняк, вскормленный, или вернее, кормившийся близ стойбищ (в загонах?) на подножном растительном корму до порога возраста размножения, умерщвлялся и служил пищей для палеоантропов. Лишь очень немногие (отбираемые палеоантропами по "большелобости") могли уцелеть и попасть в число тех взрослых, потомки которых затем отпочковались от палеоантропов, образовав малопомалу изолированные популяции кормильцев (данников) этих палеоантропов, — в итоге все же уничтоженных: это сделал уже *Homo sapiens*. Этот ароморфоз был достаточно локальным феноменом: по данным современных генетических исследований человеческого гемоглобина выяснилось, что все человечество является потомками всего лишь 500-1000 предковых мужских особей. Есть и еще один совершенно специфический факт, который тоже локализован в данном хронологическом интервале: расселение ранних *Homo sapiens* по обширной ойкумене, чуть ли не по всей пригодной к обитанию территории нашей планеты, включая Америку, Австралию, Океанию. Эта дисперсия человечества по материкам и архипелагам Земного шара по своей стремительности тоже может быть уподоблена взрыву. За эти полтора-два десятка тысячелетий кроманьонцы преодолели такие экологические перепады, такие водные и прочие препятствия, каких ни один вид животных вообще никогда не мог бы преодолеть. И нельзя свести это рассеяние людей по планете к тому, что им не хватало кормовой базы на прежних местах, так же, как и нельзя сказать, что люди в верхнем плейстоцене расселялись из худших географических условий в лучшие, имело место и противоположное. Им не стало "тесно" в хозяйственном смысле, им несомненно стало тесно в смысле трудности сосуществования с себе подобными. Они старались отселиться от палеоантропов, которые биологически утилизировали их в свою пользу, опираясь на мощный и неодолимый нейрофизиологический аппарат интердикции. Они бежали и от соседства с теми популяциями *Homo sapiens*, которые сами не боролись с указанным фактором, но уже развили в себе высокий аппарат суггестии и перекладывали тяготы на часть

своей и окрестных популяций. И палеоантропы и эти "суггесторы" понемногу географически перемещались вслед за такими беглецами переселенцами. Наконец, Земной шар перестал быть открытым для свободных перемещений, и его поверхность покрылась т.наз. антропосферой, или системой взаимообособленных ячеек, пользующихся своим собственным языком, как средством защиты — помощью непонимания — от чужих повелений и агрессивных устремлений. Важно также и то, что эти первобытные социальные образования в общем всегда эндогамны. Этнос или другой тип объединения людей всегда служит препятствием для брачно-половых отношений с чужими. Ведь несомненно, что к главнейшим механизмам дивергенции с палеоантропами принадлежало избегание скрещивания. Так что эндогамия, разделившая человеческий мир на взаимно обособленные ячейки, сделавшая его причудливой сетью расово-национальных этносов, была следствием дивергенции, как бы возведенным в степень, получившим совершенно иную функцию. И все же это взаимное избегание первобытных популяций было слишком запоздалым средством для того, чтобы таким образом защититься от скрещивания с палеоантропами адельфофагами. Ибо самое страшное уже произошло: потомки этих первоубийц уже прочно вошли в состав рода людского в результате первобытного промискуитета на самой ранней стадии становления человечества: адельфофагической. Слишком просто было бы считать, что ранние *Homo sapiens* состояли из внушающих (суггесторов) и внушаемых (суггерендов), и эти вторые поддавались Бездействующему влиянию (инфлюации) первых. Так же просто было бы и полагать, что каждая особь играла то одну роль, то обратную, нисколько не срастаясь с ними. Но обе эти модели слишком просты, чтобы быть истинными. Метаморфозы суггестии вполне согласуются с иной антропологической моделью. Более вероятно, что существовало как минимум три соучаствующих стороны. И воздействие суггестии направляется лишь на того, кто не владеет "кодом" самозащиты, либо происходит обращение, наоборот, к владеющему таким кодом (соучастнику). Здесь слову "код" возвращается его истинное значение, утраченное кибернетикой: "код" может быть только укрытием чего-то от кого-то, и подразумевает трех участников: кодирующего, декодирующего и акодирующего (не владеющего кодом). **Соответственно, существовало три градации в неустойчивом переходном мире становления раннего человечества, *Homo pre-sapiens*.**

1. Еще весьма близкий к биологическому палеоантропу, т.е. полунандерталоидный тип, использующий примитивную, летальную для его "собеседников", роковую и неодолимую (до поры до времени) интердикцию.

2. Средний, промежуточный тип, который способен имитировать действия первого типа, но в итоге неспособный ему противостоять, суггестор-имитатор: первобытный манипулятор.

3. Наиболее продвинутое в сторону сапиентации (оразумления), но практически неспособные противостоять воздействию первых двух типов, суггеренды. Все вместе они, по крайней мере первый и третий тип, находились в биологическом противоречии, каковому противоречию и соответствует первоначальная "завязь" суггестии. Она достигает все большей зрелости внутри этого мира ранних *Homo pre-sapiens*, причем наиболее элементарные формы суггестии действительно по отношению к более примитивному типу (так и оставшемуся животным), а более сапиентные варианты *Homo pre-sapiens* избегают воздействия суггестии благодаря вырабатываемымся предохранительным ограждениям (непонятность, кодирование). Чем более усложненный вариант суггестии устанавливается во взаимоотношениях уже между более сапиентными формами, тем более он

становится "непонятным" для отставших, отбрасываемых назад, в мир животных. Здесь в последний раз (?) по отношению к *Homo sapiens* (точнее, к *Homo pre-sapiens*) применяет свое энергичное (необычайно!) воздействие естественный отбор, закрепляя формирование соответствующих нейродинамических устройств (эхолалических, парафизических и др.) в мозге становящегося человека. Средний суггесторный тип размывался, и все дальше от этой уже человеческой эволюции суггестии оставался на биологическом уровне неандерталоидный тип. Полная зрелость суггестии отвечает завершению дивергенции человека с палеоантропами (троглодитами). К этому времени среди самих *Homo sapiens* уже распространилось взаимное обособление общностей по принципу "кодирования" своей общности от чужих побуждений, т.е. возникла самозащита "непониманием" от повелений и поведенческих норм, действительных лишь среди соседей. Но "уйти чисто" из животного мира, "не замазавшись", "человеку разумному" не удалось. В составе человечества остались прямые потомки тех самых первоубийц (предельно близких к биологическим палеоантропам — троглодитам), а также и потомки их подражателей — суггесторов-манипуляторов. В результате всех этих процессов антропогенеза (точнее, антропоморфоза) в неустойчивом, переходном мире становления раннего человечества образовалось весьма и весьма специфическое, очень недружественно настроенное по отношению к друг другу семейство рассудочных существ, состоящее из четырех видов. В дальнейшем эти виды все более и более расходились по своим поведенческим характеристикам. Эти виды имеют различную морфологию коры головного мозга. Два из них являются видами хищными, причем — с ориентацией на людей! Человечество, таким образом, представляет собой поэтому не единый вид, но уже — семейство, состоящее из четырех видов, два из которых необходимо признать хищными, причем с противоестественной ориентацией этой хищности (предельной агрессивности) на других людей. Хищность определяется здесь, как врожденное стремление к предельной или же чудовищно сублимированной агрессивности по отношению к другим человеческим существам. Именно эта противоестественная направленность и не позволила из-за дистанционной неразличимости — образовать видовые ареалы проживания, а привела к возникновению трагического симбиоза, трансформировавшегося с течением времени в нынешнюю социальность. Первый вид (хищный!) — это палеоантропы (или неотроглодиты), предельно близкие к своему дорассудочному предшественнику, "биологическому прототипу" — подавлявшему с помощью интердикции волю сородичей и убивавшему их. Это мрачные злобные существа, зафиксированные в людской памяти с самых ранних времен, в частности, в дошедших до нас преданиях о злых колдунах-людоедах. Второй вид (также хищный) — это суггесторы, успешно имитирующие интердиктивные действия "палеоантропов", но сами все же не способные противостоять психическому давлению последних. Третий вид (уже нехищный) — диффузный. Это те самые суггеренды, не имеющие средств психологической защиты от воздействия жутких для них, парализующих волю к сопротивлению импульсов интердикции. Это — "человек разумный". Четвертый вид — это неоантропы, непосредственно смыкающиеся с диффузным видом, но сформировавшиеся несколько позднее. Они более продвинуты в направлении сапиентации, оразумления, и способны — уже осознанно — не поддаваться магнетизирующему психологическому воздействию интердикции. "Неоантропов" следует считать естественным развитием диффузного вида в плане разумности. Именно эта классификация, на наш взгляд, является кардинальной, видовой типологией людей. Все остальные систематизации человеческих типов от

Гиппократ до К. Юнга, Э. Кречмера и Т. Адорно классифицируют людей лишь по второстепенным и опосредованным характеристикам. Все они как бы с разных позиций "очерчивают" внешние, поверхностные признаки человеческого "головоломного кубика" или же выделяют и описывают отдельные его "ребра". "Кардинальная" же, видовая типология сравнима с разъединением "человеческой головоломки" на свои составные части, после чего ее загадочность исчезает. [Прибавление. Как из теории естественного отбора Ч. Дарвина "торчат уши" происхождения человека из животного мира (кстати, тезис о том, что "человек произошел от обезьяны" принадлежит не Дарвину, а его последователям: Фохту, Геккелю и Гексли, почти одновременно пришедшим к этой мысли), так и из концепции Б. Ф. Поршнева следует непреложный вывод о видовой неоднородности человечества. Профессор Поршнев работал над своей монографией более четверти века, и последние годы (конец 60-х) совпали со всемирным истерическим бумом поисков "снежного человека". И это обстоятельство не могло не сказаться на позиции ученого. Он был настолько уверен в правильности собственной концепции, что посчитал окончательным ее доказательством поимку снежного человека, "реликтового палеоантропа", по его мнению. Все это отвлекло внимание великого ученого, и он прошел мимо предположения о возможности нахождения этих "йети", "мизг е" в составе рода человеческого. И конечно же, преждевременная смерть ученого явилась огромной утратой для всей мировой науки в деле исследования "важнейшего вопроса всех вопросов".] Неопровержимым эмпирическим доказательством существования видового разделения человечества является "асоциальное моделирование". Именно так будет правомерно поименовать тот общеизвестный факт, что при всякого рода крупных катаклизмах (стихийных, революционных, милитаристских...), разрушающих государства, очень многие человеческие сообщества распадаются на "малые группы" — на враждующие между собой банды, "феоды", построенные по принципу "тюремно-камерного социума" — этой постоянно действующей асоциальной модели, ставшей уже классической в своей невеселой популярности. Главарь ("пахан"), "свита приближенных" (несколько прихлебателей: "шестерок") и, наконец, более менее многочисленная послушная "исполнительная группа". Такое самопостроение, стихийная самоорганизация, при снятии уз официальной социальности, предельно точно вскрывает и демонстрирует кардинальный (видовой!) состав человечества. Это — лежащее на самом виду, и удивительно, подобно кунсткамерному слону из басни Крылова, незамечаемое — доказательство этической неоднородности человечества по своей сути есть не что иное, как проявление произвольного, естественного возврата к прежнему состоянию при предоставлении возможности нестесненного, не ограниченного социальными рамками поведения. Собственно говоря, большинство и официальных общественных структур в той или иной мере приближаются к указанному "классическому" построению, и в первую очередь, это относится к властным структурам: государственным, партийным и др. Действительно, столь сильное поведенческое различие, возникшее при переходе к хищному внутривидовому поведению, с учетом продолжавшихся и во времена дивергенции промискуитетных отношений, не могло дать в итоге однородную до какой бы то ни было степени популяцию. Будет уместной иллюстрацией сравнение человечества с семейством *Canis* (Псовые), в котором примерно так же соотносятся между собой волки, шакалы и собаки разнообразнейших пород — этих последних абсолютное большинство. И в нашем контексте понимания хищности карликовая такса гораздо ближе и роднее огромному сенбернару, нежели волк — по отношению к овчарке. Т.е. хотя этих последних и отличить-то внешне друг от друга

затруднительно, тем не менее самое важное различие между ними состоит в том, что такой "серый братец по крови" может запросто и с превеликим удовольствием сожрать зазевавшуюся подругу. Использование здесь ставшего столь знаменитым, благодаря Ч. Дарвину, понятия "вид" возможно вызовет некоторое недоумение у лиц, чрезмерно обеспокоенных видовой чистотой человечества и потому способных усмотреть в этом несомненное покушение на постулат о биологическом единстве людей. Но так как описываемые человеческие различия относятся к морфологии коры головного мозга, имеющего все же некоторую специфику и ряд существенных отличий от соответствующего органа у животных, то поэтому и проявления этих различий имеют свои особенности. И относятся они главным образом к мыслительной деятельности, к нравственности, т.е. к параметрам, не имевшим до сих пор иной классификации кроме эмоционального к себе отношения и предвзятых оценок в русле субъективных трактовок понятий "добра" и "зла". В связи с этим, таксономическое определение "вид", как совокупность особей дающих репродуктивное потомство, в применении к человечеству очевидно нуждается в некоторой расширительной интерпретации, ибо значительная часть процессов вырождения и вымирания межвидовых гибридных потомков проходит в более сложных, "социально-обставленных" формах, о чем будет идти речь далее. Главное же то, что указываемые различия между нехищными людьми и суггесторами и тем более неотроглодитами столь существенны и значимы по своим социальным следствиям, что именно они оказываются ныне решающим фактором в вопросе выживания человечества. Дело в том, что, к хищным видам не применимы основные человеческие качества: нравственность, совесть, сострадание. Эти существа приносят в мир бесчеловечную жестокость, бесчестность и бессовестность. Поэтому с гуманистической позиции их нельзя, в принципе, называть людьми. Это жестокие и коварные животные, хотя и весьма умные. И если уж называть вещи своими именами, то правильнее всего будет определить представителей хищных человеческих видов, как хищные гоминиды. Или, еще более точно, палеоантропы (неотроглодиты) — это сверхживотные (superanimaly), а подражающие, "вторящие" им суггесторы-манипуляторы — это как бы некие оборотни, или псевдолюди. И именно видовая неоднородность делает жизнь человечества столь нестабильной и чреватой самыми ужасными последствиями. Хищные гоминиды ныне — это т.наз. "сильные мира сего", и это их неразумное владычество привело все живое на Земле на грань гибели. Но все же надежда умирает последней, и быть может, более подробное и тщательное рассмотрение человеческих проблем в видовом ракурсе укажет пути к спасению...

ПАЛЕОАНТРОП: СВЕРХЖИВОТНОЕ

Горе замышляющим беззаконие и на ложах своих придумывающим злодеяния, которые совершают утром на рассвете, потому что есть в руке их сила!... Ненавидите доброе, любите злое; сдираете с них кожу их и плоть с костей их. (Михей, 2:1, 3:2) И во мне поднималась радость, Радость от века, Радость, что я убил человека. (Б. Савинков) Внутривидовой агрессор — биологический палеоантроп, первоубийца явился как бы "злым гением" человечества (в гегелевском оформлении этого понятия, т.е. как мать является "гением" своего ребенка; здесь, конечно же, подразумевается внеэтический аспект). Совершив патологический переход к хищному поведению по отношению к своему же виду, палеоантропагрессор принес в мир гоминид страх перед "ближним своим". Закрепляясь генетически, этот страх стал врожденным. Это "страшное наследие" проявляется у людей уже в раннем детстве в форме "боязни посторонних", когда

пяти-семимесячный ребенок начинает отличать "своих" от "чужих" и испытывает страх при приближении незнакомого человека, хотя и не имеет отрицательного опыта общения с ним. Реакция "боязни посторонних" наблюдается у всех народов мира. Эта боязнь — всего лишь отголосок того древнего Пра-страха, ставшего некогда бичом популяции гоминид, разбившего ее на виды, а в дальнейшем разобщившего и рассеявшего человечество по всей Земле. И хотя биологические палеоантропы — внутривидовые агрессоры-первоубийцы — в ходе лавинообразного становления "человека разумного" были уничтожены, но потомки их остались в составе рода человеческого, равно как осталась и их агрессивность по отношению к людям. Практически все сообщества высших животных строят свои взаимоотношения иерархически, образуя привилегированные ступени из альфа-, бета-, гамма (и т.д.) — особей. И всегда существует определенный уровень внутривидовой агрессивности. Понятно также, что это "неравноправие" должно обостряться в неблагоприятных, экстремальных условиях. Но лишь у позднейших гоминид (троглодитов), предтеч людей, это "иерархическое строительство" дошло до устойчивой смертоносной агрессивности, что и привело к осознанию (уже человеком!) реальной смертельной опасности, исходящей от внешне такого же, как и он, сам существа. "Такой — да не такой" — это и была та самая первая диплация, тот страшный абсурд, который привел к первейшему проблеску гоминизации животного, что и стало детонатором взрывоподобного становления рассудка. Именно таким образом и происходит страшное открытие человека (также и в смысле открытия нового — уже собственно человеческого — пути): "Я могу быть убит таким же существом, как и Я!!" И в этом озарении-прозрении заключалось буквально все: и самоосознание, "овладение собой, как предметом" [2], и вероятностное прогнозирование будущих событий, т.е. все то, на чем зиждется человеческий рассудок. Одновременно при этом само-осознании (иначе говоря — при рождении рассудка) происходит и неизбежное запечатление, или т.наз. "импринтинг", хищного поведения, в результате которого убийства себе подобных предстают перед рассудочным человеком на долгие века как естественные. В этом плане страшный "импринтинг человекоубийства", ставший величайшим трагическим заблуждением человечества, видится как высочайшая цена, уплаченная людьми за приобретение ими рассудка. Становление рассудка у *Homo pre-sapiens* происходило необычайно стремительно, по своей организации оно было подобно гонке с выбыванием, причем "выбывшие" из нее выбывали полностью и буквально: не справлявшиеся с возрастанием суггестивного воздействия, не имевшие достаточных средств самозащиты, моментально оказывались в кандидатах на поедание. (Хотя, возможно, некоторым популяциям и удалось избежать подобной участи, вовремя отселившись от владеющих более сильным аппаратом суггестивного воздействия "гонщиков", "сойти с трассы", за что они расплатились относительной слабостью мыслительного аппарата контрсуггестии, т.е. гипертрофированной наивностью. Именно такими ранними беглецами, "ушедшими в отрыв в сторону", видятся самые древние отселенцы: аборигены Австралии, японские айны, индейцы Южной Америки.) В этом механизме самовосхождения был и мощнейший внутренний движитель. Это те самые хищные гоминиды, потомки первоубийц, они-то и не давали никакой возможности остановиться на какой-либо стадии этого стремительного процесса: внутривидовая смертоносная агрессия не прекращалась, и постоянно требовались все новые и новые ухищрения для выработки защитных мер (вот уж, действительно, "нет худа без добра"!). Людям стало невыносимо трудно сосуществовать с себе подобными: людоедство стало неотъемлемым

атрибутом, вначале — экологии популяции, а затем оно "успешно" перекочевало и в быт возникающих сообществ. Именно этим и объясняется дисперсия, рассеяние человечества. Ничем иным не объясним факт заселения людьми всех хоть как-то пригодных к обитанию территорий Земного шара. За несколько тысячелетий, со времени последнего ледникового периода, обуреваемое страхом и ненавистью к себе подобным, разбегающееся само от себя, первобытное человечество распространилось практически по всей планете. Незанятыми остались лишь полярные зоны да некоторые из отдаленных островов. По данным современного расоведения можно судить и о существовавших некогда потоках и направлениях самых первых "великих переселений" народов. А именно: американские монголоиды (индейцы) по своему антропологическому типу древнее современных азиатских, они откочевали из Азии в Америку до сколько-нибудь плотного заселения Азии. Из американских — южноамериканские древнее североамериканских. Австралийские же аборигены представляют собой особенно древний тип людей, переселившихся сюда в самую раннюю пору этого взаиморазбегания становящегося человечества. Таким образом, в самые далекие края пригодного к обитанию мира *Homo sapiens* переселился еще в эпоху дивергенции с палеоантропами. Первый вал переселения с прародины человечества (т.е. бесспорно, из Африки) и последующие не были строго разделены во времени: вышедшие последними белые люди достигли атлантического побережья Европы на три десятка тысячелетий раньше, чем первые переселенцы оказались в Патагонии и на Огненной Земле в Южной Америке. Поверхность Земного шара покрылась антропосферой — системой замкнутых этносов, взаимообособленных человеческих сообществ, каждый из которых пользовался своим собственным языком, как средством самозащиты с помощью непонимания и безошибочного выделения чужаков, всегда потенциально опасных. Отголоски этой древней защиты людских этносов при помощи языкового обособления прослеживаются в наличии современных жаргонов (арго) у многих социальных групп и слоев, а также — в тайных эзотерических организациях с конспиративными формами общения. И наоборот, в географических областях с уплотненным населением и повышенным агрессивным межобщинным настроением одновременно возникает, развивается и поддерживается также и рознь лингвистическая, при которой чужая речь взаимно считается "тарабарщиной". Свое наречие в каждой деревне Новой Гвинеи, сотни языков на Кавказе, десятки диалектов в странах Западной Европы, взаимовысмеивающие областные говоры России, Украины. Дисперсия человечества завершилась неустойчивой стабильностью, состоянием "недоброжелательной общительности" в отношениях между людьми, "квазимилолюбивости" [3] и враждой между группами. Началась человеческая "история": общеизвестное нагромождение фактов бессмысленных чудовищных взаимоистреблений и жуткой череды непрекращающегося насилия людей друг над другом. Началось — принявшее затем лавинообразный характер — изготовление и усовершенствование орудий убийства со смежным подпроизводством "остроумных" приспособлений для пыток и истязаний. Природа оказалась беззащитной перед вооруженным человеком. В свою очередь человек выявил себя совершенно неспособным к "разумному", осмотрительному использованию так трагически "свалившегося на его голову" рассудка. Он по-прежнему шел окольным, недомысленным путем проб и ошибок, в основном страшных и дорого обходящихся и ему и Природе. Самым же зловещим симптомом недоумия человечества является полное игнорирование им горьких и страшных уроков собственной истории, главный из которых, как известно, состоит в том, что

уроки эти никого и ничему не научили. Адельфофагия, выполнив роль детонатора взрывоподобного становления рассудка, а с ним — и агрессивности, "повышающе" трансформировалась в изобретательную и хитроумную, свирепую и беспощадную охоту за чужаками и соседями. Это стало своего рода "подсобным хозяйством": так, еще с сотни полторы лет тому назад негритянские племена использовали в качестве боевого клича не какое-нибудь там "цивилизованное" "Виват!" или "Банзай!" "высокоразвитых культурных народов", а простой и наглядный призыв — приглашение к потенциальной трапезе: "Мясо!". Возникло также и ритуальное оформление каннибализма. Во многих местах появляются "хобби" по типу "охоты за головами". Европейские первооткрыватели застают за всеми этими "увлекательными" занятиями народы Африки, Америки, Австралии, Океании, Новой Гвинеи, Индонезии. Да и те же, считающиеся вроде бы как и цивилизованными, японцы во время Второй мировой войны поедали сырую печень, вырезаемую ими у пленных американцев. Лишь с пару десятков лет тому назад в Папуа Новая Гвинея был принят, наконец-то, закон, запрещающий "древний народный обычай" поедания мозга у умерших соплеменников. В тропической Африке "новейшие" адельфо-гурманы разрывают свежие могилы и "лакомятся" трупами; в тамошних "краеведческих музеях" можно увидеть страшные крючья, с помощью которых члены тайных обществ <людей-львов> и <людей-тигров> разрывают пойманную жертву на части и пожирают ее [4]. Трансформировались и межвидовые отношения. Большинство этносов имело в своем составе представителей хищных видов, и агрессивность палеоантропов и суггесторов переместилась на соседние этнические группы. Ежедневная же их потребность в насилии (их "дежурное зло") сублимировалось в удовлетворение атрибутами жестокой власти, так что доставалось и "своим". Причем эта жестокость нередко доходила до степени, опасной для всего сообщества. Достаточно будет упомянуть вождя африканской общности киломбо, поднимавшегося со своего трона одним-единственным способом: опираясь на ножи, всаживаемые в спины двух своих "верноподданных" [5]. Появившиеся вожди и их приспешники — это всегда палеоантропы (суперанималы, неотроглодиты) и суггесторы. Любая иная видовая принадлежность властителей, как правило, делала подобную властную структуру неустойчивой и недолговременной. По мере увеличения числа и численности сообществ росло и количество представителей стоящей над обществом власти: деспоты, короли, сатрапы и т.д. Основная масса суггесторов пошла по пути приспособленчества и обмана, их <профессиональной ориентацией> стали торговля чужим трудом, казнокрадство, мошенничество, политический карьеризм и т.д. Макиавеллизм — наиболее полное воплощение их жизненной позиции. Тем хищным гоминидам, которым не хватало места в официальных общественных иерархиях, поневоле приходилось становиться антиобщественными элементами. Это — мятежники, разбойники, гангстеры, революционеры, <воры в законе> и т.п. смертоубийственная братия. Диффузный вид составил аморфную массу, легко поддающуюся любой актуальной агитации. Этот вид людей в разные времена и в различных частях Земли именовался поразному, но всегда и везде — одинаково уничижительно. И чернь, и быдло, и толпа, и массы, и, наконец, народ (семантически и этимологически что-то близкое к животноводческому термину <приплод>), с добавочным использованием откровенно селекционной терминологии: простонародье, простолюдины. К сожалению, этот вид людей обладает прискорбно гипертрофированной конформностью. Из этого обстоятельства и вытекает определение этого вида, как <диффузного>, т.е. допускающего проникновение в себя чего угодно, да и сам он

способен проникнуть, <диффундировать> во что ни попадя. Брат может пойти на брата, сын — поднять руку на отца, и наоборот, папаня представитель <мудрого народа> — в состоянии под горячую руку <порубать> своих чад и наследников. Все это — в зависимости от тех установок и лозунгов, которыми на текущий момент снабдили <народные массы> дежурные сильные мира сего — грызущиеся между собой насмерть, за власть и деньги, хищные гоминиды. Неоантропы преимущественно имеют дело с Природой, занимаются наукой, техникой, духовными поисками и находятся всегда в состоянии интеллектуального отстранения от окружающей их <мировой грызни>. В прошлом именно такие люди могли быть святыми, пророками: Это — и многие ученые, философы: Познание Мира и себя стало для них путеводной звездой. Но в большинстве своем — это честные, не тщеславные люди: <истинно великие люди проходят по жизни незаметно>. И нравственный прогресс осуществляется именно посредством неброской деятельности таких людей, признающих Высший Смысл Мира (или же — относящихся к жизни с тихой грустью), а отнюдь — не усилиями властолюбивой, мстительной, злобно-веселящейся хищной сволочи. Но и в самые гуманные духовные и интеллектуальные области человеческой деятельности не преминули затесаться хищные гоминиды. Это именно от них исходит вся религиозная нетерпимость, конфронтация вер и конфессий, ибо в их руках — все властные иерархические структуры официальной церковности. Их же ловких рук и хитрых голов порождение — обильная пена вездесущего шарлатанства. Ими же организовано и изуверское сектантство с мрачной <зияющей вершиной> сатанизма. Суггесторы же, подвизавшиеся на ниве науки, <осчастливили> среду научных поисков с полнейшим пренебрежением к последствиям своей <научной деятельности>, как в технической области (надвигающаяся экологическая катастрофа), так и в гуманитарной, где тоже имеются свои <вершинные достижения>: всемирно известные изуверские эксперименты над людьми в концлагерях времен Второй мировой войны и засекреченные — в нынешних <научно-медицинских> испытательных центрах. Таким образом, основное, кардинальное различие людей и разделение человечества происходит не по расовым или национальным признакам, предстающим в видовом ракурсе второстепенными. Существуют белые и черные палеантропы-сверхживотные (суперанималы, неотроглодиты), желтые и цветные суггесторы, американские и русские неоантропы, а также — диффузное большинство всех стран и народов. Численное соотношение этих четырех видов во всех сообществах различно, что и определяет степень (зачастую — лишь потенциальную) воинственности, хитрости (коварства), миролюбия и разумности нации, народа, племени, государства... Красивый тезис "все люди — братья" тоже нуждается в значительной корректировке. Предание о Каине и Авеле можно — с известной натяжкой считать позднейшим метафорическим обобщением реальных событий перехода людей к убийству себе подобных. И рассудок, таким образом, оказывается не чем иным, как порождением братоубийства. Картина человеческой истории написана реальной братоубийственной кровью и никак не просыхает от все новых и новых мазков многочисленных художников — как "любителей", так и "профессионалов". Но все же степень "родства" братьев человеческих необходимо признать различной. И различия в "дальности" этого родства более значительны, чем те, которые могли бы быть вызваны наличием или отсутствием какого-то гена, типа недавно открытого американскими учеными некоего "гена агрессивности". Речь идет об очень большого масштаба расхождениях, ибо даже немотивированная агрессивность хромосомных (!) мутантов с кариотипом XVY — и та не идет ни в

какое сравнение с теми сущностными различиями (можно считать — и гено-, и фенотипическими), которые имеются между хищными и нехищными человеческими индивидами, позволяющими говорить об их этической несоизмеримости. Имеется скорее всего некая устойчивая наследственная структура, как минимум супергенный комплекс, обуславливающий данные видовые различия. К сожалению, человечество легкомысленно поддалось обманчивости внешних, "оберточных" расовых признаков, в результате чего зоологический примитивизм расовых теорий, оголтелое неприятие физиологических и культурных своеобразий этносов заслонили и надолго отвлекли внимание людей от сущностных, кардинальных различий между людьми. И если расовую неприязнь можно как-то если и не оправдать, то хотя бы объяснить личностным бескультурьем и общественной неразвитостью, то между порядочным, честным человеком и садистом — убийцей его детей необходимо уже провести четкую (видовую!) границу, будь они даже и одной национальности. Люди могут больше не искать причин своей адской жизни — воистину, черт у них за плечами! В прежние времена хищных особей среди людей было в процентном отношении гораздо больше, нежели сегодня, и насилие являлось привычным и будничным занятием для обществ. Чем дальше в глубь веков и тысячелетий мысленно переноситься, тем более страшные повседневные взаимоотношения людей предстают перед глазами. Убийства, каннибализм, человеческие жертвоприношения, в том числе и детские, — рядовые заботы дня. Впрочем, еще и совсем недавно мало кого ужасал сам факт существования войн в мире, а пацифизм считался (и многими до сих пор считается) диковинным чудачеством и несомненным признаком отсутствием мужества и патриотизма. Все ужасы исторического времени при всей своей изощренной жестокости и крупномасштабности являются все же второстепенными по отношению к фоновому прогрессу человечества. Собственно, историческое время, как и пресловутый прогресс, в первую очередь характеризуются непрекращающимся взаимоистреблением хищных видов с обширнейшим включением в "их борьбу" в глобальном масштабе и нехищных людей — в подавляющем большинстве своем конформных и/или подневольных. Это взаимное уничтожение хищных гоминид (главным образом — суперанималов, ибо суггесторы всячески приспособляются и в почти любых условиях ухитряются найти для себя те или иные выгоды) постепенно снижало кровожадность человечества, но все же происходило это слишком медленно, и люди никак не могли начать достаточно скорый выход из своего, поистине, звериного состояния. И все интеллектуальные достижения человечества с неизбежностью печальной закономерности обращались и обращаются до сих пор ему же и на пагубу, что впервые было отмечено **Ж. Ж. Руссо**. Переломным моментом в этом "исходе" человечества стало появление заповеди "не убий". Это был, в сущности, первый легальный лозунг нехищных людей. Хотя он и не претворился в жизнь, да вряд ли это возможно в обозримом будущем, тем не менее, "сдобрив" хищный принцип кровной мести "око за око", он создал вполне социально одобряемый путь убийства во имя "добра", направленный уже в значительной степени "по адресу", т.е. на хищных гоминид — этих непосредственных инициаторов конфликтов, что и стало для них роковой точкой: начался бесповоротный и безудержный процесс падения их численности (падеж поголовья). Отмеченный момент в развитии человечества К. Ясперс определяет как "осевое время, таинственно начавшееся" почти одновременно в течение немногих столетий (от 800 до 200 гг. до н.э.) в Китае, Индии и на Западе, когда возникает новое осознание человеком своего бытия и самого себя. "В осевое время

происходит открытие того, что позже стало называться разумом и личностью"[6]. Эта "тайна одновременного начала осевого времени" в нескольких точках Земли видится **Ясперсу** поразительной и неразрешимой мировой загадкой вселенского масштаба. Более правомерной видится постановка этого вопроса в совершенно иной плоскости: до какой же степени недоумно человечество, что так поздно и почему-то всего лишь в трехчетырех местах Земного шара прорвалось, наконец-таки, осознание людьми (да и то — единицами!) ужаса того мира, в котором они оказались, а точнее, который сами себе создали! Другими словами, началось медленное-медленное рассеивание кровавого тумана "импринтинга человекоубийства". Непосредственные "заслуги" людей в этом процессе становления нового сознания предстают еще менее значительными, если учесть решающую роль, возможно сыгранную во всем этом Высшими Силами Мира, такими их "эмиссарами", как **Моисей, Будда, Христос, Магомет...** [Прибавление. Но как бы там ни было, нельзя не согласиться с Ясперсом в том, что с "осевого времени" произошел самый резкий поворот в истории, и с тех пор человечество движется одним курсом, не сворачивая с него, и по сей день. Попытаемся же отметить некоторые вехи этого "большого славного пути", вполне отдавая себе отчет в том, что примененная при этом описании методика "галопом по Европам" дает лишь схематичный, штрих-пунктирный набросок, но претендующий все же на объективность, в такой же степени, как утрированность иной карикатуры не только не мешает сходству с оригиналом, но и зачастую выделяет в нем главные, кардинальные черты. Взаимное истребление хищных гоминид в войне Алой и Белой Роз позволило Англии в значительной степени избавиться от зверской социальной составляющей своего общества и первой в истории претворить в жизнь пра-демократию. Хищный же костяк основного населения, будучи посажен на корабли, сделал Британию "владычицей морей". Попутным ветром в этом "плавании" явился дух пуританизма, ниспосланный с нелегкой руки женеvского суперанимала **Ж. Кальвина** на Европу послереформационных религиозных войн. Еще одной стихийно-превентивной мерой, способствовавшей этому процессу, явилось и отселение с "туманного острова" преступников в Австралию и Америку. Конечно же, это вовсе не означает, что в моря и за моря отправлялись и отсылались исключительно лишь хищные, но тем не менее, в значительной мере — именно они. Поэтому власть имущие хищные гоминиды остались в Англии в таком ярко выраженном меньшинстве, что они смогли даже допускать в свою среду политических мятежников, т.е. оппозиционных суперанималов и суггесторов, что было немисливо в других странах из-за иного видового соотношения. Значительная часть суперанималов и суггесторов Испании и Португалии также отправились в Америку в послеколумбово время, что до самых недавних пор прослеживалось в бесчеловечности многочисленных латиноамериканских диктаторских и олигархических режимов, усугубленных противостоящими им, возникающими как грибы после дождя, равнопартнерскими "освободительными фронтами", возглавляемыми диктаторами-сменщиками. (Сейчас же похоже, что всех таких "приятелей" больше заинтересовал наркoбизнес.) Сама же Испания, наоборот, смогла стать в свое время оплотом анархистов и республиканцев — в каком-то смысле (к сожалению, лишь в теоретическом) антиподов авторитариев. Деятельность "пиренейского филиала" Святейшей Инквизиции явилась дополнительным — хотя и малоразборчивым — фактором в деле устранения хищных гоминид на всем полуострове. Но в то же время, столь значительное снижение агрессивной потенции общества объясняет относительную легкость установления фашистских режимов в обеих метрополиях. Примечательно и то, что

оба режима и Франке и Салазара — были лишь внутренне репрессивны, но не внешне агрессивны. В Скандинавии процессы взаимоистребления хищных гоминид приходится на 900-е годы и они довольно-таки скрупулезно зафиксированы в сагах и Эддах. Достаточно вспомнить викингов-берсерков ("медвежьих шкуры"), в бою впадавших в бешенство, подобное ликантропии или малайскому амоку. Они кусали щит, выли, были нечувствительны к боли. А один из таких великих героев "стран полнощных" не мог уснуть, если ему вдруг не удавалось приспособить себе в качестве подушки голову очередного — убитого им в течение дня — врага. Столь раннее и достаточно эффективное самоизбавление от подобных "героев" позволило скандинавским странам занять прочные миролюбивые позиции. Так, Швеция, довоевавшая, впрочем, до Полтавской битвы и еще чуть-чуть по инерции, все-таки благополучно плюнула на все эти безумные дела и провозгласила свой нейтралитет де-факто, причем даже раньше (на год) Швейцарии, первой в мире оформившей "вечный нейтралитет" де-юре, избавившейся от своего хищного балласта наиболее эффективно: "сбагрив" его путем поставки наемников всей остальной Европе в течение XIV и XV веков. Подобные же процессы — где раньше, где позже — происходили во многих странах мира, но далеко не во всех; по большей части, они затронули западноевропейские страны, что самым непосредственным образом сказывается на их нынешней социальности. Так, во Франции эти процессы несколько "запоздали", и хотя интенсивность "гильотинной прополки" Девяносто Третьего года долгое время вызывала содрогание у слабонервных потомков (точнее, до тех пор, пока не подоспели новые и гораздо большие ужасы), тем не менее ее оказалось уже недостаточно для ускоренного выхода страны к т.наз. демократии, и для достижения приемлемого видового баланса в обществе потребовалось еще несколько военнореволюционных эксцессов — примерно по одному на поколение: 1812, 1831, 1848, 1871 гг., не считая "алжирской оттяжки", завершившейся уже в середине XX века ОАС-овским террором. В Италии борьба гвельфов и гибеллинов велась без "должного" размаха, как-то даже театрально. К тому же, этой борьбой не был охвачен "дикий Юг" Королевство обеих Сицилии, за что страна ныне расплачивается сицилийской саркомой Коза Ностры, давшей метастазы по всему миру. (Во Франции также имеется подобный "корсиканский очаг", в свое время выделивший из себя Наполеона) Красные же Бригады "цивилизованного Севера" — это остатки не погасшего и все еще чадающего костра Рисорджименто с его такими выдающимися и знаменитыми "поленьями", как Д. Гарибальди и — "догоревший" в повешенном кверху ногами состоянии — Б. Муссолини. Самой "тяжелой на подъем" в Западной Европе оказалась Германия, которая так и не смогла "внутренне растратить" себя, и пошла "внешним", дальним путем: через триумф Тевтобургского леса, добитие Рима и тысячелетний бесплодный "Drang nach Osten". К "пиршественному столу" раздела мира она пришла так поздно и со столь горящими от неутоленного агрессивного голода глазами, что О. Бисмарку не составило особого труда буквально за одно поколение перековать немцев из нации сентиментальных "очкастых ученых" (успевших, правда, создать химическое оружие) в нацию — мирового убийцу с двумя страшными судимостями: Версальской и Нюрнбергской. Легкость отмеченного перехода к агрессивности и его массовость объясняется повышенной диффузной составляющей немецкого народа, сравнимой лишь с предельно выраженной русской диффузностью. Столь знаменитые тевтонские качества: методичность, дисциплинированность, аккуратность, тяга к порядку — есть следствие легкой подверженности воспитанию и некритическому, беспрекословному восприятию традиций, т.е. не что иное, как проявление

конформности, послушания, недалекости. В этом плане немцы и русские "вычисляются" как народы, "равные по модулю, но разные по знаку", или — в образах М. Е. Салтыкова-Щедрина — ухоженный "мальчик в штанах" и "мальчик без штанов в луже". Именно отсюда происходит их "притягательность и аннигиляционность" во взаимоотношениях. (Существующая значительно большая взаимная симпатия американцев и русских "литературно" сопоставима с дружбой Тома Сойера и Гекльберри Финна, а диффузность "средних американцев" оформилась в виде придебильной наивности и толстокожей хамской фамильярности.) Развязанные немцами две войны "против всех", при соотношении сил и возможностей по самым радужным оценкам 1:3 и 1:5, соответственно, это по своей сути неотлично от бесшабашного русского "авось". А начинать два раза такое заведомо проигрышное дело — это тоже чисто русская особенность, отображенная в пословице: "не за то отец сына ругал, что тот в карты играл, а за то, что отыгрывался". Наиболее же иллюстративна и доказательна в этом "международном равенстве" тождественность советского и фашистского "социализмов" с мировым концлагерным замахом. Население России (говоря о русском суперэтнотипе, состоящем — по классической терминологии — из великороссов, малороссов и белорусов) представляет собой обширнейшую диффузную группу с необычайно многочисленными неоантропическими "вкраплениями". "Отечественных", т.е. собственно восточно-славянских палеоантропов и суггесторов здесь всегда было очень и очень мало. Это следствие не столько татарского погрома, сколько в первую очередь — далекое эхо затерявшегося в глубинах веков начала первого тысячелетия н.э. некоего "балканского эксцесса", по мнению историка В. О. Ключевского, заключавшегося в конфликте с "волохами" (римлянами), и закончившегося исходом в Причерноморье предков восточных славян. Заметная сниженность агрессивного начала Руси чувствуется уже в ранних межплеменных княжеских усобицах, в них отчетливо прослеживается "инерционная усталость"; и призвание варягов, как и принятие "выдыхающегося", миролюбивого византийского православия — это звенья все той же "балкано-волохской цепи". Но еще больше "отлили масла из огня" события "послетатарские": вторичный исход на северо-восток и ассимиляция еще более невоинственных племен "чуди" (чудных, не сопротивлявшихся) — оформление великоросского этноса. (Славян в целом отличает именно миролюбие, выделяются на общем фоне своей определенной охищенностью лишь поляки, хорваты, да западные украинцы.) Численное доминирование диффузной составляющей населения России тривиальным образом объясняет все беды и несчастья этой страны-страдалницы. Острый дефицит "аборигенных", национальных хищников заместился болезненным для нашего народа внедрением суперанималов и суггесторов пришлых, прибудных: "гостей" варяжских, тюркских, германских, еврейских, кавказских и пр. Единственное, что было у всех у них общим, так это — наплевательское отношение к судьбе столь необычайно удобного "субстрата": русского народа. (Наглядным подтверждением сказанному является вопиющий факт: т.наз. "аристократия" России презирала русский язык, брезговала! Так что своей подлинной национальной аристократии, т.е. хищной и до какой-то степени стоящей именно на националистических позициях, Россия никогда не имела) И поэтому, несмотря на неслыханные социальные потрясения — многочисленные войны, внутренние взаимоистребления и т.п. — подневольный образ жизни русского населения не претерпел значительных изменений. Вместо продвижения по пути осознания свободы здесь происходили события, структурально подобные явлению "расклева" цыплят в инкубаторе, в диапазоне от бессмысленных и

жестоких буртов (самый крупный и самый бессмысленный из которых — Гражданская война) и до всенародного обычая сгонять злость, вызванную административной несправедливостью, на таких же точно бесправных окружающих бедолагах и горемыках. Преимущественная (т.е. подавляющая) диффузная однородность населения России создала то, что в социо-кибернетической формулировке можно определить, как "самонастраивающаяся на деспотию система". Но в то же время нельзя говорить, что в России якобы нет собственных хищников вовсе, как таковых. (Подобное полное отсутствие хищного компонента характерно для многих т.наз. "реликтовых" народов: северных народностей, айнов, большинства племен южноамериканских индейцев...) Тот же суггестор Г. Распутин даст сто очков вперед любому Казанове. А знаменитый мерзавец Ванька-Каин — это же не меньшая "гордость" России! И как можно забыть "скромного" извозчика Петрова-Комарова, в годы НЭПа исправно зарубившего топором более трех десятков своих седоков?! В сравнении с ним и сам Диллинджер меркнет! Но все же их было всегда мало и не хватало для того, чтобы как бы "взяться за руки" и создать некую "арматуру насилия" в обществе, характерную, например, для "жесткого" Запада. Здесь же хищные гоминиды не могут даже "сцепиться" друг с другом хотя бы в надежные шайки. Именно поэтому большинство банд в стране обычно "южного направления", а основная ветвь преступности ползет по относительно безопасным тропам коррумпированных структур власти. Российский чиновник испокон веков — "прирожденный мздоимец". «Советская власть, собственно, лишь расплодила эту паразитарную поросль до своих максимально возможных пределов: начал погибать субстрат, на котором все это держится сам народ, в том числе и в первую очередь — великорусский народ. Нынешние власти так же "свято" блюдут эти традиции. Особенно ярко и очевидно проявились все эти аспекты именно сейчас, когда сорваны покровы с механизмов геноцида российского народа и грабежа страны: народ вымирает, а все богатства России уплывают на Запад. Наживается лишь кучка паразитов-компрадоров, руководимая (= водимая за руку) интернациональными хищными гоминидами. Да и эти все наши аборигенные мафиозные образования, типа "люберецких", "суковских" и прочих удельных группировок, организовались, как хорошо известно, преимущественно на почве рэкета. А как бы там ни было, но чисто логически, рэкет, шантаж — это не что иное, как нищенство, предельно наглая и целенаправленная его разновидность. Так что мало вероятно, что "наши" занимают в мире организованной преступности какие-либо позиции кроме второстепенных или вспомогательных. А широко рекламируемая т.наз. "русская мафия", орудующая на Западе, "почему-то" сплошь представлена лицами с нерусскими фамилиями. Лишь для роли, по-видимому, козла отпущения нашли одиозно русско-фамильного Иванькова (Япончика). В том обстоятельстве, что Восток не подвергся подобным эффективным "самовыбраковкам", коренится его принципиальное расхождение с Западом. И здесь же, кстати, можно видеть то, что позиция России не является промежуточной между Западом и Востоком, но действительно — особой. Традиционный Восток характеризуется в первую очередь повышенной долей суггесторов. Герой восточных сказок чаще всего обманщик, т.е. суггестор: Алдар-Косе, Ходжа Насреддин, Багдадский вор, в отличие, скажем, от откровенно, "сказочно" диффузного русского Ивана-дурака. (Немецкий Ганс-дурень оказался приставленным к надежному делу и ушел из сказок, отправившись в социальную психологию, дав там своей роботообразной трудовой дисциплинированностью необычайно эффектную иллюстрацию к главе "Профессиональный кретинизм".)

Отсюда проистекает повышенная жестокость (= биологичность) восточных сообществ, удивительное для европейцев обесценивание человеческой жизни. (Дополнительным фактором охищнения восточного менталитета является "наркокультура" — многовековая традиция употребления наркотиков, подавляющих тормозные нравственные механизмы практически полностью.) И действительно: суггесторному — артистичному и коварному Востоку трудно "встретиться" с эгоистичным, логичным Западом. В этом плане Востоку ближе и "понятнее" Россия с ее парадоксальностью и непредсказуемостью. Но все же пророчество Р. Киплинга, перенесшего "встречу" Востока и Запада в "никогда", скорее всего носит характер более поэтический, нежели социологический. И подтверждением этому может послужить Япония. Уже стало традиционным и общепринятым утверждение о том, что милитаристская, агрессивная страна "восходящего Солнца" была успешно в свое время переведена на рельсы демократии при помощи мудрой экономической и политической методики США. Не отрицая важной роли американского "патроната" в японском вопросе, следует все же учесть и тот немаловажный вклад, который внесли в дело "умиротворения" послевоенной Японии многочисленные — долетевшие до цели камикадзе, а также наиболее фанатичные самураи, отдавшие решительное предпочтение харакири перед перспективой жить в пусть и процветающей, но "опозоренной" стране. До некоторой степени показателен в этом же плане и пример Индонезии, добившейся длительного "притихшего" состояния таким местным, довольно-таки "экзотическим" вариантом Варфоломеевской ночи: откровенно варварским избиением — убийством (по большей части — бамбуковыми палками) не менее полумиллиона коммунистов по всей стране во время смещения одуревшего от власти самовлюбленного суггестора А. Сукарно. Остальной же Восток остается традиционно консервативным. Но все же различия, и весьма существенные, имеются. Индия удерживается в прочных клетках четырех с лишним тысяч каст, и волнения коснулись лишь северных (мусульмане, требующие создания пропакистанского Халистана на месте нынешних штатов Ассам, Пенджаб, Джамму и Кашмир) и южных (проланкийские тамилы) окраин. Практически однородный Китай не менее прочно удерживает свой метамиллиард (за исключением "крошечного" тайваньского 20миллионного осколка) несокрушимой и легендарной мандарино-командной системой.. Положение же в остальных, в основном мусульманских, регионах Азии и Северной Африки совершенно иное. Институт гарема, даже и лимитированный некогда Мухаммедом в отношении допустимого количества жен, настолько увеличил процент хищных гоминоид (главным образом — суггесторов), что здесь стали возможными необычайно затяжные вооруженные конфликты. К настоящему времени достаточно надежно "отстрелялась" лишь Турция, на что ей потребовалось около половины тысячелетия: на весь период от усиления экспансивной агрессивности до достижения величия Блистательной Порты и постепенного ее спада до фазы "умирающего Османа", за чье наследство ожесточенно билась вся Европа. Это не считая "выхода из игры" Персии, которая "затихла" (и надолго: до пришествия аятоллы Хомейни) еще до новой эры, заодно со своим двухвековым "спарринг-партнером", классическим представителем "детства человечества" Грецией, которая настолько сама себя измордовала в своих, и впрямь по-детски жестоких и неразумных, межполисных войнах, что уже не смогла подняться на ноги самостоятельно. Лишь 500-летняя османская инъекция, помимо сплошного "обрюнетивания", добавила новейшим грекам и солидную дозу хищности, оказавшуюся достаточной для ведения освободительной борьбы (против "доноров"), для участия в двух Балканских войнах, в двух мировых, для

установления собственной фашистской диктатуры и активного сопротивления фашистам же (Италии и Германии). Наконец, это внушительное героическое пламя истощилось и — перед тем как ему погаснуть — завершилось яркой вспышкой правления хунты "черных полковников" и агрессией против Кипра. Остальной же Ближний Восток пока еще полыхает: многолетняя бессмысленная война Ирана с Ираком, нелепые междоусобицы палестинских формирований, разоренный Ливан, недавно вновь "ненадолго подключался" Ирак. И все эти противоборства, по-видимому, — всерьез и надолго. Они соответствуют затяжным западно-европейским взаимоистреблениям Семилетней, Тридцатилетней и Столетней войн. С тем, правда, отличием, что здесь существуют дополнительные "паровыпускающие" факторы. Во-первых, — международный терроризм, в значительной своей части имеющий именно "арабо-мусульманское исполнение". Здесь имеются и богатые исторические традиции, достаточно вспомнить государства корсаров, Алжир и Тунис, пережившие в XVII столетии золотой век — "освященного" и санкционированного властью деев и беев пиратства, наводившего ужас на судоходных морских путях от восточного Средиземноморья до Исландии. В наше время эту традиционную эстафету наводит ужас на международных транспортных линиях приняла была соседняя Ливия под властью чудаковатого суггестора М. Каддафи. Вторая же сублимация хищности — это "торговая жилка" арабов, родственная у них с еврейской. Кроме всего, обладание огромными нефтяными запасами превратило представителей высших слоев многих арабских сообществ в откровенно паразитарных сибаритов, больше обеспокоенных расширением своих гаремов, чем границ собственных государств. Конечно же, в "арабских делах" необходимо учитывать и израильский фактор, явившийся необычайно эффективным катализатором всех тамошних трагических событий. А евреи вновь оказались в парадоксальной, "обоюдоправой" ситуации ни логически, ни в понятиях международного права, не разрешимой. На положении дел южнее Магриба и Египта — в Черной Африке — сказалось в значительной мере то обстоятельство, что некогда, в печально известные времена работорговли, американские бизнесмены, занимавшиеся этим хлопотным, но зато высокоприбыльным делом, невольно проводили селекцию. Они вывозили по большей части именно диффузный вид, т.е. предпочитали скупать невольников, отличающихся послушностью и физической выносливостью, а потому — по расчетам "стихийных евгенистов" — наиболее пригодных для принудительных плантационных работ в стране Свободы. Диффузность американских негров прослеживается в значительной сглаженности расовых отношений в сильно национально смешанных странах, типа Бразилии. Кроме того, она "подсматривается" и в более "уютной", домашней форме: в ярко выраженном матриархате негритянских семейных отношений в США. В то же время столь значительное уменьшение диффузного населения (с учетом массовой гибели невольников в корабельных трюмах на их пути к рабству) в основном на западном побережье Африки усилило и ожесточило позднейшие внутригосударственные и межплеменные распри в сообществах Черного Континента при освобождении его от колониального сдерживания социальных процессов. Мали, Гана, Конго, Нигерия, Ангола, Либерия... Бывший Невольничий Берег... США в этом плане правильнее будет именовать Соединенными Штатами Мира этаким уже общечеловеческим, всемирным "предохранительным клапаном" агрессивности: с учетом невероятного размаха в них преступности, а также предоставления "равных возможностей" сублимированным, просоциальным ее формам. Это есть следствие того, что Штаты были образованы откровенно преступным путем и в значительной степени —

преступниками. Население "СШМ", состоящее практически из всех национальностей Земли, в таком ракурсе видится рискованно обслуживающим персоналом этого "космополитического злоотвода".] Таким образом, древняя, "осевая" псевдодоктрина борьбы Добра и Зла извечного противостояния Света и Тьмы стала первым шагом к разумному объяснению смертоубийственного людского общежития. И эта система четкого, "черно-белого" разделения ответственности за творимое людьми зло на Земле и ловкое перекалывание вины за это на недостижимые плечи Высших Сил стала действенным корректором направленности агрессивности хищных гоминид на них самих же. Одновременно, она явилась и потворствующим насилию фактором, во многом снимающим с человека ответственность за его деяния, и лишь малоэффективно пугающим его потенциальным потусторонним судом и возмездием — в виде геенны огненной или же местной, земной расправы с помощью "челочно-рыскающего" механизма кармы, напоминающего зачетную систему трудодней в сталинских колхозах. В итоге эта борьба дошла до всемирного противостояния и глобального масштаба конфликтов, а имманентно присущая определенной части человеческого семейства предельная агрессивность — эта страшная родовая отметина *Homo sapiens* — оказалась прикрытой величественной завесой, за которой процессы взаимоистребления людей вместо затухающего характера приобрели резонансный размах с непредсказуемой и по сей час амплитудой. Самоистребление хищных гоминид наиболее "выгодно" для цивилизации в формах дворцовых переворотов, "битв коридоровых", династических отравлений и удушений, светских дуэлей, клановых гангстерских ночных перестрелок на пустырях и т.д. и т.п. Но крайне болезненно для обществ привлечение к этому их "коронному" занятию народных масс, что как правило ведет к войнам и революциям со всеми вытекающими из них страшными последствиями. (Достаточно вспомнить недавние события в Руанде, миллионы погибших, покрывших слоем трупов поверхность озера Виктория, в спровоцированной местными князьками межплеменной бойне) Христианская идея о непротивлении злу насилием по сути дела является как бы попыткой выявить конкретные источники "зла". То есть если бы нехищные люди не поддавались влиянию агрессивных лозунгов и саботировали приказы хищных гоминид, то зло повисло бы в воздухе буквально акустическим образом: вместо войн и революций раздавались бы лишь непотребные призывы злобно-мерзких существ. "Отойти от зла — сделать благо". Насилие же лишь порождает новое насилие, и при этом низводятся на животный уровень участвующие в развязанных конфликтах и нехищные люди, поневоле втянутые в них в силу естественных чувств самообороны, мести за близких и аффективной ненависти, вызванной видом страданий безвинных и беспомощных людей. Пользу отказа от насилия прекрасно иллюстрирует раннее христианство. То, чего удалось ему добиться с помощью непротивления и всепрощенчества, никогда не удалось бы достичь путем конфронтации. "Благодаря непротивлению христиане проникли всюду, хотя и имели всегда возможность отомстить: в одну только ночь и с несколькими факелами" [7]. Не менее яркий пример достижения высокой цели — независимости родины — с помощью непротивления явили миру индусы, вдохновляемые Махатмой Ганди. Человечество должно стыдиться своего "героического" прошлого, как стыдятся вчерашней пьяной безумной драки с брато-, отце- и детоубийствами. Необходимо немедленно снять историю с пьедестала Науки и изучать ее подобно истории болезни: вдумчиво и мудро. В этом плане видится реальным полный и решительный пересмотр оценки всех событий всемирной истории (и вообще — мира человека) под таким новым углом зрения — "не умножающим сущности без

необходимости". Для осуществления подобной ревизии человеческих деяний и всесторонней переоценки самого этого "субъекта" истории — самопровозглашенного "царя природы" — потребовалось бы собрать обширнейший "консилиум": рабочую группу честных ученых самых различных специальностей и областей знания. Некий прецедент создания подобного научного коллектива по пересмотру и систематизации, — правда, несравнимо более "податливого" предмета, — это знаменитая анонимная группа Н. Бурбаки (столь же необычайно пестрая, как и компетентная), некогда переписавшая в едином ключе математику. Прошлое человечества нуждается лишь в объяснении, но ни в коем случае оно не может заслуживать ни оправдания, ни тем более — возвеличивания. Но столь же неуместен и беспристрастный подход, наиболее естественно — содрогание! Прославление же героизма убийц — это не что иное, как культивирование "зла" и его зеркальной разновидности: "ненависти против зла" (что, в принципе, одно и то же), ибо смелость, героизм, самопожертвование во имя "спущенных сверху" маловразумительных идеалов и смутных целей, к тому же оказавшихся в истории человечества на 99,9% ложными, лживыми и преступными, — все это видится неприкрытой провокацией перманентного, поочередно "справедливого", насилия. Это же явное безумие: швырять из вырытых ям гранаты-лимонки в других людей, какими бы лозунгами при этом ни руководствоваться! Понятно, что такая позиция выглядит ныне совершенно несвоевременной, ибо практически невозможно будет ни в настоящее время, ни ближайшим поколениям отрешиться от таких представлений, как патриотизм, героическая история предков, выстрадавших "региональное" Будущее. Но все же когда-нибудь придется и отдать дань прошлому — молча и скорбно преклонившись перед ним, но и начать новую жизнь — такую, чтобы перед потомками уже не могли встать подобные неразрешимые нравственные антиномии. В настоящее время самым престижным и относительно безопасным местом отправления насилия является бесконтрольная власть. Процесс оттеснения предельно жестоких и откровенно безрассудных хищных гоминид от власти и контроль за действиями власть имущих в свое время был начат на Западе. Вернее, от власти были отстранены почти все суперанималы (ушедшие в мир т.наз. организованной преступности), и их сменили расчетливые и коварные суггесторы. А к незначительным постам получает доступ и диффузный вид, — те его представители, которые удачно вписываются в канву интересов верховных правителей (в основном от них требуется послушность, нерассуждающая готовность к исполнению любых приказов). Взаимоистребление хищных гоминид переместилось здесь на поверхность общества. Гангстерам, насильникам всех "родов войск", проходимцам всех мастей предоставлено обширное поле деятельности, но точно так же может быть обилен и "урожай". Все эти максималисты человеконенавистничества, нравственные монстры сосуществуют с обществом, и хотя подобное соседство болезненно для социального организма, но тем труднее оказать на него кардинальное воздействие. В тоталитарных же обществах все наоборот. Хищные гоминиды не имеют возможности безнаказанного совершения насилия нигде, кроме как находясь в коридорах власти. И они с неотвратимостью продвижения чудовищ там и оказываются. Если, конечно, — не в тюрьме; но, к сожалению, как и всякий счастливый исход событий, подобное случается реже. Пробравшись к власти, хищные гоминиды проводят политику, которая изнутри корежит сознание людей и всего общества, хотя внешне все может быть прикрыто косметикой псевдореформ и социальные витрины украшены муляжами благоденствия. При такой зависимости большинства населения от принудительных мер и произвола

авторитарных бесконтрольных властей у людей порождаются такие психологические свойства, как пассивность, озлобленность, неуважение к человеческому достоинству и т.п. "духовные богатства". Собственно, такой размах преступности на Западе означает лишь то, что большинству "оппозиционных" хищных гоминид нашлось занятие "по душе" вне структур государственной власти, и их по мере сипи возможностей отлавливают. Но естественно, что они все же никогда не оставляют своих попыток пробраться к рычагам власти на любом возможном уровне. Это даже можно считать программой-максимум, сверхзадачей преступного мира (как бы "дело реставрации власти суперанималов"). Достаточно вспомнить все те многочисленные случаи захвата власти уголовниками-диктаторами, озверелыми хунтами, не говоря уже о всепроникающей коррупции, доходящей до "сиамско-близнецового" сращивания государственных структур с мафиозными, и делающей жизнь "свободного мира" (а теперь, и в еще более неприкрытой форме, уже и жизнь нашего "реформируемого" несчастного экспериментального общества) похожей на некий муравейник полностью, насквозь пронизанный преступными, корыстными ходами. Так что никогда нельзя обольщаться на счет тех, кто стоит у власти. Даже в самом "лучшем случае" там могут находиться лишь более ловкие и искусные "делатели хорошей мины". И несомненно одно: во всех этих "лабиринтах власти" всегда снует редкая сволочь — исключительно свободная от каких-либо моральных устоев, но "зато" необычайно жестокая, публика. Это всегда может быть чревато самыми страшными последствиями, ибо среди этой "административно-командной своры" действительно немало таких субъектов, которые были бы и впрямь не прочь полюбоваться гибелью человечества ("малый" прецедент подобного представления был уже некогда создан Нероном, в "драматургических целях" устроившим пожар Рима). Внутренний мир любого представителя этого мрачного хищно-гоминидного контингента откровенно чудовищен. И поэтому авторитарность, "волю к власти" (как и саму власть) необходимо рассматривать как бич номер один для человечества!

ДИФFUЗНЫЙ ВИД: ЧЕЛОВЕК РАЗУМНЫЙ

Простота хуже воровства. (Русская пословица) Смотрите на этого человека: свободный, он бежит в ярмо! (Дхаммапада: 344) Основным отличительным признаком диффузного вида является внушаемость, или в осовремененном расхожем звучании — конформность. К диффузному виду относится и т.наз. "нонконформист" (упрямец), "самостоятельность мышления" которого является все той же конформной установкой, но только более ранней, и потому более сильной, доминантной, и проявляющейся в нежелании переменить однажды усвоенную точку зрения в том или ином вопросе, даже и несущественном. Вот эта-то внушаемость, легкая поддаваемость суггестии, будучи фундаментом рассудочного поведения, дает возможность провести корректную границу между человечностью и антропоморфным зверством, и попытаться уточнить и само это весьма расплывчатое понятие "человек". Понятие какой-либо нормы в применении к человеку и его поведению слишком неустойчиво. Это сейчас асоциальная психология подразделяется на криминалистическую и патологическую дисциплины из необъятного спектра всевозможных направлений психологических исследований. В прошлом же преступники и умалишенные не подразделялись и содержались вместе, т.к. сводились к общему знаменателю: ненормальному поведению, то есть нарушению принятых в обществе норм. Это, ухваченное некогда, непосредственное сходство, как и выработанное на его основе

общественное мнение, оказываются на поверку не такими уж и наивными. Действительно, психические расстройства, более чем кому-либо, присущи именно хищным гоминидам, но в еще большей степени — межвидовым гибридам. Недаром эту очень удобную для расправы с оппозицией практику стихийно возрождали, "брали на вооружение" и в наше уже время власть предержавшие многих стран (грешило этим далеко не только советское руководство) в форме отправки на "лечение" в психиатрические заведения инакомыслящих, несогласных с существующим режимом — т.наз. диссидентов, в большинстве своем тоже являющихся хищными или межвидовыми гибридами. Что же такое "ненормальное поведение"? Это — невозможность корректировки извне действий индивидов. Следовательно, ненормальное поведение — это невнушаемость! И это определение, введенное Б. Ф. Поршневым, справедливо для любой эпохи, для любого общества. "Что именно внушается, какие нормы поведения, речи, мышления — все это исторически изменчиво" [1]. Невнушаемость может проявляться либо как неменяемость сверхактивного маньяка, либо как недоступность кататоника. Эти два полюса характеризуются непроницаемостью для антропических сигналов, т.е. для средств вербально-смыслового воздействия. Неукротимость, упрямство предельной степени — с одной стороны, и недоступность, пассивность — с другой. Таким образом, нормальный человек должен подвергаться суггестии, он идет на контакт, находясь в относительно узком диапазоне между двумя этими крайностями — полюсами невнушаемости. Вот эта-то полоса в спектре невнушаемости, неконтактности и характеризует "человека разумного разумного..." ("homo sapiens sapiens" — по самой новейшей научной таксономии). И поэтому ответ на вопрос о том, можно ли считать человеком неменяемого фанатика, непрекаемого властителя, непреклонного неустрашимого вождя или полководца и т.п. "несгибаемых" авторитариев, однозначен: НЕТ! Ибо это не что иное, как проявление поведения именно нечеловеческого! Либо это психопатия, болезнь мозга, и она тогда поддается медикаментозной корректировке (за исключением явных клинических случаев, обусловленных экзогенными факторами: опухоли, травмы), либо это — видовое поведение палеоантропов и суггесторов, и ничто уже не изменит их установку. Нормальное для палеоантропов (неотроглодитов) поведение, базирующееся на смертоносной агрессивности, с человеческой точки зрения действительно предстает как несомненное поведение животного, но только обладающего способностью к рассудочной активности. Или, более точно, как уже говорилось, это — сверхживотное (суперанимал). Для них, кстати, существует и хлесткое народное определение: НЕЛЮДИ, — уже предельно точное, ибо несет в себе и обязательный оценочно-негативный моральный смысл: это существо страшнее любого животного, это чудовище из чудовищ! Поведение же суггесторов, способных изображать как поведение людей ("затаиваться", маскироваться), так и имитировать повадки палеоантропов-суперанималов ("нападать", раскрываться), необходимо определить, как оборотное, или псевдочеловеческое. И эта жуткая "позиция оборотня" занимается ими подсознательно, для них она естественна, не требует никакого научения и потому так успешна. "Врожденный артистизм", "патологическая лживость" — вот лишь некоторые ее признаки. Видовое поведение медикаментозно не корректируется, возможно лишь полное подавление всех внешних признаков хищной активности, да и то — при помощи лошадиных доз депрессантов, "обездвиживателей". Другими словами, даже современные психотропные средства — транквилизаторы, нейролептики и т.п. не смогли бы оказать существенного воздействия на поведение одиозных исторических фигур,

были бы бессильны в изменении их поведения, как не затрагивающие их этических установок. Так что с человеческой (!) точки зрения все эти расторможенные Александры и Петры Великие, разгениальные эти Наполеоны, как и бесноватые дуче=фюреры-Гитлеры, заслуживают — сообразуясь с нравами тех эпох, в которых орудовали вышеозначенные чудовища — содержания в клетке, в яме на цепи, в тюрьме замка Иф, да в мюнхенской психиатрической клинике, соответственно. [Прибавление. Нужно отметить, что попытки объявления кого-то из людей не-человеком в настоящее время общественным мнением пресекаются. Причем делается это предельно некорректно, скорее эмоциональным, нежели логическим способом. То есть декларируется, что подобные "негуманные" утверждения могут исходить лишь от индивидов, которые сами не могут даже претендовать на "высокое" звание человека. И таким образом, получается, что так или иначе, но "люди нечеловеческого формата" все-таки существуют! И это неуместное табуирование существует даже вопреки тому, что человеческое общежитие прямо-таки кишмя кишит чудовищными фактами и кровавыми последствиями жуткой деятельности всех этих монстров в человеческом обличье. Так, и данную концепцию иные из читателей уже "окрестили", как "этический расизм", что вряд ли верно. Ибо расы, по определению, — это всего лишь подвиды, разновидности, между которыми еще не возникло т.наз. репродуктивной изоляции. В нашем же случае речь идет именно о видах. Кстати, в популяционной генетике есть очень схожее понятие: морфологически сходные, даже внешне неразличимые, виды-двойники, в течение долгого времени считавшиеся идентичными. И лишь специальное тестирование позволило выявить существенные различия между такими видами-двойниками. Есть все основания полагать, что и человеческие виды тоже станут вскоре надежно идентифицироваться, распознаваться: возможно, напр., средствами современной позитронной томографии коры головного мозга.] Таким образом, диффузный вид и является, собственно, "человеком разумным", хотя в точном смысле своей таксономии (а согласно ей, человек теперь аж "дважды разумный"!) его поведение таковым, т.е. действительно разумным, никогда не являлось и не является до сих пор. В силу своей предельно выраженной конформности, диффузные люди на протяжении всей человеческой истории всегда и везде пребывали в полном распоряжении хищных видов — сверхживотных и псевдолюдей. И это безумное распоряжение "человеком разумным" было действительно полным буквально: диффузный вид у них шел в ход полностью — "с потрохами"! Это именно диффузный человек строил на своих костях каменные пирамиды и мраморные дворцы для хищных владык. Это именно его тело использовалось в качестве "пушечного мяса" в батальных забавах и ратных утех хищных властителей. Диффузный вид наиболее плодовит, это — его второе качество, которое "культивировалось" в нем наряду с внушаемостью. Кроме того, он мало подвержен влиянию таких причиндалов хищных видов, как "любовь" и "каноны красоты". "Стерпится — слюбится", "с лица воды не пить" — таково примерно сексуальное кредо диффузных людей. Всем этим объясняется повышенная, опять-таки "малоразумная", рождаемость в беднейших условиях, что стало основной-причиной демографического взрыва, который есть не что иное, как высвобождение диффузной и неоантропической составляющих человеческого семейства — собственно, именно людей — из смертельных тисков суперанималов и суггесторов. Ведь и войны, и репрессии, и эпидемии, и голод — все это следствия жутких общественных и жизненных условий, создающихся с трагической неизбежностью при господстве хищных гоминид, при претворении в жизнь (точнее, "в смерть") их "морали господ", тождественной полному аморализму.

Термин "диффузный" охватывает и дополняет понятие конформности — с внешней, поведенческой стороны. Если конформизм — это способность легко верить власть имущим лгунам и другим "авторитетам", то диффузность — это уже "претворение этой веры в жизнь": всегдашняя готовность (после небольшого раскачивания) маршировать в нужную хищным гоминидам сторону. Отсюда и необычайная адаптируемость этого вида практически к любым условиям — по большей части жутковатым; их способность проникать, "диффундировать" в любые социальные щели и приспособляться к ним, влачить существование в самых невероятных, предельно дискомфортных — и психологически и физиологически — социальных средах, безо всякого желания изменить их или вырваться оттуда. Конечно же, это не может не иметь трагических сторон: при всяких "переходных процессах" или "периодах адаптации" люди в невероятных количествах гибнут, но, в итоге, оставшиеся в живых привыкают ко всему. Задним числом они иногда способны удивляться тому, как это они только могли так раньше жить, хотя их "улучшенное", новое положение опять-таки имеет свою, незамечаемую ими уже теперь, чудовищную составляющую. Хуля умершего тирана, они носятся, как с писаной торбой, со следующим, лишь потом спохватываясь, что и "так жить нельзя" тоже. Они точно так же способны на хищное научение, как и на любое другое. Именно это смазывает общую видовую картину человечества: хищно ориентированные диффузные люди загораживают собой истинных хищников, подобно тому, как подзуживаемая толпа растворяет в себе "серых иерархов" — подстрекателей. В этом как раз и заключается то важное обстоятельство, что при открывшихся перед диффузными людьми честных позитивных путях, они непременно последовали бы и по ним. Так что есть достаточно определенная уверенность в том, что по устранении хищной социальной среды диффузный человек точно так же пойдет и к нормальной человеческой жизни, хотя, возможно, и с большей долей сопротивления, чем, например, та, с которой он неосознанно противился тому, как его большевистской "дубиной загоняли в земной рай", который оказался, после более чем 70 лет проверки на соответствие с "материальнотехническим заданием", действительно построенным в проектируемом месте, т.е. на Земле, но только — адом!"Твердая рука" у безумной и безнравственной "головы" неизбежно покрывается кровью безвинных, никому не нужных, напрасных жертв. [Прибавление. Здесь кроется некий парадокс: на умное дело диффузных людей уговорить труднее, чем подбить на дурость, она им "ближе и роднее". Именно в этом обстоятельстве состоит горькая обоснованность "необходимости твердой руки" властей по отношению к "неразвитому, темному" народу, в противном случае он полностью "распоясывается" — понятно, "под руководством" оппозиционных неотроглодитов и суггесторов. Хотя, в принципе, требуется лишь время, чтобы дать людям возможность "перебеситься", а изолировать и устранить требуется лишь хищных организаторов преступлений и беспорядков, но власти никогда этого не делают, и "вовремя" (это их тактический ход!) "закручивают гайки", вводя ту или иную диктатуру.] Нужно всегда отдавать себе отчет в том, что диффузный вид — собственно, народ — является большинством человечества, и именно он и есть единственный гарант и основа будущего. И если это будущее у человечества состоится, то только благодаря выходу диффузного вида на неопантропический уровень, и первым шагом на этом пути должен явиться полный отказ от хищного научения. Но, к сожалению, удивительные конформно-адаптивные (= диффузные) свойства этого вида пока что способствуют ему в хищном научении, под которым понимается подражание (завистливое или вынужденное) поведению хищных видов. Но получается это у

них очень плохо (что и хорошо!), поэтому таких диффузных "выучеников" обычно "видно за версту", ибо у них нет ни врожденного артистизма суггесторов, ни звериной жестокости суперанималов-неотроглодитов. А самое главное и важное отличие состоит в том, что того психосоматического наслаждения от содеянного, которое и является, собственно, движителем для хищных гоминид, диффузные — хищно ориентированные — люди не получают, больше радуясь, например, позолоченным атрибутам власти (с ее такими "бубенчиками", как спесь, чванство и самодурство), чем самой этой предоставившейся возможности уни/что/жать людей. В итоге они практически всегда приходят к раскаянию — в том, конечно, случае, если остаются достаточно долго в живых, бродя по хищным тропам и успевая, к сожалению, "натворить дел". И если бы не было этой способности диффузного человека приобретать — пусть и неумело — облик хищника, то положение суперанималов и суггесторов было бы откровенно незавидным. Их отлавливали бы "всем миром" моментально — до такой степени они выделялись бы тогда на общем нехищном фоне своей злобностью и хитростью ("умом животного"). Но наличие таких — способных на искреннее раскаяние (нередко — предсмертное) — диффузных людей, нравственно деформированных тяжелым детством или же дурацкой "романтикой" лихой бесшабашной юности, и в результате приобретших хищную жизненную ориентацию, заставляет общественное мнение (а его, понятно, формирует диффузное большинство, и в этом заключен еще один, и далеко не смешной парадокс утверждения "народ всегда прав") экстраполировать возможность искреннего раскаяния на всех людей без исключения, тем самым оставляя преступления хищных гоминид на их "совести", в понимании которых все эти представления о совести, морали, нравственности есть нечто вроде восходящих степеней безумия, последняя из которых как раз — раскаяние! И весь увещательный эффект по отношению к хищным гоминидам наиболее точно выражен в известной пословице: "Как волка ни корми, он все в лес смотрит!"

СУГГЕСТОРЫ: ПСЕВДОЛЮДИ

Всякая возможность причинить зло своим ближним доставляет им особое, изощренное удовольствие. (Б. Данэм) Легко живется тому, кто нахален, как ворона, дерзок, навязчив... (Дхаммапада: 244) В процессе видообразования суггесторы выделились на втором этапе антропоморфоза, уже после образования диффузной группы "кормильцев". Суггесторы "благополучно" отпочковались от этой — уж очень явно "неблагополучной" — группы, пойдя по пути имитации интердиктивных действий палеоантропов — внутривидовых агрессоров. Суггесторы смогли успешно подражать их агрессивности и смелости, оттесняя при этом свой собственный страх, удачно маскируя его своей противоположностью — видимым бесстрашием, как бы воплотив принцип "лучшая защита — нападение". Это, скорее, то, что ныне именуется "наглостью", "нахальством". Так на свет божий вслед за "злом" выступило "коварство". "Хищническая духовная позиция включает в себя две черты: злобность и коварство" [3]. На протяжении всей истории человечества суггесторы были единственным видом из четырех, большинство представителей которого жили в свое удовольствие практически в любых условиях. Суггесторы всегда образуют общественный слой т.наз. "ликующих" в этом мире. Именно они и составляют подавляющее большинство чудовищного конгломерата "сильных мира сего", создавая собой прихлебательское и "подсживающее" обрамление при тех, кто находится "в силе", "в законе". Не имеющие совести, не способные иметь ее изначально, а priori, суггесторы могут

переживать и страдать лишь от пресыщения и злоупотребления теми или иными "радостями жизни". Психологическое ядро этого вида по типологии К. Юнга [25] составляют "сенсорные экстраверты" — крайне мерзкие субъекты, стремящиеся к рафинированным и изощренным удовольствиям. Большинство же суггесторов неудержимо стремятся к удовольствиям вообще, как к таковым, вплоть до самых грубых и примитивных ("По утрам он поет в Клозете"). Если суггестор имеет высокий социальный статус, то он именуется в прижизненных биографиях не иначе как "жизнелюб" (в медицинской терминологии — "биофил"). Если же он оказывается на опальных социальных позициях, то получает тогда более звучные, и к тому же более объективные определения: развратник, потаскун, сволочь, паскуда и т.д. по нисходящей, вплоть до многочисленных нецензурных характеристик просторечия, сохраняющих, впрочем, свою объективность. Суггесторы очень часто талантливы — в традиционном понимании — во многих областях, но в особенности — в искусстве притворства, блефа. Их частенько именуют "артистами в жизни". При средних интеллектуальных способностях, это, как правило, — "жучки" в сфере сервиса, мелкие мошенники, лживо-добренские "по методике Дейла Карнеги" плуты, аферисты, сутенеры, актеры, согласные играть любые роли, солисты в похабных ревю, продажные журналисты, "придворные" поэты и литераторы ("спичрайтеры") — одо-и борзописцы. Отсутствие совести у них простирается до своей крайней формы: до физиологического бесстыдства, зачастую становящегося для них незаменимым техническим приемом в их хлопотной балаганной деятельности. [Прибавление. Суггесторам нередко присуще сильное чувство юмора, но имеет оно такой же сильно выраженный хищный, т.е. безнравственный характер, чаще всего проявляющийся в известной психиатрам форме "патологического остроумия", без чувства меры (классический литературный пример — Остап Бендер). Черный юмор, всякого рода "страшилки", похабные, скабрзные анекдоты, а также пародии, пересмешничество, передразнивание (вплоть до звукоподражания и чревоуещания) — все подобное неприкрыто злобное зубоскальство — тоже излюбленное занятие именно суггесторов. Многим суперанималам, особенно из "авторитетов", также свойственно остроумие, хотя и куда менее изощренное, чаще всего — в яркой форме запугивающих или оскорбительных лаконичных, острых фраз.] При более высоком уровне интеллекта суггесторы становятся "гибкими" политиками, "модными" адвокатами, крупными дельцами-махинаторами, нередко — маститыми конъюнктурными писателями (как Илья Эренбург или Алексей Толстой). Все они в обязательном порядке безнравственны в той или иной форме: ханжеской или откровенной. При отсутствии же "выпячивающихся" талантов и способностей суггесторы стремятся пробраться к власти, пристроиться в ее эшелонах, при этом уже не считаясь ни с какими своими дополнительными "отсутствиями", как физиологическими, так и умственными, и даже можно сказать, продвигаясь наперекор им. Именно поэтому в неконтролируемых обществом властных структурах так много всякого рода чудовищно ущербных личностей, наводящих ужас на подчиненных своей уникальной наглостью и немислимой подлостью. Но все же самое главное для суггесторов — это яркий успех, слава, неважно даже на каком поприще и какого качества, вплоть до геростратовой. Хотя власть для них приоритетна, однако власть без славы, тайная власть "кардинала инкогнито" чаще всего их не устраивает. В этом обстоятельстве заключается их главное расхождение в "вопросе власти" с суперанималами, которым зачастую присущ аскетизм фанатического толка. И если суггесторам предоставляется возможность добиться быстрого успеха на альтернативном поприще, то они изменяют своим прежним

устремлениям без малейшего сожаления. Самым крупномасштабным и достаточно свежим примером может послужить массовый — на манер многотысячных юбилейных спортивных забегов — переход в ряды активнейших борцов за перестройку прежних сверхлояльных служителей советского истеблишмента и рьяных гонителей инакомыслящих в бывшем СССР. Не менее примечательна и мгновенная перековка бывших партаппаратчиков: выход их из оборотневы роли коммунистов-бессребреников и включение в уже неподдельную "клондайковскую" золотую лихорадку расхищения богатств страны и перекачки их на Запад по многоканальному трубопроводу "Уренгой — далее везде", который проходит через кабинеты директоров фирм, министров, президентов — в обход "наших славных тружеников", именем которых еще вчера клялись все эти номенклатурные оборотни. Суггесторы и суперанималы зачастую — отличные ораторы "трибунного" типа. Дело здесь в том, что речь для суперанималов и большинства суггесторов является пределом функционирования их мозга. Многие из них думают только тогда, когда говорят — сами с собой или же при стечении толп. Для них утверждение бихевиористов о том, что "мышление — это внутренняя речь", т.е. беззвучное механическое проговаривание слов, и ничего больше, справедливо в своей предельной, очевидной форме, так что и лабиринтных крыс для доказательных экспериментов не требуется. Слова для них значительны, "огромны", и они ощущают их физически, с хищной точностью, нередко — с совершенно бессмысленной атрибутикой цветовой и вкусовой гаммы. Поэтому они и не могут подняться "выше" слов: при незначительной содержательности высказываемой мысли, а часто — и вовсе при полной ее "пустопорожности", главные усилия они вкладывают в вербальное оформление своего перла и в обязательную эмоциональность изложения, вплоть до жестикуляции физкультурного или "амсленгового" типа (armslang — язык жестов, используемый глухонемыми людьми). Но эта смысловая "сниженность" ничуть не мешает им становиться (вот она, "польза" наглости и беспардонности!) яркими политическими ораторами ("пламенными трибунами"), религиозными проповедниками, поэтами-декламаторами, специфическими лекторами-шарлатанами и всякого рода "экстра-тэрапэвтами" (Кашпировские, Чумаки, Хизигеры, Геллеры...) — у нас в стране уже 400 тысяч одних только официально зарегистрированных магов и колдунов. В отличие от суперанималов, лучше справляющихся с непосредственной агитацией, с использованием личного заразного примера, например, организацией мятежной или стяжательной толпы (типа грабителей винных складов), суггесторы способны воздействовать и на аудиторию, успех в которой определяется голосованием или убеждением (с использованием, как правило, лживой аргументации). Но если эмоциональность, "зажигательность" распатланных декламаторов похабщины и синих от водки агитаторов понятна, то внешне сдержанный, бесстрастный треп иных политиков содержит эмоциональность уже в неявном виде, она как бы возводится ими в некую степень, и тем самым помещается на более высокий уровень, подразумевается ее включение в контекст важности излагаемой проблемы, — тоже как правило лживой. В отдельных случаях эмоциональность все же может прорываться у невыдержанных, "самовозбуждающихся" вождей и ораторов. Таковы "великие ораторы" — Мирабо, Марат, Гитлер, Гесс, Муссолини, Ленин, Кастро, Жириновский... К счастью для людей, суперанималы и суггесторы, точно так же, как и всякие хищные в системе трофических цепей Природы (в системе иерархического поедания живых организмов), и в человеческих популяциях составляют по необходимости "подавляющее меньшинство". В противном случае, была бы

невозможна и недостижима жизнеспособная социальность из-за ее нестабильности: любой конфликт в общественном месте перерастал бы тогда во всеобщую поножовщину; подобное можно наблюдать в притонах и злочных местах. Но если в Природе соотношение растительной, травоядной и хищной ступней биомасс соответствуют разнорядковости (100:10:1), то у людей, судя по всему, хищных особей несколько больше. Ориентировочно, в т.наз. "цивилизованных" странах, их сейчас насчитывается около 15% — "каждый седьмой может стать истинно жестоким". В общем же случае, число их может быть различно для разных сообществ, и в весьма широком диапазоне. Совершенно очевидно, что не может быть никаких разговоров об "исправлении" ступивших на преступный путь суггесторов и суперанималов (палеоантропов-неотроглодитов). Ибо это — как породистой охотничьей собаке дать свежей крови загнанной дичи при натаскивании. Отсюда естественным образом вытекает вывод о неискоренимости преступности в хищной социальной среде. Поэтому тщетны и попросту наивны все попытки "перевоспитания" всех этих "человекодавов". Скорее, наоборот, тюрьмы делают их еще более жестокими и учат большей предусмотрительности при совершении ими новых, очередных преступлений. Воздействие же подобных наказаний на нехищных людей, причинение им — пусть и "заслуженных" — страданий, в первую очередь и главным образом проявляется в нравственной деформации личности: происходит деморализация. Пенитенциарные заведения не только не могут прибавить гуманности, но, наоборот, отнимают и все то, что было. Случаи "духовного противостояния" достаточно редки, и в общем русле — аномальны, чаще и "естественнее" происходит "хищная переориентация", нравственное падение: "с волками жить — по-волчьи выть". Становится совершенно понятной бесполезность жестоких наказаний, и даже их неуместность, в тех случаях, когда действительно ставится цель перевоспитания (точнее бы — спасения!) личности. В этом свете представляется невероятно жестокой практика совместного содержания и "перевоспитания" рецидивистов и остальных преступников. По логике вещей, следовало бы периодически выбирать паханов и "черных" из общей массы осужденных и формировать из них группы совместного содержания по олимпийской системе: "четвертьфинальные", "полуфинальные" и т.д. — с полнейшим невмешательством в их "образцовый ударный быт", за исключением объявлений "перемирий для уборки трупов". Этот метод позволил бы сдерживать хищную переориентацию диффузных людей в местах заключения. А распространение подобной же неразборчивой практики содержания правонарушителей и на детские "исправительные" учреждения — это уже проявление неприкрытого зверства со стороны властей, создающих таким образом в обществе хищную среду уже "повышенного качества", "сеющих ветер" для потомков. [Прибавление. Надо отметить, что подобные прецеденты борьбы с преступностью уже создавались, и неоднократно. Скорее всего, в будущем, когда простым людям станет наконецто ясно, кто есть кто, и откуда исходит все зло, наверняка не удастся избежать таких явлений, как "видовые чистки". Именно таким образом в СССР в 1960-х годах было совершенно покончено с организованной преступностью. Всех "воров в законе" помещали в общие зоны, переводили на хлеб и воду, заставляли работать, стравливали их между собой напрямую. Незаконно, но эффективно. И в огромной стране на долгие годы (лет так на 15 — почти поколение!) не стало организованной преступности гангстерского типа. Такие и им подобные меры, несмотря на всю свою "квазизаконность", всегда вызывают восторженное одобрение со стороны простых людей. По-видимому, этот внеюридический элемент все же необходим — по

принципу "клин клином". Правоохранительным органам прекрасно известны все главари преступного мира, а "вяжут" их лишь за "неуплату налогов" да за неправильную припарковку автомобилей — иначе в рамках законов невозможно. А вот что рассказывают о маршале Жукове, вспоминая его еще один подвиг: как он в послевоенной Одессе в одну ночь покончил с бандитизмом. По его приказу в шикарную гражданскую одежду с трофейных складов нарядились несколько сотен офицеров и отправились вечером гулять по городу. Грабители, нападавшие на них, расстреливались не месте. Утром "вся Одеса" вздохнула свободно... Вздохнет ли когда-нибудь свободно все человечество? Ибо подобные меры всего лишь капля в море, и для избавления простых людей так же необходимы и иные крупномасштабные облавы, в первую очередь — на политиков...] На сокращении численности хищных видов (помимо начавшегося "дружного" взаимоистребления) сказались также и своеобразие сексуальных отклонений, которые почти всегда оказываются у них несовместимыми с нормативными и созданием семьи любой конфигурации — в диапазоне от полигинии до полиандрии. Чудовищная патология, если говорить точно, дочеловеческих еще отношений, а именно: противоестественная направленность агрессивности (как хорошо известно, напрямую связанной с эротическим влечением), как и ее смертоносная гипертрофия, — все это не могло не затронуть самые глубинные психофизиологические структуры. В результате этого, извращенность и сексуальный аномализм стали у хищных видов в значительной степени их "нормой". К тому же, многие суггесторы в силу своих недюжинных способностей занимать лучшие места в жизни (в смысле благополучия и присвоения всеми неправдами материальных благ), находясь среди "ликующих", имеют, понятно, и больше возможностей для удовлетворения своих самых изощренных желаний и прихотей. Это делает для них диапазон нормативных гетеросексуальных отношений слишком узким, и достаточно быстро — из-за его доступности — перебрал его, такие пресытившиеся суггесторы соскальзывают в "голубое" болото множественных перверсий, которые традиционно именуется развратом: юно-и педофилия, групповой секс, и иные извращенные формы, мало связанные с функцией деторождения. Но даже заводя семью, а то — и несколько, суггесторы, будучи крайне эгоцентричными, относятся к потомству, мягко говоря, без должного энтузиазма, подобные настроения передаются детям, и все это как бы обрекает продолжение рода — "порождает вырождение", плодя лишь разврат в обществе. Суггесторы часто, для лучшего социального приспособления, все же ухитряются подавлять в себе гомосексуальную составляющую своего либидо. Суперанималы же в своей "норме" всегда откровенно бисексуальны, и почти никогда этого не скрывают. И они вообще наименее плодовиты, но в основном не из-за присущей им бисексуальности, а потому, что в силу своей предельной тяги к насилию они являются еще и несокрушимым оплотом таких махровых сексуальных отклонений (уже не аномалий, а скорее "монстралий"), как садизм, некрофилия, так же мало связанных с "задачами продолжения рода", как убийство — с воспитанием. Конечно же, здесь никак не имеются в виду гомосексуалы совершенно иного, чисто физиологического типа, которых независимо (?) друг от друга описали О. Вейнингер и В. В. Розанов, посчитавшие (так же одинаково ошибочно) гомосексуализм естественным явлением. Это такие сексуальные уродцы, у которых в результате прискорбной неразборчивости Природы смешаны или перепутаны феминные и маскулинные признаки. Сюда же следует отнести гермафродитизм и трансвестизм. Суггесторы-биофилы наиболее приближаются к приматам, т.е. в них действительно много "обезьяньего". Это есть следствие того, что они пошли по

пути имитации поведения как нелюдей-палеоантропов, так — в дальнейшем — и людей. Подобная двойная маскировочная адаптация потребовала от них очень и очень многого: заимствования, точнее, генетического закрепления определенных приматогенных качеств и их дальнейшего развития — "причеловечивания". И произошло отступление этого вида вспять — на приматный (понгидный) уровень, в том смысле, в котором традиционно понимается обезьянье поведение именно негативного характера. Иными словами, при этом ими были заимствованы (т.е. выделены и закреплены) вовсе не такие качества, как добродушие или наивность. Нет, совершенно наоборот, все это настоящее богатство было как раз отброшено, за исключением своих оболочек, взятых коекем для издевательской маскировки: это хорошо известные разновидности "улыбчивых" или "работающих под дурачка" мерзавцев-садистов. А "благоприобрелись" суггесторами чисто обезьяньи "сокровища": кривлянье, передразнивание, гримасничание (пусть все это зачастую и в салонных или сценических своих "высокохудожественных" формах и воплощениях) и прочие такого же рода регалии, вплоть до неконтролируемой похоти. Для них наиболее подходяще толстовское определение — "пьяные от жизни". Но самая тяжкая потеря суггесторов — это обязательное отсутствие у них чувства меры, являющегося основным техническим, материальным и поддающимся коррекции компонентом художественного творчества, а также — важным моментом иных творческих поисков. Чувство меры — дар адекватного самоограничения делает реальным (и в этом его величие!) существование для людей островков душевного благополучия с желанием выхода на другой, более высокий уровень восприятия Мира. Пока что людям известны и в той или иной степени освоены ими три таких уровня. Это, во-первых, эстетический уровень, в принципе, являющийся необязательным, как бы "факультативным". Затем — уровень этический, к сожалению, имеющий свои множественные "ложные солнца". И, наконец, религиозный уровень, сравнимый по своей структуре с неким конусом, в основании которого находятся верования и конфессии, а в вершине — наддогматическое признание Бытия Бога и Высших Сил Мира. Соскальзывание с этого уровня являет собой опустошенность, а падение — остервенелость сатанизма. Похожее, но только более образное и красивое описание религиозного уровня существует у Д. Андреева: обращенный животворным стеблем вверх цветок — Роза Мира. Суггесторы же — как благополучные "ликующие" биофилы, так и опальные неудачники (очень быстро "переключающиеся" на получение удовольствия в холении своей "грыжи" озлобленности и злопыхательства), не могут внутренне, духовно подняться выше эстетического уровня, хотя и паскудят в то же время своим присутствием все остальные, опошляя и профанируя их: вульгарный материализм, воинствующий атеизм, а равно и все виды шарлатанства — это все их работа! В итоге, дурная бесконечность якобы разнообразных ощущений и всепоглощающая погоня за ними и составляет весь смысл их — во всех смыслах праздного — существования. Их девиз при этом — "все новое есть хорошо забытое старое". Они, как никто другой, реализуют в жизни бернштейнианский принцип "цель — ничто, движение — все!", полностью совпадающий со "стратегией безумной цели" при паранойе. Все это не что иное, как демонстрация бесконечного и беспросветного шастанья на одном и том же уровне, находящемся непосредственно над анимальным, этологическим, и даже пересекающемся с ним, на уровне чисто эмоционального восприятия Мира, на манер беготни белки в сверкающем позолотой колесе! Поэтому суггесторы никогда не "успокаиваются на достигнутом", даже в том случае, если добиваются побед своих революций. Как, например, революции той же сексуальной. Мотивируя ее необходимость и

обосновывая свои "революционные" требования к "отсталому" обществу архаичностью прежних взаимоотношений полов, постреволюционная ситуация в сексуальной сфере точно так же их мало устраивает, т.к. теперь они будут страдать импотенцией в результате именно вседоступности, в отличие от их дореволюционной эрекционной обездоленности, вызванной, наоборот, сексуальными препонами. Точно так же они до хрипоты орут, требуя благ, повышения жизненного уровня, обретая же все это, они будут ходить в рваном (к тому же еще и не по росту подобранном) рубище, жить в непролазной грязи, с пылью в палец толщиной на коллекционном хрустале, с паутиной на дорогих картинах. Это все то, что в обиходе именуется "беситься с жиру". В более научной форме отмеченное "зажирание" суггесторов описывается с привлечением введенного К. Лоренцем [23] понятия "доместикации", т.е. одомашнивания, точнее здесь было бы "охлевливания". Подвержен этому явлению до некоторой степени и диффузный вид, правда, реже ("не до жиру...") и в менее изоциренных формах: так, например, место диковинного гурманства занимает примитивное обжорство. Все же такое энергичное "хлопотание" суггесторов вокруг эпицентров благ и удовольствий жизни, хотя и оказывается где-то в конечном итоге "бесцельным", тем не менее имеет для них и еще один свой важный позитив. При социальных отступлениях — резких снижениях жизненного уровня в результате стихийных бедствий, войн и революций (которые, к сожалению, бывают не только сексуальными или научными), наиболее приспособленными к столь внезапно изменившимся условиям оказываются именно суггесторы. Министры, нимало не сожалея о потерянном портфеле, организуют тараканьи бега на базарной площади. Бизнесмены — потеряв все свои капиталы — делают прибыльный гешефт на перепродаже колбасы из конской падали. (Т.е. действительно: "особенностью мерзавцев 'как класса является их необычайно быстрая адаптация к любой ситуации" [31].) Другие же виды, в особенности диффузный, менее приспособляемы к обрушивающимся на их головы страшным невзгодам, и поэтому все трагические последствия — в основном их удел: "пришла беда — отворяй ворота!". [Прибавление. Печальная гибель плодов социальных революций, точно так же, как и послевоенные безобразия во всех сферах общественной жизни до наведения должного порядка, происходят именно из-за резкого нарушения видового баланса претерпевших катаклизм обществ в пользу суггесторов — в силу их большей выживаемости. Войны (и особенно — гражданские) наиболее "выгодны" для суггесторов, ибо при этом возрастает их процентная численность в популяциях, впавших в невзгоды лихолетий. В то же самое время численность суперанималов в такие периоды "грозных годин" резко — как минимум, наполовину сокращается, т.к. они всегда грызутся между собой всем поголовьем, самозабвенно и непременно до чьей-либо окончательной победы, — из-за своей непреодолимой тяги к "великому делу борьбы". И вот, суггесторы, оказавшись на руководящих постах, да к тому же еще и без "должного" контроля и присмотра со стороны — погибших — суперанималов (смена из "резерва" приходит чуть позже), предаются самому беззащитному (естественно, хищническому!) использованию своего служебного положения, со всеми вытекающим отсюда безобразными последствиями, неся при этом обществу такие беды, от которых даже у потомков волосы встают дыбом, а у современников — подчас в ночь седеют. К слову сказать, знаменитый механизм "пожирания Сатурном-революцией своих детей" (ее зачинщиков) действует очень просто и потому надежно, "без сбоев". Во время борьбы за власть хищные гоминиды по необходимости сбиваются в стаи. Но после ее захвата им уже нужно перестроиться: обречь себя прихлебателями

безопасного толка — недалекими, фанатично преданными диффузными "соратниками" или же "повязанными" суггесторами. Главенствующему же революционеру — "вождю стаи победителей" — требуется всего лишь несколько приспешников, к тому же постоянно грызущихся между собой "выслуживающихся". Поэтому начинается обязательная самовыбраковка: подсиживание и протаскивание на ограниченное количество вакантных мест своих "надежных людей". И естественно, что большинство включившихся в эту борьбу за место "на Олимпе" выбывает из нее "ногами вперед". Т.е. происходит не что иное, как формирование на вершине власти главной, "первой среди равных", асоциальной малой группы (того самого "тюремно-камерного социума") из большого числа достойных претендентов на места в одной-единственной правительственной камере. О гибели же диффузного вида, простых людей, в такие тяжкие времена даже и говорить-то столь же тяжело. Абсолютные цифры всегда просто ужасающи своей астрономичностью. "Натворившие дел" всячески стремятся утаить "численность": в этом и заключена вся их "совесть" — боятся все же! Создается такое впечатление, что людей в какие-то бездонные пропасти сталкивают миллионами, даже закапывать трупы сил у них не хватает, поэтому самих же жертв заставляют рыть себе могилы: "Этот миллион туда же для ровного счета! Раздайте им лопаты!" Подобные жуткие времена катаклизмов и обильных общественных кровопусканий частенько высокопарно именуются "великими эпохами" (Великая Французская..., Великая Октябрьская...), и считается, что они порождают "под стать" себе и столь же "великих личностей". В действительности же в такие периоды вырываются из ослабевших социальных пут оппозиционные хищные гоминиды и начинают вытворять, сообразно своим "душевному устремлениям", чудовищные вещи, вовлекая в них и ведя за собой конформно-придурковатые диффузные толпы в направлении самозакапывания. Вот для них эти эпохи и вправду великие: для первых — организацией и зрелищем "великих", упоительных потрясений, для последних — принесением "великих", неисчислимых жертв. Во всем этом — прямая аналогия с хищниками, выпущенными вдруг по злему умыслу на свободу из местного зоопарка или из заезжего цирка в дотоле мирно спавшем уютном тихом провинциальном городке.]... Существуют два крупных смежных заблуждения, и хотя они уже достаточно толково разъяснены психологами, но тем не менее человечество продолжает находиться в состоянии некоего самообмана, пришедшего на смену прежнему дремучему неведению в этой области человеческих чувств. Во-первых, это знаменитая соправительница мира ("напарница голода") "любовь", которая на самом деле является не чем иным, как до некоторой степени специфическим оформлением агрессивных устремлений на человека, желанием как бы безраздельно "присвоить" его себе и никому не отдавать, оберегая его с помощью "противоугонного" механизма ревности. Совершенно естественно полагать, что особенно сильно подобного рода чувство должно бы проявляться у хищных гоминид. Так оно и есть: эти "пылкие ухажеры" способны на что угодно, на любое преступление, вплоть до убийства, ради овладения объектом своей "горячей любви", не говоря уже о каком-нибудь там пустяковом зверском избиении соперника или же самого предмета своего "высокого чувства". Все люди раньше или позже испытывают чувство любви, являющееся психологической надстройкой над либидоносным биологическим базисом личности. Но это — по большей части романтическое, нежное — чувство в корне отличается от граничащих с умопомешательством ощущений половозрелых суперанималов и суггесторов, обуреваемых "любовью". Кстати, одна из "вечных тем" искусства, поэзии и литературы эксплуатирует именно этот феномен: "любовь

(доводящая кого-то) до гроба". Нехищный же аналог любви — это дружба, покровительство, жалость (в народе не случайно бытует именно этот эквивалент понятия "любовь", и это отнюдь не синоним), соответствующие уровню агрессивности, достаточной для самообороны и защиты близких, и именно такой ее направленности. И во-вторых, здесь же рядом прослеживается неразрывная связь, если не тождественность, таких чувств, как нежность и ненависть, имеющих, как это становится ясным, общие психологические корни: "от любви до ненависти один шаг" (понятно, что в полной мере все это может относиться только к хищным гоминидам, но оказывается, что то же самое присуще и нехищным женщинам). Отсюда следует чисто математический вывод (соответствующий решению школьной пропорции $a : b = c : x$) о том, что пресловутое "добро" — то самое, которое "с кулаками", — в своем "техническом", психосоматическом оформлении есть точно такая же агрессивность, как и в случаях откровенно выраженного, не маскируемого "зла". Например, дважды знаменитый лейтенант П. Шмидт в детстве был подвержен беспричинным спорадическим припадкам: приступам необыкновенно сильной нежности к окружающим, тем не менее он легко смог найти себя на поприще смертельной борьбы. В меньшей степени примечателен также и его столь же знаменитый "почтовый роман": возникновение у него необычайно сильного и внезапного чувства "любви" к случайной попутчице в поезде. Есть все основания полагать, что менее щепетильные субъекты с хищным поведением испытывают аналогичные по своей силе чувства при совершении ими изнасилований, и, следовательно, необходимо признать изнасилование нормативным сексуальным поведением для хищных видов, "венчающимся" своими крайними формами сексуально выраженной агрессивности: калечащим садизмом и предельной некрофилией, т.е. совмещающейся с летальной подготовкой "объекта любви". Таким образом, не только явное и откровенное насилие, но и всякая, какая бы то ни было направленность устремлений на личность и есть ЗЛО в его истинном представлении. Отсутствие же подобных устремлений и есть подлинная ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ, существующая пока что лишь в идеале. Это — отсутствие как "зла", так и "добра", в том числе и их такой симбиозной разновидности, как "ненависть против ненависти" — этакого отражения насилия в хищном зеркале и тем самым удваивающегося. Именно здесь находятся корни буддизма, но само это вьющееся растение большинством своих красивейших ветвей все же стелется в хищную сторону этически неоправданного невмешательства, совпадающего по внешним признакам с холодным безразличием американских толп зевак к пострадавшему, а также — с японской сверхщепетильностью, мешающей оказать помощь постороннему человеку. И здесь же рядом проставлена отправная — она же и конечная — точка бумерангового пути кантовского категорического императива, проделавшего свой эффектный, шелестящий тысячами страниц упоминаний о себе, но в итоге пока бесполезный полет в сторону звездного неба. Злоба, гнев, свирепость, точно так же как и неумное желание навязать кому-нибудь свое "архидоброе" отношение, а не то и сделать его силой "счастливым" — все это является насилием над личностью, а это уже уход от сапиентации, утрата духовности: феномены пока еще не превзойденного и не преодоленного зверского состояния человечества, ведущего и поныне к гибели людей в многообразных и многочисленных конфликтах. Справедливо и обратное: когда ставится задача культивирования в людях агрессивности, то в первую очередь возникает необходимость снять с них слой человечности. Так, для воспитания воинственности в армии применяется муштра: примитивное, но эффективное отупляющее средство, значительно снижающее рассудочные возможности мозга —

до степени, достаточной для успешного прохождения воинской службы в беспрекословных легионах. Нужно отметить, что процесс снижения кровожадности человечества шел одновременно со становлением более снисходительного отношения к понятию "любовь", что объясняется именно взаимообусловленностью чувств нежности и ненависти. Существует даже официальная фиксация этого примечательного обстоятельства: так, в Британской Энциклопедии 1935 года издания слову "атом" уделены три страницы и одиннадцать — слову "любовь", в 1965 же году статье "атом" отведены тринадцать страниц и лишь одна — "любви". Становится также совершенно понятным и тот факт, что нередко бывшие преступники в какой-то момент своей уголовной "карьеры" становятся наиболее рьяными и ценными сотрудниками официальных репрессивных органов. (Именно так — полностью из бывших уголовников — была создана самая первая криминальная полиция во Франции.) И такой переход для них абсолютно безболезнен и безнадрывен, он подобен переходу (или перепродаже) талантливому спортсмену из одного спортивного клуба в другой той же самой спортивной ассоциации. Другими словами, такая смена деятельности у хищных видов по своим характеристикам внешних проявлений подобна "триггерному переключению" или явлению "гистерезиса" в физике, т.е. допускаются два равноправных состояния, в данном случае — две этические ориентации: "добро" и "зло". На обоих путях открыты каналы для проявления агрессивности, они сходятся в своем "низовье", где их "полноводность" — степень агрессивности — уже такова, что попросту неуместно было бы говорить о том, во имя чего — "добра" или "зла" — это делается. Здесь агрессивность сливается в "доброе зло": мстя поверженному тирану, остервенело рубать его в фарш; счастливо улыбаясь, пытаться разоблаченного палача концентрированной серной кислотой. В "среднем же течении" обоих потоков расположились голливудские павильоны благодатной для вестернов тематики: якобы хороший человек, мститель Билл, с трудом настигает и, перед тем как его добить, эффектно мучает (физически или морально) откровенного гада Фрэнка. И собственно, лишь видовая идентичность дает возможность сотрудникам органов правопорядка внедряться в банды преступников и, наоборот, преступникам — в органы. На этом держится и деятельность "бойцов невидимого фронта": шпионо-разведчиков. Как правило, вся эта сексотская публика — суггесторы; для них служение "двум (и более) господам" является наиболее полнокровной жизненной самореализацией. А если бы не было этой идентичности, то следовали бы моментальные разоблачения, и все такие "шпионские игры" потеряли бы всякий смысл и прекратились.

НЕОАНТРОП: ЧЕЛОВЕК, ДУХОВНО ЭВОЛЮЦИОНИРУЮЩИЙ

Четвертая часть брошенных семян пускает крепкие корни, но благим результатом может считаться лишь произрастание из них 'пшеницы, или 'сынов Царства'. (**Ч. И. Скоуфилд**) Учась у самого себя, кого назову я учителем? (**Будда Гаутама**) Неоантропы это люди в истинном, насколько это возможно, смысле этого слова, и с учетом, конечно же, конкретных жизненных условий и выбранного личностью пути. Это уже достаточно многочисленный человеческий вид, в настоящее время численно превосходящий суммарное количество суперанималов и суггесторов. Такой вывод хотя и носит опосредованный характер, но он все же претендует на точность. В пользу этого говорит очень многое: и интеллектуальная насыщенность литературы гуманной ориентации, и массовость общественных природоохранных движений, что есть следствие многочисленности носителей нового сознания. Но главное, фундаментальное обстоятельство,

свидетельствующее о правильности нашего "количественного вывода", — это демографический взрыв, произведенный, главным образом, диффузным видом, определенной частью которого и являются неантропы. Неантроп — человек, духовно эволюционирующий — непосредственно смыкается с диффузным видом, представляя собой его дальнейшее развитие: продвижение по пути разумного поведения. Основным видовым отличием неантропа является его способность — генетически закрепленная предрасположенность — к самокритичному мышлению (а в идеале — и к поведению), которое является не только совершенно самостоятельной формой мышления, но и кроме того необходимым условием **ЧЕЛОВЕЧНОСТИ**, как таковой, прихода к ней без внешнего научения, и даже, наперекор хищному воздействию. Это и есть духовная эволюция личности. Либо выход к людям раньше или позже, в неблагоприятных условиях, либо предельно возможный путь в условиях благоприятствующих. В очень редких случаях проходятся оба таких "участка" пути. Но, к сожалению, в настоящее время очень многие сообщества Земного шара все еще не дают возможности свободно подниматься неантропам и "успешно глушат большую часть всходов". Эта способность к самокритичному мышлению является некоей производной от морфологии коры лобных долей головного мозга, и присуща она еще только лишь диффузному виду, и все его различие с неантропами можно свести к лености использования лобных долей префронтального отдела головного мозга: диффузному человеку для этого требуются дополнительные усилия, в подавляющем числе случаев — не прикладываемые. И таким образом, диффузные люди в своей массе духовно гибнут: либо так и не вырываются из неблагоприятных (часто жутких) условий, либо облениваются и "не идут вперед" в благоприятствующей жизненной обстановке. Именно с учетом этого обстоятельства и создают свои структуры все нравственные Школы: по системе ученики — учитель (проповедник, пастырь, гуру), и с использованием заинтересовывающей обрядово-церемониальной атрибутики — достаточно близкого аналога детских игрушек обучающего, отвлекающего, а не то и развлекающего (как у кришнаитов и баптистов) типа. (Понятно, что здесь никак не имеются в виду многочисленные проповедники-проходимцы и всяческого рода безумные псевдо-пророки.) Самому же диффузному человеку очень редко удастся самостоятельно найти "путь наверх", и если подобное все-таки случается, то роль гуру при этом берут на себя счастливо (а чаще — трагически) сложившиеся обстоятельства, в частности, богатый жизненный опыт: таков путь старейшин, аксакалов. Но настоящие, подлинно народные, мудрецы — это все же неантропы, именно они создают то, что называется "кладезем народной мудрости": этический фольклор. Первое, что дает использование этой неантропической мыслительной специфики — это способность к мышлению как бы второго порядка. В своем простейшем случае, мышление второго порядка, его редуцированная форма — это философское рефлексивное мышление. Распространение познавательного интереса на само познание, "мысли о мыслях", поиски смысла жизни и иллюзорные, пока еще тупиковые, попытки осмысления Универсума. Соотношение объекта и субъекта познания в таких случаях становится не просто сложным или каверзным, но уже — парадоксальным и металогичным, что порождает бесчисленные точки зрения на один и тот же предмет и создает грустнозабавную противоречивость гуманитарных — философских, психологических, социологических и т.п. — систем и теорий, сочетающих контрастность (противоречивость типа "белое-черное") по отношению друг к другу с претензиями на истинность каждой в отдельности, а своей многочисленностью создающих полное впечатление горшечного базара, ибо,

помимо расписной яркости и емкой пустоты своего содержания, большинство из них демонстрирует нахождение людей на столь отдаленных позициях от истины, что невольно вызывает в памяти поговорку "не боги горшки обжигают" с приданием ей саркастического смысла: да, далеко не боги... Исчерпав себя, такое рефлексивное познание выходит на свой предельный уровень, сворачиваясь (в математическом смысле: функция "свертка функций") в сознание религиозное (но наддогматическое), и тем самым как бы формулируя теорему Геделя в других терминах: то есть собственного человеческого мира, и единственно его, человеку явно недостаточно для познания самого себя. И поэтому ему необходим выход за пределы этого мира. Но пока что такой "выход в свет" для человека невозможен, все науки и все религии здесь бессильны, и даже бы их полный синтез смог бы дать в результате лишь некую "сверхфилософию", легко представимую себе, как предельно возможное "мыслелудие" метакосмической, субкварковой, вселенско-нравственной тематики. Эзотерические же пути, проторенные некогда Великими Посвященными, а ныне столь успешно осваиваемые их необычайно многочисленными последователями, необходимо признать делом сугубо личным, индивидуальным и верифицируемым лишь по принципу "помрем — увидим", но, конечно же, дай-то Бог, если там на самом деле что-то есть. Самокритичность рассудочного существа и есть разум, сверхрассудок. Обычный внутренний диалог (мышление), вполне достаточный для рассудочного интеллекта, в таком случае расширяется и обогащается за счет введения в сознание внутреннего "третьего судьи". В случае религиозной свертки сознания — это Бог. В определениях же "светских", "мирских" философов наличествует целый набор, ставших уже расхожими, терминов для обозначения этого далеко "не лишнего третьего": совесть, моральный закон, нравственность, этический выбор. "Разум способен не только к познанию объектной реальности, но и к ее оценке... Обнаруживает, что в ней благо, устанавливает иерархию благ"[10]. Другими словами, разум — это то, что приводится в движение "маховиком" рассудка, мышления, то есть как бы "разумное содержимое рассудка", его "этическое наполнение". В нравственном понимании человек именно и есть то, что содержат его мысли, о чем он думает, какова направленность его сознания. Можно мучительно размышлять о смысле жизни, а можно не менее напряженно всесторонне просчитывать варианты мерзкого преступления. Лишь разум дает возможность сознанию представить себе и оценить полностью противоположную страдательную сторону насилия и уничтожения человеческой жизни (и жизни вообще), живо представить себя на месте жертвы и отреагировать на это единственно возможным человеческим образом: содрогнуться за двоих — за себя и одновременно за жертву. Это не что иное, как знаменитое христианское сострадание. Со-страдание, двойное страдание, тождественное его разделению, уменьшению. Сострадание — великое понятие, так мерзко и жестоко оболганное, затертое до неузнаваемости хищными толкователями (от уголовного словечка "толковище") морали: атеистами, имморалистами, сатанистами. Сострадание, таким образом, есть направленность разума в мир, вовне себя, аффективное перенесение причинения зла ближнему на себя и осуждение его. Это, собственно, одна из сторон самокритичности мышления, но в хищных представлениях это понимается как "трусость", которую правильнее всего будет считать "психологической платой за воображение". Существует еще один вектор направленности разума — внутрь, в духовный центр человека, что оказывается тождественным его выходу уже в Мир. Этот третий компонент базируется тоже на страхе — на страхе человека перед смертью: человек — это единственное существо, которое знает, что умрет. Тем не менее человек верит в то,

что его существование каким-то образом продлится в Мире после завершения земной жизни. Вполне возможно, что некоторые избранные могут даже знать об этом по личному опыту — в результате знамения, откровения. И только эта сумма, это "триединство" направленности разума на себя, в мир и в Мир (его активная самооценочная позиция в отношении людских страданий и перед лицом смерти) является необходимым, а возможно — и достаточным, условием существования Человека в Мире, его выхода на иной уровень. В этом ракурсе хищные гоминиды предстают как существа откровенно ущербные, не имеющие самокритичности, не имеющие сострадания, не имеющие веры в свое духовное бессмертие, и следовательно, не разумные! Их религиозный потолок это суеверность. Они, собственно, патологические атеисты и никто больше. Вся их жизнь — это настоящая попытка получения "компенсации на месте", досмертной выплаты им всех благ здесь и сейчас. А всякие препятствия и помехи в этом они стремятся убрать любым способом — внутренних, духовных преград у них нет. Разумное же существо не способно по собственной воле творить сознательное, умышленное зло! И здесь невольно напрашивается еще одно, четкое и корректное (даже можно сказать, научное!), определение Разума, а именно, как третьей сигнальной системы. Первая сигнальная система — это рефлекторная деятельность животных: инстинкты, условные и безусловные рефлексы. Ее предел — это ум, сообразительность высших животных, действующих методом проб и ошибок, способных приобретать и передавать опыт, обучать. Вторая сигнальная система — рассудок, речь, мышление у человека, способного уже на самоосознание и осмысленное поведение. Вторая сигнальная система является, как это описывалось выше, ограничивающей для первой сигнальной системы, торможением безудержности ее импульсов, сдерживанием эмоций. Из множества целей, мотивов, диктуемых силами эмоций и инстинктов, человеческий рассудок выбирает наиболее рациональный, более надежно приводящий к поставленной цели. Предел возможностей второй сигнальной системы рассудочное, высокоинтеллектуальное поведение, научное мышление, построение государств, культур, цивилизаций, "покорение" Природы, вплоть до выхода человека в космос и создания атомного и ядерного оружия.

Третья же сигнальная система — может быть присуща только нехищным людям.

Это и есть Разум, и это именно его проявления — совесть, сострадание, учет интересов окружающих людей, непричинение зла людям и Природе без каких бы то ни было запугивающих, "дисциплинирующих" факторов, типа религиозных угроз или моральных призывов. (Здесь воочию видна вопиющая несуразица знаменитого "силлогизма": мол, "если Бога нет, то все позволено". А вот и "ваша неправда, дяденька Достоевский"! Человек давно вырос из детских штанишек конфессиональной религии, и попросту уже обязан вести себя нормально, разумно и без "острастки взрослых".)

Третья сигнальная система является сдерживающей и ограничивающей уже по отношению ко второй сигнальной системе, и человек именно таким образом приобретает нравственность. Для общества же это сдерживание имеет пока что по большей части только теоретический характер, оно ограничивается лишь безуспешной критикой явно неразумных действий людей и человечества в целом. Действительно, рассудочное поведение людей в большинстве своих проявлений — откровенно параноидально, ибо цели самых что ни на есть хитроумнейших комбинаций оказываются либо мнимыми, либо вредными. Делание денег ради денег. Или — непомерный, ненужный людям западный темп работы, — и все ради прибыли для кучки финансовых воротил, за счет здоровья

миллиардов простых людей. Ну, и наконец, технический прогресс — любой ценой, уже даже за счет гибели самой Жизни на Земле — что может быть безумнее?! Третья сигнальная система. Разум предполагает оценку рассудочных действий с нравственной точки зрения: не только "познание добра и зла", но и безоговорочное принятие стороны добра. К таким же выводам приходят сейчас и передовые ученые. Вот что пишет психотехнолог Игорь Смирнов: "Интеллектуальные особенности, эмоции, воля, темперамент — это все производные. Но вот чем человек действительно отличается от животного, так это нравственностью". Отсюда однозначный вывод: хищные гоминиды действительно не являются людьми с нравственной точки зрения. Они-то и есть те самые, которых Гегель определил "морально неменяемыми", а Шопенгауэр "лишенными морального сознания" [15]. Звери, предельно опасные "второсигнальные звери" среди людей. Получается, что ни хищные гоминиды, ни общественные организмы, ни тем более человечество в целом — откровенно неразумны! И никакого такого "общественного разума", "ноосферы" и т.п. попросту не существует! Все это выдумки, вычурные благоглупости, на манер — "красота спасет мир!". Спасет, как же, — надо только держать карман шире и красивее! Положение чрезвычайно усугубляется еще и тем, что некоторые суггесторы способны имитировать поведение по третьей сигнальной системе — "впечатляюще изображать совесть". Но если попугай, умеющий имитировать вторую сигнальную систему — человеческую речь, — не понимает ее и не преследует никаких целей, то использование коварными и злокозненными суггесторами нравственной маскировки уже далеко не так безобидно. Суггесторы (из числа политиков, демагогов, религиозных шарлатанов) используют такую "дымовую завесу", прикрытие лозунгами добра, справедливости, счастья и здоровья людей для достижения своих самых низменных целей, что всегда сопровождается тяжкими последствиями для простых людей. Видится неправомерным так широко распространенное, неразборчивое порицание людей за трусость. При этом не учитывается, что она, наоборот, для людей совершенно естественна и является прямым следствием разумного поведения, ибо "человек разумный" исходно, "по определению" и по своему происхождению, труслив и к тому же внушаем (= глуп). А в противоположность этому смелость, бесстрашие, так же как и неменяемость являются собой признаки бесчеловечности, и совершенно незачем строить в этом вопросе какие бы то ни было "героические" иллюзии. Заполучение "силы воли" и предоставление себе внутреннего права помыкать, повелевать людьми, притеснять их — "воспитание чувств" такого рода в себе вовсе не требует неких добавлений в структуре личности и дополнительных "внутренних сил". Наоборот, для этого необходимо именно устранить в себе практически все человеческое, нужно сбросить с себя "мешающее" тяжкое бремя разума — доподлинной человеческой нравственности. И вот тогда сразу же сами собой появятся все эти "духовные силы" и "героические качества" для того, чтобы смело отдавать из подземного штаба приказы миллионам идти на смерть, посылать людей на минные поля впереди танков и для свершения множества других — более мелких и будничных — "геройств". (Кстати, подлинные, истинные герои всех войн — это всегда именно диффузные люди, сознательно преодолевающие собственную трусость, — воодушевляемые чувствами патриотизма, священного долга присяги или стремящиеся отомстить за гибель близких.) А вот человеческий этот груз — разум — не дает возможности для проявления таких "сил" (и слава Богу!). Доказательства этому можно найти в любой забегаловке. Это — пьяные нехищные люди, теряющие над собой контроль, после чего действительно становятся и более мужественными,

и более смелыми, и более агрессивными, так как при этом происходит растормаживание, в том числе — и сексуальное. Но разве автомобиль с неисправными тормозами "мощнее" обычного — исправного?! Конечно же нет, он лишь страшнее и опаснее! Так что можно считать, что хищные имеют в себе некую добавку, точнее — "нехватку", отличающую их от "исправных" людей: они постоянно носят в себе эту "неисправность" в виде эквивалента смертельной (в основном, для других людей!) дозы "горячительного агрессивитива". В этом плане алкоголь и наркотики предстают как в чистом виде дьявольские средства, сталкивающие человека на анимальный, биологический уровень. И особенно подозрительно выглядит привыкание к этим зельям, действительно, сравнимое лишь с некоей сетью, западней. Таким образом, "выдавливание из себя по капле раба" — это есть метод сбрасывания с себя груза человечности, ибо человек разумный — это раб (работник, слуга, служащий, — в любом случае, это подневольный человек, и лишь в идеале — свободный труженик). Но его нужно непременно отличать от суггесторной разновидности раба — застрявшего внизу зверька, по тем или иным чисто житейским причинам не пробившегося в "господа", и имя которому "холуй". Вот из него можно выдавливать сколько угодно, но только совершенно определенной субстанции, его полностью и характеризующей. Вот почему перспективы человечества при продолжении хищного пути — нулевые! Человек разумный (диффузный) никогда не изменится, не выдавит он из себя свой стержень — рабскую трусость, точнее, легкую психологическую блокируемость. Диффузный человек сможет распрямиться только в свободных, истинно гуманных условиях, а пока что при всех его попытках подняться хищные постоянно — мгновенно и остервенело — сбивают его наземь, и ему так и приходится жить на коленях, а не то и на четвереньках. У хищных гоминоид тоже может существовать в сознании некий "внутренний третий", но представляет он собой такого же зверя, как и его хозяин, и вся его роль сводится к созданию аффекта самооправдания и самовозбуждения, но в большинстве случаев возникает фрустрация (одна из форм психологического стресса) из-за невозможности дать выход агрессивности. К тому же эта агрессивность, именно из-за невозможности ее разрядки, возрастает лавинообразно и доходит до компульсивности (неодолимости), что и является одной из причин т.наз. "немотивированных" преступлений против личности — все это в основном совпадает с фрейдовским Супер-Эго. Кстати, именно это, не выделенное в общей клинической картине обстоятельство, — то, что невроты хищных в корне отличны от жизненно-ситуационных стрессов обычных людей — как по причинам, так и по протеканию, спутало все карты как самому З. Фрейду, так и его последователям, ибо это учение было применено не совсем "по адресу". Выявленная сексуальная детерминированность в полной мере присуща лишь хищным мужчинам и — это совершенно особый вопрос — подавляющему большинству женщин; да и вся, собственно, "практикующая психология" оказалась в плену того же неведения. Новейшее Время — его невыносимая для хищных социальность гуманной ориентации так придавила тех из них, которые не смогли приспособиться к насилию в необходимой для своего "душевного здоровья" степени, что даже невероятная широкодиапазонность западной психотерапевтической "индустрии" (в особенности это относится к США — "злоотводу"), с ее фантастическим многообразием психологических теорий и "целительных" методов, все же не может обеспечить своей хищной клиентуре надежного облегчения. Другими словами, такие "не нашедшие себя" хищные как бы "быстрее сгорают" от постоянной и неутоленной злости. В первую очередь, это относится к суперанималам, так как у них отсутствует значительная часть мыслей и чувств,

присущих другим видам (в том числе и многим суггесторам), многообразящих работу ЦНС и психосоматических структур, в то время как физиология видов практически одинакова. "Сила воли" позволяет им приказать себе сдержаться, взять себя в руки, но они не в силах приказать своим кровеносным сосудам, что и приводит в итоге к их "профессиональным заболеваниям": инфарктам, инсультам, склерозам. Так мог бы болеть волк в конуре да еще на овощной диете. В принципе, не существует теоретических препятствий для поднятия большинства диффузного вида на неоантропический уровень. Но для этого потребовались бы благоприятные социальные условия и применение (пока не созданной, но вполне обозримой) специальной психагогики, заключающейся, в первую очередь, в пресечении хищного научения, что в настоящее время абсолютно нереально. Более высокие уровни мышления, сознания пока еще недостижимы из-за печальной необходимости постоянного использования множества концепций чисто этологического свойства, обусловленных хищным характером нынешней социальной среды. Недостижимо также и самокритичное поведение, ибо оно наталкивается на невозможность (без негативных, а то и страшных последствий) провести в жизнь благие, честные намерения. Тоталитарные режимы достаточно убедительное тому свидетельство: в таких условиях духовная жизнь людей возможна либо на субчеловеческом уровне, либо с такой степенью двоемыслия, что оно практически неотлично от шизофренического или шпионского. Единственный пока возможный путь к обретению "чистой" нехищной среды — это полное отстранение от мира, уход в "пещеры и пустыни". Но и этот путь, по большому человеческому счету, ущербен, эгоцентричен: достаточно вообразить себе Христа, не вышедшего из заиорданской пустыни, решившего сделаться отшельником, или Будду, замордовавшего себя окончательно в чащах Урувелы. Лишь при достижении социальных условий, достаточных для свободного самовыражения и одновременной духовной развитости большинства членов общества создадутся условия для возникновения более высоких уровней общественного сознания. Это будет общество некоего анархического (акратического, безвластного) социализма, который равно можно называть и капитализмом, но при котором "капитал — это накопленный общественно-полезный труд", и таким образом не станет никакой возможности отмывать грязные, преступные деньги. К этому некогда, собственно, и прокладывала себе дорогу т.наз. конвергенция: постепенное слияние воедино, использование всех позитивных сторон социализма и капитализма. Но путь этот был намертво перекрыт именно мафиозными структурами Запада. С другой стороны, официальные власти приложили массу усилий для того, чтобы сделать понятие анархизма синонимом бандитизма, терроризма, и это им вполне удалось. Но именно анархия, подлинная акратия — главный и по-настоящему серьезный враг власть предержащих хищных гоминид. Так что вполне возможно, что путь к такому подлинно социалистическому обществу лежит лишь через властный, "ясперсовский" этап: всемирное "правовое устройство, обладающее достаточной силой, чтобы сохранить мир, и, низведя перед лицом своего всевластия каждый акт насилия до уровня преступления, лишить его всяких шансов на успех"[6].

ЖЕНЩИНЫ; ГИБРИДИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ВИДОВ

Cherchez la femme. (Французская поговорка) Что до мужчины, то не только приматы — все млекопитающие готовы откликнуться на 'зов' самки. (Ян Линдبلاد) Женщина, или говоря строго научно, самка человеческая, представляет собой второй основной биологический компонент человечества, наряду с

жизнеобеспечением — знаменитые "любовь и голод". Чудовищные события, сопровождавшие процесс антропогенеза совершенно уникальны и не имеют никаких, даже самых отдаленных, аналогий в остальном мире животных. С одной стороны, происходило бурное развитие, становление человека разумного, т.е. диффузного, суггерендного вида. С другой, шло внедрение в возникающую человеческую популяцию потомков хищных адельфофагов. Это и ускоряло антропогенез, но и придавало ему жуткие, смертоубийственные формы. В результате этого, человечество явило собой некий парадоксальный микст (мешанина из чуждых компонентов) из симпатрических (совместно проживающих) видов. Соответственно, парадоксальна и женщина. Хотя человечество, судя по генетическим анализам митохондрий яйцеклетки, и имеет общую прародительницу — первую мать, — но в дальнейшем, по мере внедрения хищного компонента в популяцию *Homo presapiens*, произошло и неминуемое видовое расщепление женщин: рождавшихся от хищных и нехищных мужчин, соответственно. Если исходить из того, что троглодиты, как и люди, наибольшее морфологическое сходство имеют с шимпанзе, и, значит, жили они в похожей "социальной системе" тасующихся групп, то понятно, что у биологических палеоантропов адельфафагов не могло быть своих постоянных женщин, и они "вынуждено обходились" суггерендными партнершами. Таким образом, можно считать, что видовое разделение женщин имеет вторичный, производный характер, основной же генотип хищности-нехищности несут в себе мужчины, и этот половой диморфизм — одна из основных характеристик рода человеческого. Роль женщины в истории человеческих сообществ и в становлении цивилизации невероятно сложна и противоречива. Еще больше эта сложность возросла к настоящему времени, в особенности это касается тех стран, которые допустили у "себя в доме" процессы эмансипации женщин — этого "слабого и прекрасного пола". Этот рост имеет там чуть ли не лавинообразный характер по многим параметрам — преимущественно негативным... За несколько десятков тысячелетий (где-то ориентировочно — в интервале от 40.000 до 25.000 лет тому назад), пропустив — в буквальном смысле — сквозь себя все человеческие виды, женщина снабдила способностью к рассудочному поведению даже потомков биологических палеоантропов — инициаторов адельфофагии в популяциях последних (палеоантроповых) гоминид. Женщина частично передала им наследственные морфологические изменения, произошедшие в префронтальном отделе коры головного мозга у суггерендного — диффузного вида. (Как это следует из предыдущего изложения, выделение неантропов отдельный в вид достаточно условно, и во многом метафорично, -это как бы "первые среди равных".) Подобная, всего лишь частичная, передача этих "нейро-новаций" была обусловлена тем обстоятельством, что сама женщина могла иметь эти морфологические новшества в тот период видового становления лишь в редуцированной форме: из-за более простого строения своего собственного мозга. И эта простота у большинства женщин сохраняется, оставаясь неизменной до сих пор. Именно эта частичность, "мозговая недостаточность" и стала для человечества роковой: в результате этого хищные гоминиды оказались "лишенными морального сознания", не сумев преодолеть генетический барьер разумности, третьей сигнальной системы. Более простой, или, если нашим прекрасным дамам так будет угодно, более изящный мозг женщин предполагает и гораздо большую значимость эмоциональных факторов в структуре женской личности, в первую очередь — фактора сексуального. Причем, во всем диапазоне либидоносной ориентации — от нимфомании и бисексуальности до фригидности — приоритет этого фактора не

снижается, но лишь модулируется. Предельный случай существования подобной зависимости (пределен он также и в плане иллюстративности) по линии "секс-мозг" наблюдается у некоторых насекомых, в частности, у богомолов. После того, как самка "ласково" откусывает своему партнеру голову, тот становится прямо-таки "сексуальным маньяком", не выпуская из объятий свою "пассию" ни на секунду — уже до самой своей смерти, т.е. пока его не доедят окончательно. Все это почти явным образом соотносится с человеческой способностью "потерять голову от любви". Оставляя в стороне анекдотичность, нужно отметить, что существуют и человеческие аналоги, чуть ли не буквально такого же "откусывания голов". Это — и Клеопатра, с ее знаменитыми "египетскими ночами", а также и другая ее "коллега" по власти и тоже жрица смертельной любви — грузинская царица Тамара, допуская к себе самых красивых, ею лично отобранных юношей, а затем — поутру, "на свежую голову" — прямоком из царской опочивальни, собственноручно вышвыривавшая их в Терек. Именно эта "мозговая редуцированность" объясняет присущий всем хищным, в том числе и хищным мужчинам, "женский потолок" в нравственности, о чем подробнее будет сказано несколько далее. Половой диморфизм у человека, затрагивающий и мозговые структуры, и предопределяя основную функцию женщин — деторождение, предполагает и сексуальную доминанту в ее поведении, что особенно ярко и неистово может проявляться в случаях относительно комфортных жизненных условий (те же Клеопатра с Тамарой). Вот эти-то два взаимосвязанных фактора: сравнительная простота мозга (его изящество) и сексуальная детерминированность делают и более простой видовой идентификацию женщин (определение их видовой принадлежности). Действительно, видовая принадлежность у женщин проявляется гораздо ярче, нежели у мужчин. Современная психология проводит отчетливое деление женщин на четыре типа. А в древнеиндийском эротическом трактате "Ветка персика" (нечто среднее между сексуальным самоучителем и справочным пособием для молодоженов, имеющих возможность вести праздную жизнь и желание заниматься исключительно сексом) различие между женщинами прослеживается вообще предельно элементарным образом: по запаху тела. Женщинам присущи четыре запаха: это запахи слона, козы, лотоса и молока. К сожалению, учитывая современную распространенность употребления (зачастую — непомерного) схожих косметических средств, практическое использование подобного критерия становится делом несколько затруднительным и хлопотным. Среди женщин, в отличие от мужчин, хищные особи относительно более многочисленны, определенно существует заметный дисбаланс, "перекос" в эту сторону. Но особенно распространена (до некоторой степени благодаря именно этому "перекосу") хищная ориентированность женщин. Конечно же, как уже говорилось, женская хищность имеет несомненный опосредованный характер, по своему происхождению она является наследственно приобретенной (что-то наподобие врожденного сифилиса по структуре своего происхождения), всего лишь "неумышленной производной" от адельфофагических эксцессов. Но тем не менее, в своем внешнем оформлении женская хищность трансформировалась практически в те же самые формы, что и у мужчин: авторитарность, жестокость, алчность, коварство. Кроме того, отдельные существенные черты хищного поведения присущи и нехищным женщинам. Неким "смягчающим вину обстоятельством" является то, что значительная часть хищной энергии женщин сублимировалась в русло материнского инстинкта, усилив функцию сбережения детей, в частности, продлив у всех женщин материнскую любовь до смертного часа... С той, правда, разницей, что хищные женщины могут и

ненавидеть своих детей, и нередко — смертельно. Достаточно вспомнить недавнее "чисто американское убийство", когда некая заокеанская мамаша из-за боязни потерять любовника утопила вместе с застрахованным автомобилем своих малолетних детей, так же деловито-предусмотрительно застрахованных. Необычайно существенно и еще одно отличие — именно в отношении жестокости. Женщины трех видов значительно уступают в этом качестве хищным мужчинам, хотя и превосходят в нем нехищных мужчин, а один вид — женщины-суггесторы превосходит (!) всех мужчин в жестокости. Кроме того, женщинам всех четырех видов в той или иной форме и степени присуща такая их знаменитая черта, как лживость, понимаемая женщинами как свойство несомненно позитивное. Кокетство, наигранная таинственность, "заинтриговывание" — самые безобидные ее проявления. Таким же общим для всех женских видов свойством, помимо лживости, является их внушаемость. В этом своем качестве они тоже существенно превосходят мужчин, среди которых внушаем лишь диффузный вид, а у неоантропов внушаемость может проявляться в виде легковерия, вскорости корректируемого. Кстати, внушаемость женщин легко объясняет, с учетом отмеченной ранее церебрально-сексуальной "цепной передачи", и повышенную эрогенность у них такого органа чувств, как слух: "женщины любят ушами". Еще одна немаловажная видовая особенность женщин состоит в том, что различие между диффузницами и неоантропичками имеет у них разительный характер, в отличие от плавного смыкания нехищных мужчин. Это обстоятельство, собственно, и явилось основным доводом в пользу выделения неоантропического вида в самостоятельный, но правильное, по-видимому, было бы считать его всего лишь подвидом (хотя и "авангардным") диффузного вида. Два основных фактора и определяют видовую принадлежность женщин: степень (и форма) авторитарности и тип эрогенности. Палеоантропический вид (ныне уже относительно малочисленный) — это авторитарные женщины с весьма активным (по терминологии сексопатологов "клиторальным") сексуальным поведением. Активны они также и в социально-бытовом плане. Сюда дополнительно входит садистская и активно-гомосексуальная прослойка женщин, являющаяся, как это будет разъяснено далее, гибридной, но по поведению она весьма схожа с "чистокровной" частью вида. По тем же поведенческим характеристикам сюда же следует включить также и тех женщин других видов (это уже — "случайный компонент"), чьи матери в пренатальный период (во время беременности) подвергались воздействию мужских гормонов. Представительницы этого вида (так же, как и их "попутчицы") в детстве не играют в куклы, в дальнейшем проявляют интерес к чисто мужским профессиям и занятиям, к административной карьере. Зачастую они бывают грубыми и бесцеремонными, и, как правило, не подвержены женской стыдливости. Они похожи на тех женщин, которых Эверет Шостром [11] выделяет в самостоятельный тип: у него это женская разновидность Хулигана, Женщина-Пила, а Отто Вейнингер [30] именует подобных особ "мегерами". В России такие особи чаще всего встречались до самого недавнего времени, в "доперестроечный, застойный" период среди продавцов конфликтных отделов магазинов, таких, например, как приснопамятные винно-водочные. Но особенно много палеоантропичек насчитывалось в те времена среди начальства среднего (нижнего номенклатурного) звена — партийного, или же на уровне каких-либо мелких директоров: овощных баз или небольших предприятий невразумительных производств, выпускавших загадочную, ни к чему не пригодную, да и не используемую нигде продукцию, но зато — в больших количествах. После начала "перестройки" они почти исчезли с глаз долой, уйдя в политику (тут их иногда еще

видно) и, по большей части, в /около/преступный бизнес. В нашей стране, в сравнении с другими (европейскими) странами, таких женщин в относительном выражении больше. Повышенная численность в России женщинпалеоантропичек (но особенно — поведенчески им подобных) как бы компенсирует (ущербным, правда, образом) недостаток в ней суперанималов-мужчин. И таким образом, к тому печальному, но своеобразному факту, что Россия — "страна дураков", добавляется и дополнительная ее характеристика, как страны "бабьей", или, другими словами, это — общество с феминной направленностью протекания в нем всех социальных процессов: от политических до бытовых. "Бабьи бунты" можно в общем считать российской спецификой: стихийные (т.е. без хищного начала и руководства) акции протеста здесь обычно начинают женщины. [Прибавление. Вообще воспроизводство дураков у нас, и впрямь, поставлено на поток. Конечно, на этом сказалось подавляющее численное превалирование здесь диффузного вида. Но главную ответственность за интеллектуальную поляризованность русского общества, несет прежде всего язык. Русский народ почти так же, как в известном анекдоте про всемогущего Бога и "неподъемный" для него камень, создал непосильный для себя язык: предельно неупорядоченный, в котором на одно правило столько исключений, что невольно возникает вопрос, а есть ли правило. Поэтому многим он оказывается не под силу, что непосредственно и сказывается на уровне мышления. Как указывает **Н. Н. Вашкевич** [17], "Темный, неорганизованный, алогичный язык приводит к тому, что интеллект русского этноса поляризуется. В обществе становится много дураков, но и много умных. Беспорядочный и хаотичный, трудный и этимологически непрозрачный, он вносит такую же неорганизованность и в мышление. С другой стороны, лишенный жестких шаблонов он не навязывает своих шаблонов и на интеллектуальную деятельность, что обеспечивает широту и нестандартность мышления".] Именно эти обстоятельства и определяют в значительной степени образ жизни населения: ленивый, но с уникальной способностью к трудовому подвигу, бездумный или же с заоблачными мечтаниями, нерасчетливый, но зато подчас — с интеллектуальными свершениями. И ко всему еще — склочный быт; причем склочность эта всегда проявляется не по существу дела (психологически это совпадает с распространенным явлением: "сгонять злость на посторонних"). А суррогатная женская компенсация привела к тому, что все здесь, в этом обществе, делается кое-как: "мы, русские, вообще, кое-каки". Фигурально выражаясь, русская женщина, будучи абсолютно не в состоянии заставить своего безынициативного, но и малоуправляемого мужчину (или же не имея даже и такого) сделать что-либо, берется за это дело сама. Конечно же, чаще всего это происходит опосредованно: она, скажем, нанимает для нужного дела негодного мастера, плохого специалиста (не понимая этого), ну и естественно, что результаты — если они и есть — не впечатляют. Очень похожая ситуация складывается в женских тюрьмах, когда за неимением мужчин некоторые женщины берут на себя их сексуальные функции, это всегда хищные женщины, чаще именно палеоантропички. Второй хищный женский вид — суггесторный. Это численно весьма "представительный" вид; к тому же он является и авангардным, как бы "задает тон": т.е. вырабатывает женский менталитет. Вкупе с ориентирующимися на него диффузными женщинами, этот хищный, суггесторный вид составляет количественное большинство во всех т.наз. цивилизованных странах, подвергшихся женской эмансипации. (Лишь Россия, понятно, и в этом плане составляет дежурное исключение — для себя естественное, привычное) Это тоже авторитарные женщины, но с выжидательной ("вагинальной") сексуальностью. "Сила женщины

— в ее слабости" — эти слова Карла Маркса целиком и полностью применимы именно к этим женщинам: представительницам хищного, суггесторного вида. Внешне — мягкие, женственные, чувственные, зачастую — хрупкие, все из себя чуть ли не воздушные, такие женщины способны на любое притворство, на какую угодно подлость и даже — на преступление (как, опять-таки Марксов, капитал при прибыли в 300%!), ради достижения своих целей — по преимуществу, весьма и весьма далеких от какой-либо нравственной коррелированности. Всем этим "слабым" созданиям присуща врожденная артистичность (как правило, подсознательная). Она напрямую связана с широко описанной в психиатрии т.наз. "патологической лживостью", основной признак которой — это вера в собственную ложь, полная убежденность в своих "легендах", что позволяет достигать невероятных уровней естественности в изображении искренности, правдивости. Женщины-суггесторы проявляют себя как аферистки, интриганки, шантажистки и т.д. Многие из них становятся актрисами, всегда талантливыми. В молодости такие особы частенько бывают т.наз. "динамистками" — псевдодевушками. Практически все они отличаются склонностью к изощренным сексуальным отправлениям, и вообще их "сексуальная" карьера имеет головокружительный характер. Среди них существует относительно малочисленный "авторитарно-анальный" подвид, легко идентифицируемый, распознаваемый по влажным, как бы с поволокой, и — если присмотреться — безжалостным глазам. Потенциально, а при соответствующей жизненной ориентированности и в подходящих для этого условиях -то и в действительности, женщины-суггесторы реально превосходят в жестокости хищных мужчин, как суггесторов, так и суперанималов. Примерами могут послужить и незабвенная Салтычиха, и Софья Перовская, и Коллонтай с Землячкой. Можно также вспомнить и "Тоньку-Пулеметчицу" — разоблаченную под старость пособницу фашистских оккупантов; эта мерзавка расстреливала пленных большими группами из пулемета, за что и получила свое прозвище. Любила расстреливать людей и знаменитая испанская интернационалистка Долорес Ибаррури-Пассионария. Подальше от нас, в Южном Полушарии, но поближе к нам по времени, подобный же пример являет собой зулуска (?) Винни Мандела (бывшая жена нынешнего президента ЮАР), которая истязала похищаемых подростков, при этом весело распевая и приплясывая. Но здесь — в вопросе жестокости, все же следует сделать оговорку, ибо всегда в любой области "личный рекорд" непременно принадлежит, так или иначе, мужчинам. "В общекомандном же зачете", наоборот, всегда имеют преимущество женщины — такова уж закономерность (мужчины — это <оперативная память> человечества, а женщины — "постоянная"). Точно так же и в этой "сфере деятельности": еще большую жестокость, нежели отмеченные женщины-суггесторы, способны выказать и продемонстрировать хищные мужчины-гомосексуалисты, в частности, в своих любовных "разборках", в результате которых остаются, хорошо известные криминалистам, т.наз. "пакеты": предельно жестоко и не менее изощренно изуродованные трупы -не тоне поладивших между собою соперников, не то неверных, тоже однополых, любовников. [Прибавление. В общем случае, в отношении мужской жестокости можно сказать, что суперанималы более "прямолинейны", орудуют проще, без тех выкрутасов, которые так свойственны суггесторам, с их тягой к изощренным пыткам и мучительству.] Женщины-суггесторы, как правило, в своих целях широко используют мужчин. Они часто входят в составы способных на все карьеристских "танDEMов", в России мало распространенных в связи с бесперспективностью в этом плане русских мужчин (в подавляющем своем большинстве — совестливых). Но в случае образования здесь

подобной "выдвиженческой" парочки, успех такой "русской двойке" обеспечен, в особенности — на высоких социально-административных уровнях, то есть там, где хищному продвижению предоставлен "режим наибольшего благоприятствования", в дополнение к своей там естественности, а "конкурс" не такой высокий, как на том же прощельном Западе. Там подобная специфическая супружеская верность и взаимовыручка в деле являются обязательным "социальным минимумом". Всем хорошо известна та важная роль, которую играют в карьере западных политиков их жены. У нас же они только путаются у высокопоставленных мужей под ногами, если и не вредят, достаточно вспомнить чету Горбачевых, всенародную худую славу загребущей Раисы Максудовны (Максимовны?). Но бывают и удачные, спаянные, прямо-таки "лебединые" пары: например, столь же знаменитые, преступные супруги Щелоковы. Конечно же, большинство таких "дуэтов" малоизвестны, ибо орудуют на более мелких постах, не таких громких, и — без саморекламы. На низких же уровнях социальности более вероятен уход в примитивную асоциальность, уголовщину, а не то — и в чудовищность. Можно вспомнить жуткий преступный тандем артистов Оренбургского Театра музыкальной комедии: убийцу-грабителя Ионесяна (с охотничье-туристическим топориком, по тогдашней цене 2 руб. 50 коп. вместе с чехольчиком, под видом работника Мосгаза длительное время в середине 1960-х годов терроризировавшего всю Москву и область, убивавшего всех подряд, даже детей) и его подругу (красавицутанцовщицу, отмывавшую после "дел комедианта" этот самый туристический топорик). Женщины-суггесторы не только могут быть в составах уголовных и террористических групп (напр., банда Мейсона в США), но нередко и возглавляют их, как, например, Ульрика Майнхоф в ФРГ 1970-х годов. Правда, чаще такие женщины идут по "религиозной линии" (как та же наша комсомолка Маша Цвигун из Белого Братства, которая Дэви-мол-ХристосЮсмалос) или по какойнибудь еще, не менее "экстрадуховной" (все эти Блаватские, ДжуныГлобы и т.п.). Но в основном — это многочисленные полуграмотные прорицательницы, ясновидящие, целительницы, гадалки, ворожеи... Существует обширный свод исторической литературы, в которой доказывается, что истинными пружинами большинства крупных исторических событий, включая сюда и военные катаклизмы, являются якобы действия женщин, так или иначе приближенных к "сильным мира сего" мужчинам. Все такие книги считаются почему-то всего лишь занимательными, как бы отстаивающими несерьезную точку зрения. Но если отбросить этот покров несерьезности, и взглянуть на них, по возможности, объективно, то перед нами окажется ошеломляющее своей неумолимой логикой фактов доказательство конкретной (хотя и опосредованной т.е. орудованием чужими руками) ответственности женщин за возникновение войн во все исторические времена существования человечества (символически начиная с войны Троянской, возникшей, как известно, из-за Елены — Менелаевой жены). То есть, вопреки заверениям Светланы Алексиевич, у войны — лицо именно женское! Для полной же корректности этого доказательства следует лишь добавить, что неправомерно распространять эту ответственность на всех женщин, ибо на самом деле она полностью и безоговорочно ложится исключительно на хищный вид женщин-суггесторов. Это и есть тот самый "женский фермент" во всех социальных потрясениях, некогда выявленный все тем же Карлом нашим Марксом. К слову сказать, совсем не случайно именно этому же виду женщин-суггесторов столь свойственна прямо-таки' неодолимая влюбляемость в мужчин-убийц. (Достаточно будет вспомнить не столь давний "тюремный роман", когда следователь Наталья Воронцова влюбилась в своего подследственного — матерого убийцу рецидивиста

Сергея Мадуева — до такой степени безоглядно, что даже передала ему пистолет для совершения побега) Кроме того, им же присуща тяга к получению наслаждения от созерцания сцен жестокости и кровавого насилия (казней, пыток и т.п.). В частности, им необычайно нравится, когда мужчины дерутся и убивают друг друга именно из-за них. На этой их "слабинке" некогда базировались рыцарские турниры, большинство светских дуэлей. Правда, подобное качество свойственно женщинам вообще, этот кровавый шлейф "стратегии выбора возможного партнера" тянется за ними еще из животного мира, но все же подобная предпочтительность в выборе мужчин женщинами качественно различна для разных видов (хищных и нехищных). К тому же, уместно будет вспомнить, что у наших ближайших этологических, животных родственников — у шимпанзе — подобных поединков не существует, они мирно "тасуются себе и тасуются". В Древней Греции и Риме существовали жесткие ограничения в доступе женщин к жестоким зрелищам, но в то же время с немалым успехом в цирках выступали женщины-гладиаторы (например, в том же Риме — при Нероне, Константине). Современный отголосок этого свинства — женский "бокс" и "борьба" на Западе (да уже и у нас). Для большей зрелищности (=похабности) подобные женские драки проводятся в налитом по щиколотку на ринге мазуте или же по колено в фекального цвета грязи. Но все же настоящее время — это "тяжкие" условия для откровенного насилия: отсутствие публичных казней, точнее, их "нерегулярность", острая недостаточность в смертоубийственных поединках и т.п. "зрелищах". Правда, в значительной мере произошла сублимация насилия в издевательство над животными: все эти петушиные, собачьи, рыбьи и т.п. "бои". (Еще одной подобной "отдушиной" является "экранное" насилие) Поэтому присущая женщинам-суггесторам тяга к жестокости прорывается в самых что ни на есть неожиданных формах, по большей части — неявных, тоже сублимированных. Так, в некоем учебнике (!) по социальной психологии, автор которого женщина, изложение материала (в основном это — пустопорожний пересказ социо-психологических банальностей) прямо-таки нашпиговано славословиями, буквально оргазменного накала, в адрес... пиратов! Из них делается некий возвышенный идеал — образец мужественности, достойный быть, по твердому убеждению эмансипированной создательницы злополучного учебника, примером для современной молодежи, чрезмерно изнеженной мирным временем. Можно только удивляться и недоумевать — в какой же это форме можно было бы ныне подражать пиратам, не находясь при этом где-нибудь в Молуккском проливе, где орудуют настоящие, всамделишные пираты XX века. Впрочем, это недоумение сейчас уже неуместно, мирное время в стране подошло к концу, да и к тому же появившиеся теперь и у нас, как грибы после дождя, рэкетеры и грабители — чем они хуже пиратов?! Одно время в нашей прессе "застойной эпохи" публиковались письма — сетования читателей, сожалевших о поспешной законодательной отмене дуэлей. В таких своих цидулях эти барышни настоятельно требовали возобновления "поединков чести" в целях безошибочного выявления "настоящих мужчин". Теперь, по-видимому, к услугам и удовольствию таких привередливых дамочек — широко поставленная и хорошо налаженная "служба разборок" в мафиозных структурах. Диффузный женский вид — это, если так можно выразиться, "вагинальнодемократические" женщины, т.е. и социально, и сексуально безынициативные. Это те самые, знаменитые т.наз. "бабы", про которых, на Руси в частности, говорят, что "на них воду возят"! Описание этих женщин, "баб" — дежурные эпизоды русской пронародной литературной классики. Это именно над ними издеваются пьяные мужья, это их выгоняют с детьми на улицу, их бьют и т.д.

и т.п. В качестве ответной меры эти несчастные создания "голосят", плачут, воют, "жалются" соседям, но тем не менее, все терпят, сносят и быстро отходят, забывая полностью или на время всю тяжесть нанесенных им обид. Их часто отличает необычайная — даже по меркам России глупость; иногда — практически животная тупость. Здесь наиболее иллюстративны "средние американки" — действительно, мало отличающиеся от дрессированных животных, натасканных рекламой на "голос" вещизма. Среди женщин диффузного вида распространенное явление — фригидность, совмещенная в то же время с очень поздним климактериумом, — вплоть до фертильности (потенции к деторождению) глубоких старух. Диффузные женщины в России представлены предельно широко, именно они здесь "делают погоду", и так же, как и диффузные мужчины, они не подвержены в значительной степени хищной деформации. [Прибавление. Хищная деформация общества в общем случае зависит от процентного количества в нем хищных гоминид, и зависимость эта имеет ярко выраженный экспоненциально возрастающий характер: какое-то количество хищников в своих рядах общество может выдержать безболезненно (да и сами хищные гоминиды в таких "мирных" обществах особо не высовываются, выжидают), но если их количество превышает некий порог, или же в обществе ослабляются социальные узы, то следует лавинообразный процесс возрастания насилия, алчности, безнравственности.] Наряду с палеоантропическим видом, представительниц обоих этих видов именуют в народе поощрительной кличкой "конь-баба". Правда, в отличие от палеоантропичек, диффузницы командных высот здесь никогда не достигают, многие из них вообще "находят себя" лишь на физических работах: рельсы-шпалы, "майна-вира" и т.п. откровенно не женские занятия. Но, конечно, произошло это противоестественное трудовое перепрофилирование лишь "благодаря" стараниям советской власти, упразднившей какие бы то ни было половые препятствия и различия на пути к светлому будущему. Диффузницы, в принципе, беззлобны, часто — безропотны, для своих детей делают все, что в их силах и даже больше, вплоть до самопожертвования, чем в итоге их и портят — если смотреть на эту родительскую самоотверженность и ее плоды с позиций приспособляемости, самоутверждения и жестокого упорства в достижении поставленных (или навязываемых обстоятельствами) целей, т.е. с позиций откровенно хищных. Но отмеченная безропотность диффузниц культивируется единственно при условии держания этих женщин в "ежовых рукавицах" — типа их перманентных или превентивных избиений. Именно это, собственно, и практиковалось в старой патриархальной, домостроевской и все же мудрой России. Иногда бывает достаточно и одной лишь простой "ограбности", или припугивания. Но все же это эвфемическое средство не всегда срабатывает, кроме того, всегда остается опасность того, что диффузницы могут почувствовать реальную "слабинку" у "хозяина", и тогда они тут же "сядут ему на шею". Отсюда проистекает очень важный, чуть ли не глобальный вывод. Предоставление какихлибо реальных прав и полномочий диффузным женщинам — это, попросту, без тени преувеличения, страшная вещь! Что-то вроде "спички — детям"! Последствия этого неразумия можно наблюдать воочию в России, допустившей эмансипацию женщин, и не обеспечившей создания защитных механизмов для мужчин от этого, воистину, всенародного бедствия. И где теперь искать русского мужчину?! Господи! Сколько ж миллионов мужей было посажено в тюрьмы их благоверными женами! Сталин не пересадал столько "врагов народа", сколько эти "наши подруги", "спутницы жизни", "суженые наши" и "прекрасные половины" посаждали своих несчастных супругов в ЛТП, "на сутки" и на более длительные сроки! Но в большинстве случаев терпеливость диффузных женщин

все ж таки сохраняется, распространяясь и на сексуальную сферу. Они безоговорочно приемлют сексуальные притязания во всем диапазоне, причем даже — без рекомендуемого сексологами лишь постепенного его расширения (приучения). [Прибавление. В этом заключается их еще одно существенное отличие от хищных женщин, предпочитающих излюбленные способы сексуального удовлетворения — как "примитивные", традиционные, так и зачастую весьма экзотические, и кроме того, проявляющих при этом избирательную, "селективную" настоятельность. Подобная настоятельность часто сопровождается еще и неумеренностью, сравнимой лишь разве что с бешенством матки. Вот, например, что пишет в своих воспоминаниях о Марлен Дитрих ее дочь — Мария Рива. "Я не перестаю удивляться, как удавалось моей маме все эти годы не беременеть. Правда, это обеспечивал ей ритуал спринцевания ледяной водой с уксусом. Из всех сокровищ моей мамы пуще всех оберегались корсаж и резиновая груша для спринцевания. У нее помимо основной всегда были четыре запасных, на случай, если прохудится та, которой она пользуется. Белый уксус от Гейнца покупался ящиками". В народе существует наиболее удачный термин, характеризующий таких женщин: "злобучие".] Для диффузниц смена партнера, вообще-то говоря, относительно трудное дело, и явление это редкое; им скорее свойственна рабская преданность, но — при обязательном наличии "кнута". (Это — та самая "маленькая, но кричащая истина", преподанная Заратустре: " Ты идешь к женщинам? Не забудь взять с собой кнут!"). Но если все же подобная смена происходит, в силу каких-либо обстоятельств, то они проявляют неприкрытый консерватизм — в тех случаях, когда новый "хозяин" обладает иными "манерами" в своем копулятивном (сексуальном) поведении. Этот консерватизм выражается в том, что они не приемлют каких бы то ни было новшеств, либо, наоборот, ограничений. Это тоже можно считать проявлением их глупости, ибо вообще наиболее характерный и основной признак глупости — именно неспособность адекватно использовать свой прежний жизненный опыт, ненаучаемость. [Прибавление, К слову сказать, сверхглупость, вопиющее недоумие человечества самым нагляднейшим образом проявляется как раз в игнорировании своего жизненного опыта — истории, страшные уроки которой не идут ему впрок, что дает все основания считать эту "науку" лишенной смысла, но в то же время, следует учесть и то обстоятельство, что "история" в ее современном традиционном изложении — это всего лишь военно-политическая история, которая есть не что иное, как описание междоусобиц и борьбы хищных гоминид за политическую и экономическую власть в этом мире. Истинно же "народная история" нехищного человечества протекает глубинно, и можно считать, "бесписьменно", так что, она как бы и не сохраняется, но тем не менее какие-то выводы людьми все ж таки делаются (результат этого нравственный прогресс, в такой же точно степени медленный и неустойчивый), несмотря на то, что хищные владыки всячески пытаются "отбить у людей память".] Неоантропический вид -это "анархо-клиторальные" женщины и, реже, это уже сверхженщины — "анархо-вагинальные" особи. Независимые, во многом откровенные, они не любят, чтобы ими командовали, хотя и могут позволить себе полную прихоть для разнообразия; они меняют мужчин, как вещи повседневного спроса. В традиционном, во многом устаревшем представлении они являются плохими женами, но матери они, в любом случае, великолепные. Часто, не имея пока собственных детей, они с истинным удовольствием нянчатся с племянниками или с соседской детворой. Сексуальное поведение у них — без ограничений, но оно всегда не вульгарно, и главное — очень тактично по отношению к мужчинам, что позволяет им "крутить" последними, как только им заблагорассудится, но в итоге

— безо всякой на то для себя пользы. В народе их зачастую именуют <бляди>, но только — в прямом смысле, т.е. исключительно в сексуальном и "в общем-то, без осуждения, а несколько даже как бы "завистливо", что не так уж и обидно, но все же — по большому счету — несправедливо, и даже ошибочно. Наиболее правомерно будет употребление этого многозначного фольклорного термина по отношению к суггесторному виду женщин, ибо дефиниция эта справедлива для них и в плане чисто житейских взаимоотношений, а это обеспечивает "наполненность" употребленного определения. Но основную разницу между этими двумя видами женщин можно проследить лишь на предельных уровнях женственности. Так, женщины-суггесторы при соответствующих физических данных часто становятся популярными секс-бомбами западного шоу-бизнеса (здесь, правда, чаще и успешнее подвизаются диффузные женщины — это все же подневольное занятие, для них более подходящее). Самые же эффектные из них могут занимать позиции предельно дорогих, шикарных и роскошных содержанок, элитарных проституток. Женщины же неоантропического вида даже при меньшей внешней женской привлекательности способны достигать качественно иной позиции: а именно, статуса "роковой женщины", т.е. женщины не столько и не только "vamp" (соблазнительницы), но еще и "разрушительницы чужого семейного очага". [Прибавление. Нужно отметить, что проституция — в понимании "профессии", "дела" — полностью находится "на откупе" именно у женщин суггесторного вида. В особенности это ярко проявляется в т.наз. "престижной" проституции, "элитарной" — у нас эту дорогостоящую проституирующую "сестрию", представляют путаны, продающиеся "задорого" иностранцам. Диффузные женщины идут на это срамное дело лишь под влиянием среды: дурной пример, раннее совращение, тяжкие жизненные обстоятельства. К тому же значительная часть проституток — олигофренки. Кстати, этих предельно падших женщин легко различать. Если у продажных суггесторных женщин всегда нагло-порочное выражение лица, то у диффузниц виновато-порочное, а то и просто — лишь виноватое, особенно в трезвом виде. И они все же тяготеют своим положением, в отличие от суггесторных проституток, бравярущих своим таким "боди-бизнесом". Последние действительно совершенно искренне считают "сильным полом", "победительницами" именно себя, а "побежденными" — "слабых на передок" мужчин, "охочих до баб". (По окончании своей непосредственной сексуально-трудовой деятельности многие из них становятся "мадамами" — уже содержательницами публичных домов и притонов.) Не случайно все они охотно сотрудничают с разведывательными органами, это добавляет им самоуважения, и без того непомерно высокого. Наиболее известная подобная сотрудница, "супервумен" — знаменитая танцовщица, немецкая шпионка Мата Хари.] Поведение женщин-неоантропичек с мужчинами выглядит со стороны наиболее вызывающим и одновременно — непосредственным, и это резко выделяет их среди всех женщин (как хищных, так и диффузных). Это объясняется тем, что они умнее других женщин, да и многих мужчин, и к тому же они понимают это свое интеллектуальное превосходство, хотя и не щеголяют им. Среди же мужчин наиболее вызывающим и колоритным является поведение суггесторов, что есть результат проявления в той или иной эффектной форме обычных для них наглости и беспардонности. [Прибавление. Но это становится возможным для суггесторов только при условии, если они в данный момент психологически не придавлены суперанималами. Под психологически неодолимым гнетом суперанималов суггесторы тушуются, съеживаются, "пригибаются и приседают". Между собой же суггесторы, как правило, остро пикируются, выкаблучиваются, выпендриваются.

Это происходит даже при наличии субординационной дистанции, когда для них же гораздо лучше было бы помолчать и посидеть тихо. Но и в таких случаях все равно непременно включаются подспудные конфронтационные (хищные!) механизмы, и начинаются общеизвестные процессы "подсживания", безо всякого принятия в расчет опасности таких занятий; скорее, наоборот, это бодрит их, вызывает прямо-таки охотничий азарт. В этом заключается отличие административных суггесторов от диффузной начальственной сошки: у последних нет подобного стремления к конфронтации, тем более - с начальством. Это именуется "быть исправным служакой", и объясняется тем, что они бывают полностью психологически блокируемы своими хищными начальниками.] В итоге получается так, что на таких вот "вальяжных", разбитных суггесторов, оказавшихся "без присмотра" своего начальства, женщины-неоантропички действуют подобно блесне на щук. Но так как эти женщины все прекрасно понимают, и к тому же видят всю подлость и неискренность суггесторов (а неоантропичек практически всегда отличает еще и необыкновенная порядочность), то контакт "с полной выкладкой" между ними является не таким уж простым делом, или же — не имеющим серьезного продолжения. Это в свою очередь еще больше распаляет и возбуждает подобных суггесторов, и часто доводит их до истинного умопомрачения и маниакального поведения в своих дсэмогательствах, что зафиксировано в обширной литературе — как в художественной, так и в криминалистической. Описанием подобных "сложных" взаимоотношений полов действительно составляет обширный пласт в мировой литературе. В отечественной же классике эту тему наиболее рельефно, до гротеска, отобразил Ф. М. Достоевский. Именно таковы взаимоотношения Рогожина и Настасьи Филипповны, а также — карамазовской стаи и Грушеньки. И все же эта настоятельность суггесторов (существующая лишь до обязательного наступления у них чувства пресыщения после достижения цели) иногда дает свои ядовитые, противоестественные, гибридные плоды. Многие неоантропички, в особенности красивые, "интересные", при житейской своей неопытности, на первых порах оказываются в окружении полного кворума хищных мужчин, в основном — суггесторов-развратников. И это делает их подчас несчастными, опустошенными, внешне циничными, или же — имеющими от первого брака (или связи) гибридных, пошедших в отца детей — "живую подлянку на всю оставшуюся жизнь". Но все-таки, в конце концов, у этих прекрасных женщин поднакапливается жизненный опыт (в том числе приобретается и богатая сексуальная информация: что-то типа коллекции, в которой количество "экземпляров" поклонников для простоты систематизации и учета считаются до сотни, а затем — по нисходящей в обратной последовательности до нуля, и так — несколько раз). И женщина-неоантропичка, получив таким образом адекватную психологическую и экономическую информацию (последняя — в основном о невероятном жлобстве суггесторов), прибывает в итоге жизненного бурно начатого плаванья к представителю своего вида или к диффузнику, комплектуя уже нормативную семью с мужем "неудачником": т.е. не "достижением", не "добытчиком" и не "воином" (хотя нередко и военнотружущим), или же с пьющим незлобным, добродушным и недалеким работягой. Но очень многие женщины неоантропического вида реализуют себя в жизни и совершенно по-иному: в частности, это т.наз. "синий чулок", нередко монахини-иерархи (и как это ни огорчительно для мужского самолюбия, но, скорее всего, именно таким женщинам будет доверена верховная власть в обществах Будущего).

... Говоря о видовом разделении человечества, необходимо, естественно, рассмотреть и проблему гибридизации человеческих видов, т.е. вопрос о

последствиях межвидовых связей. В первую очередь, необходимо учесть то обстоятельство, что все человеческие виды полностью симпатричны, т.е. их "ареалы", или области распространения, не просто пересекаются, но по сути дела являются одними и теми же. При таких условиях, на первый взгляд, может, конечно, показаться, что гибридизация уже давным-давно должна была сделать свое "черное дело": размазать видовые различия, запрятав внутрь каждого человека определенную, и весьма различающуюся (т.е. индивидуально варьируемую), дозу хищности, бесчеловечности, в дополнение к такой же личностно определенной — "переменной" дозе противоположных качеств: доброты, альтруизма, сострадания, человеколюбия. [Прибавление. Именно этот "уравнительный" тезис уже давно и неустанно декларируется в литературе, искусстве, СМИ. Вне сомнения, делается это хищными гоминидами с целью собственной маскировки, это то, что называется, "наводить тень на плетень". И хотя таких "уравнительных фальшивок" (о "всех людях — братьях") запущенных в обиход, внедренных в массовое сознание существует не так уж и много, но вред от них огромен!] На самом же деле, точно так же, как и в случае с "кошмаром Дженкинса" (теория постепенной нивелировки видовых различий) по отношению к дарвинизму, выяснилось, что возможность нивелировки человеческих видов — это тоже пустые страхи, и именно в этом обстоятельстве заключается шанс на выживание человечества... Межвидовые запретительные (препятствующие скрещиванию) механизмы уже на докопулятивной (точнее, презиготической) стадии взаимоотношений оказываются весьма и весьма действенными, даже несмотря на все смазывающие и маскирующие видовые различия факторы: та же косметика, алкоголь, экстремальные сексуальные условия ("безрыбье"), принуждение, расчет... Эти запретительные механизмы у человека надежно защищены тем, что находятся они в подсознании и поэтому не могут быть устранены или же как-то существенно искажены воспитанием, пусть бы даже и целенаправленным. Из этих механизмов основными являются чувства первого впечатления, а также ощущения, испытываемые от нахождения рядом: неприязни, напряженности или же, наоборот, симпатии и спокойствия. Здесь, конечно же, имеется в виду "нехищная" сторона контакта; ощущения и эмоции хищных гоминид совершенно иные. Именно эти "контактные" ощущения являются "спусковыми крючками" дружбы и "детонаторами" любовных взрывов. Хотя в общем случае, любовь часто может возникать и по случайным, ситуационным — уже не причинам, а — поводам. Либи́до как бы старается вырваться при каждом подходящем случае из подсознательной клетки Id (Оно). Отмеченное же "запретительство" в полной мере относится к диффузному виду и неоантропам (и лишь частично свойственно гибридам), оно же заодно до некоторой степени иллюстрирует ту древнюю страшную психологическую "пристройку снизу" их пращуров к смертельно опасным, противоестественно хищным сородичам — адельфофагам. У суперанималов видовое самосознание наиболее яркое, и имеет оно совершенно иные формы, являющиеся производными от чувств доминирования и агрессивности. Для них окружающие, в том числе и женщины, представляют собой нечто наподобие непослушного, постоянно разбредającego стада, которое необходимо держать "в узде", "в струне", но лучше всего — "в ежовых рукавицах". Суггесторы же и здесь, как везде, занимают амбивалентную позицию, принимают свою излюбленную "стойку": с одной стороны, у них присутствует стремление к доминированию, с другой, идет неустанный поиск достаточно безопасного окружения, не способного к серьезному отпору. Все это их лавирование наиболее точно отражено в пословице: "молодец — против овец, а

против молодца -сам овца". Если все же эти предварительные межиндивидуальные сигналы не оказывают своего запретительного воздействия, не срабатывают (здесь-то как раз и могут сказаться веете смазывающие видовые различия факторы!), то тогда вступают в действие постзиготические запретительные и ограничительные механизмы, нередко затрагивающие уже и физиологию организма. Они-то и объясняют определенную часть генетических отклонений, приводящих (как правило, в последующих поколениях -F2, F3...)К таким клиническим проявлениям, как выкидыши, импотенция, бесплодие ("мул-эффект") и т.п. Сюда же относится и отсутствие отцовского и, что еще страшнее, материнского инстинктов у родителей. Но вообще, нужно отметить, что неминуемое генетическое вырождение и вымирание последующих поколений гибридных потомков (от скрещивания хищных и нехищных видов) не является единственным "тактическим ходом" Природы. Зачастую эти процессы гибридной дегенерации проходят гораздо быстрее, но — в сложных, специфически человеческих, т.е. уже в "социально обставленных" условиях и опосредованных формах, хотя и общеизвестных, но никогда ранее не рассматриваемых в подобном видовом ракурсе, и поэтому никак не выделяемых в общей картине. В то же время, процесс этого "социального" вырождения являет собой необычайно пестрый и широкий спектр разнообразнейших неординарных психопатологических явлений. Так как видовые различия непосредственно затрагивают морфологию коры головного мозга, то поэтому и процессы вырождения гибридного потомства результата межвидового, т.наз. "экзвизитного" смешения хищных и нехищных человеческих видов, — оформляются в значительной своей части не по физиологическому типу, а сопровождаются, главным образом, рассудочной патологией. Чаще всего — это расщепление или какое-либо неадекватное смещение сознания, патология или гипертрофия агрессивных потенций. Это все то, что именуется сумасшествием, или иначе, в просторечии, "сдвинутостью", "тронутостью", <ненормальностью>. Существующая же медицинская классификация подобных явлений патологии человеческой психики никогда не учитывала видового фактора, и потому нуждается в существенной корректировке. Конечно же, часть подобных или очень похожих негативных психопатологических проявлений возникает и у нехищных видов. Существует некая печальная "норма" патологий — в силу социально-генетических "издержек воспроизводства", типа разрушительных дистрессов, негативных мутаций... Но по большей части они вызываются экзогенными, внешними факторами, такими, как алкоголизм, наркомания, непомерное давление социальной среды, не говоря уже об общественных катаклизмах и потрясениях, сопровождающихся повсеместным появлением всевозможных неадекватных личностей: психопатов, псевдоюродивых, пророковпараноиков и т.п. Все это чрезвычайно искажает общую нозологическую картину протекания отмеченных процессов гибридной дегенерации. Таким образом становится ясно, что нельзя никак обойтись без расширения рамок таксономического понятия "вид" до такой степени, чтобы оно могло включить в себя и человеческую специфику — пресловутую сапиентность. И только при таком расширительном понимании термина "вид" — с учетом рассудочности и разумности, становится совершенно понятным, что корни определенной части случаев шизофрении, психопатии, параноидальных синдромов и т.д. лежат именно в видовой гибридизации, при которой происходит наложение казалось бы совершенно несовместимых ориентаций: хищной агрессивности и нехищного неприятия таковой. Это опять-таки очень похоже на те самые, рассматривавшиеся ранее, "неадекватные рефлексy" у животных, возникающие в ситуациях

воздействия на организм двух противоположных стимулов (например, от животного требуется одновременно и напасть и убежать), и тогда они начинают делать нечто совершенно неуместное. Но если для животного такие состояния растерянности задаются средой (или экспериментаторами) извне, то у экзвивитного потомка хищного и нехищного видов все это находится "внутри", и при этом происходит неминуемый дисбаланс сознания, в результате чего он и "сходит с ума": его поведение становится неадекватным, а не той общественно неприемлемым. Точнее, здесь происходит как бы создание дипластии нового уровня (нравственного), с которой подобное "смешанное" человеческое сознание уже не в состоянии справиться, как оно, вспомним, справилось с дипластией "абсурда" при становлении рассудочности. До какой-то степени карикатурным, забавно-трагическим, выглядит один из полюсов подобного расщепления сознания на хищный и нехищный компоненты, равноправно уживающиеся в одном мозгу. Имеется в виду знаменитая клептомания: "голубой воришка" и не может не воровать (суггесторность!), и ему же одновременно мучительно стыдно, "совестно" за это свое пристрастие (диффузность!). Наиболее же страшен и чудовищен противоположный шизофренический полюс: нечто вроде совмещения в одном индивиде и поочередного "всплывания" в сознании то благопристойного "мистера Хайда" (диффузность!), то звероподобного убийцы "доктора Джекила" (суперанимальность!) — чудовищного персонажа известной повести Р. Стивенсона. К этому же кругу явлений расщепленности сознания относятся и общеизвестные случаи т.наз. "буйного помешательства": мозг как бы "переключается" и начинаются приступы неукротимой злобности и ярости. [Прибавление. Здесь будет уместно провести следующий "мысленный эксперимент". Предположить, что у человечества (или у очень большой отдельной, изолированной человеческой популяции) отобрано то, что сейчас именуется рассудком, т.е. оно оказалось бы лишенным речи. Скажем, в результате страшной катастрофы произошло бы полное одичание людей! Тогда с бихевиористской (поведенческой) точки зрения человечество (или такую, впавшую в дикость, популяцию) можно будет уже считать практически единым видом. Но морфологические изменения в мозгу все же останутся, как останется и потенциальная готовность (врожденная предрасположенность) к рассудочному поведению: любое поколение детей может быть научено языку. Самостоятельный же путь, скорее всего, в таком случае будет уже заказан, несмотря на то, что те жуткие условия (типа адельфофагии) для вторичного оразумления наверняка останутся. Если такое гипотетическое "новое человечество" достаточно быстро не вымрет (что наиболее вероятно), то оно уподобится сообществам серых крыс, ведущих смертельные войны между собой за территории обитания (да и сейчас-то человечество очень недалеко ушло от этих своих серых "братьев меньших", если не сказать наоборот — крысам далеко до людей в этом плане). Оно самопроизвольно распадется на враждующие между собой "прайдыфеоды", состоящие из 10-15 взрослых самцов и переменного количества самок и детенышей. Повсеместно во всех таких популяциях "человека послеразумного" ("Homo post-sapiens") будет наблюдаться предельная доминантность. Возобновится людоедство. Поединки между самцами будут длиться до обязательного убийства одного из "дуэлянтов" и его поедания "секундантами" и всем "зрительским коллективом", за компанию. Бездумное, вневражденное поведение в таком случае станет обычным видовым поведением чудовищного примата Homo post-sapiens. Агрессивность, доминантность — все это станет на свои, уже социально нсущемленные, места. Потенциальный шизофреник-клептоман уже нимало не стыдясь будет приворовывать пищу у соплеменников.

Потенциальный параноик будет попросту более неожидан в своем поведении — более "богатом", в сравнении с другими особями "прайда". Т.е. все "умственные" болезни исчезнут вообще, в том числе полностью растворятся в бездумии гибридные различия и особенности. "Мистер Хайд" и "доктор Джекил" протянут друг другу руки..., точнее, лапы, и совершенно забудут все свои прежние разногласия в нравственной области. Правда, возможно, проявится то, что потенциальные гибридные потомки (несостоявшиеся сумасшедшие) будут все же не совсем "комфортно" себя чувствовать, ибо дадут себя знать неустойчивые нервно-психические структуры, что может привести к каким-либо странностям и отклонениям в поведении, и они поэтому будут достаточно быстро выбраковываться: вероятнее всего "нарываться на поедание" в первую очередь, прежде других. Еще неким отголоском видовых различий, в случае подобного гипотетического "обезумления" человечества, стали бы непереносимые трудности с подысканием "царских невест", т.е. таких самок, от которых бы у хищных доминантных самцов ("недосуперанималов") могло быть "полноценное" потомство предельно агрессивное. Так что определенное межвидовое разделение сохранится: уж очень велика существующая генотипическая дистанция между суперанималами и диффузным видом. Поэтому общеизвестное образное выражение "род человеческий" в таксономическом плане видится не совсем точным. Нынешнее человечество это скорее семейство, состоящее из рода, включающего в себя вид суггесторов и нехищные виды людей, а также еще из — генетически более дальнего — вида, или даже рода суперанималов (нелюдей, неотроглодитов): обладающих рассудком, "второсигнальных", животных.] Общую картину гибридизации человеческих видов искажает и усложняет, как минимум "удваивая" ее, рецессивно-доминантный характер всех этих процессов наследования хищнонехищных признаков. Это происходит все из-за той же "таксономической редуцированности женщин, при которой видовая принадлежность с доминантными признаками хищности нехищности определяется мужским генотипом, а рецессивные, вторичные проявления женским. Именно в этом состоит очень важный аспект полового диморфизма во всем человеческом семействе. Поэтому хищные признаки (как более простые, ведь это — отсутствие тормозных нравственных механизмов) могут быть переданы мужскому потомству при межвидовых контактах через любую женщину (и даже через несколько поколений гибридных женщин), при условии т.наз. "возвратного" (повторного) скрещивания с чистокровными хищными гоминидами в последующих поколениях. Весьма сходную и близкую аналогию такому способу наследования признаков хищности являет собой гемофилия — не затрагивая женщин, она проявляется по мужской линии. (Понятно, что хищность все-таки "слегка" затрагивает женщин.) Следовательно, рождение девочек при экзвивитных связях переводит гибридизацию в рецессивное русло, и в зависимости от того, в какой конкретной форме проявляется у них неадекватность в фертильном возрасте (т.е. берут их в жены, невзирая на их, скажем, малахольность, или не берут), это либо отодвигает на одно или несколько таких "женских колен" вымирание гибридных потомков, либо (если "не берут") пресекает гибридную ветвь "на корню". Кроме того, успехи современной медицины продлевают жизнь, придают "второе дыхание" подобным гибридным ветвям, в частности (как бы к этому ни относиться), борьба с детской смертностью. Наиболее "просто" протекают процессы вырождения гибридных потомков суперанималов, прослеживаемые по доминантной, мужской ветви. Современный уровень понимания работы механизмов наследственности при совокупном воздействии на потомство нескольких генов еще недостаточен, но

можно все же в общих своих чертах понять смысл этих явлений. Т.е. мейоз, митоз и образование гетерозигот — все это происходит "почти правильно" и при таких экзвизитных, межвидовых скрещиваниях. Но уже у потомков (поколение F1) мейоз будет проходить с серьезными отклонениями от нормы, отсюда и вырождение только лишь в третьем колене и далее (в общем случае, можно сказать, что у человеческих гибридов вырождение чаще сдвинуто, как минимум, на одно поколение "вперед, в будущее": генерации F2, F3...). Такое вырождение в "классическом виде" проявляется лишь только в "чистом" случае: т.е. при контактах суперанималов с нехищными женщинами и последовательным рождением сыновей — относительно недолгим "продолжением династии". Но уже рождение девочек, как отмечалось чуть выше, либо затягивает эти процессы дегенерации, либо сразу же пресекает их стародевичеством. Еще более "генетически живуча" нехищная доминантность: рождение мальчиков в семьях с палеоантропичкой-женой и диффузным мужем (вариант "Кабанихи"). Такая доминантность более цепко держится за жизнь в гибридных потомках, отодвигает итоговую агонию гибридной ветви, и "уходит в песок" лишь в поколениях F3, F4 через различные виды психопатий, параноидальности и т.д. Встречающиеся в таких случаях буйные помешательства, злобная маниакальность или абсолютная гомосексуальность всегда бывают лишь дополнительно спровоцированными либо потомственным алкоголизмом, либо наркоманией. Самые же сложные и запутанные формы принимают процессы вырождения гибридных потомков в случаях видового смешения суггесторов с нехищными видами. Серьезное отличие в этом случае состоит еще и в том, что доминантный и рецессивный гибридные потоки примерно одинаковы по характеру своего протекания. Это объясняется тем, что суггесторы все же генетически расположены ближе к диффузной нормативности из-за своего более позднего, в сравнении с суперанималами, видового выделения, точнее, отщепления от суггерендной диффузной части популяции. К таким явлениям вырождения гибридных потомков от смешения суггесторного вида с диффузным или неоантропическим видами, относятся, в частности, всем хорошо известные случаи откровенно неадекватных, и потому необъяснимых суицидов (самоубийств), с не таким уж и редким дополнительным полным уничтожением всей семьи, включая и детей. Это можно определить, как "социально-рассудочное" оформление процессов вымирания гибридных потомков смешения хищных и нехищных человеческих видов. Бывает, дело доходит и до трагикомичности. В качестве такого "страшно-курьезного" примера можно привести "случай в театре", — эпизод из театральной жизни XIX века, когда двое молодых драматургов (не то французских, не то итальянских), на пару сочинивших какую-то пьесу, после ее провала так же дружно, тоже в "соавторстве" покончили с собой. Не менее трагичен, и столь же страшен при всей своей курьезности, "феномен" самоубийства физика Эренфеста, совершенного им в качестве патетического аргумента в ходе приятельской дискуссии о свободе воли. Еще более жуткие и страшные (особенно своей масштабностью) случаи подобных неадекватных самоубийств — это многочисленные факты групповых религиозных самоуничтожений с огромным числом жертв. Конечно же, прямые виновники — это главари (пророки, лжемессии и т.п.) всех этих "Звезд и ветвей Давида" и "Аум синрике". Но тем не менее, надо учитывать, что нормальный в видовом плане индивид, "без пунктиков", вряд ли войдет в состав подобных, откровенно параноидальных "религиозных" сект. Хотя нельзя отрицать и сильного суггестивного воздействия таких организаций, способного повлиять на сознание и нормальных людей, но — с тем или иным невыносимым для них психологическим

грузом, и потому всячески ищущих облегчения. [Прибавление. К проблеме человеческого вырождения, дегенерации очень близко подошел Григорий Климов — автор многотиражных книг: "Протоколы красных мудрецов", "Красная каббала", "Князь мира сего", "Имя мое легион" и т.д., и т.п., и все о том же. Но при всей своей правильности в констатации существования процессов вырождения, дегенерации в человеческой среде, концепция Климова не имеет каких-либо вразумительных оснований и объяснений, за исключением необычайно обильных отсылок к якобы зашифрованным смыслам Библии. (Кстати, столь ныне модная, идея о "зашифрованности Библии" стоит в одном ряду с другими такого же рода домыслами; точнее, где-то посередине между <кофейной гущей> и <каналами Марса>). Кроме того, написаны все названные творения как-то лихорадочно, почти кликушески. Так обычно пишут о России zaangażированные — свои и заезжие — авторы, типа создателей таких фальшивок, как "Слепящая тьма", "Кремлевский волк" и т.п. Поэтому невольно возникает подозрение в том, что книги эти написаны с одной единственной целью: дискредитировать правильные, в принципе, идеи. И написаны они именно по заказу тех самых дегенератов, о которых и идет речь во всех этих книгах... А затронутые Григорием Климовым проблемы сложны и необычайно важны для человечества. К сожалению, "теоретическое" обоснование автором процессов дегенерации среди человечества — постоянные тавтологические ссылки на козни дьявола, "князя мира сего" (дьявол у него — опять-таки та же самая дегенерация!) — является откровенно бредовым, что и профанирует весь имеющийся позитивный, фактуально богатый материал этих книг.]

Случаи же явного генотипического несоответствия, приводящие к /суб/хромосомным аномалиям летального порядка (смертельным) никак не отмечаются и не фиксируются из-за отсутствия генетического анализа выкидышей, тем более — в видовом контексте, но в будущем подобные исследования могут (и должны бы!) войти в практику. Но гораздо чаще результатом межвидовых связей является рождение девочек, что можно считать относительно благополучным исходом, — это как бы самое легкое "одергивание" Природой эксвазитного поведения человека. Повышенная рождаемость девочек является следствием большей выживаемости в среде вагины другого вида сперматозоидов, несущих Ххромосомы, и большей жизнестойкостью зигот с симметричным набором хромосом: XX. Отсюда же проистекает и большая живучесть женщин вообще; здесь, правда, необходимо также учитывать и то, что сердечная мышца у женщин такая же, как и у мужчин, ибо она рассчитана "на двоих": еще и на вынашиваемого ребенка. Именно этот факт преимущественного рождения девочек при межвидовых контактах объясняет повышенную численность женщин с хищным поведением, а также — "со странностями". Внутри видов является закономерностью преимущественное рождение мальчиков: ~ 53% (но одновременно среди мальчиков — и повышенная смертность). Конечно же, основную количественную долю женщин с хищной поведенческой ориентацией составляют представительницы диффузного вида, но это есть опять-таки следствие воздействия на них со стороны непомерно многочисленной части женского — хищного генетически — контингента. Пиком подобного превалирования хищных женщин (после периода первобытного промискуитета и доминирования хищных мужчин "на всех фронтах", в том числе и сексуальном) явился матриархат во всей своей "красе" немисливо чудовищной жестокости. Но одним из позитивных его последствий явилось значительное ущемление сексуального доминирования хищных мужчин, и привлечение к этому "занимательному процессу" воспроизводства в более широких масштабах

представителей диффузного вида, с удовольствием шедших "под каблук", уходя при этом "от кулака" хищных мужчин, и обеспечивших при этом нужную "послушную численность" для поддержания владычества женщин. Здесь впервые "политические интересы" и "вопросы власти" непосредственно повлияли на "человеческую природу" (а также и на "породу"). И хотя в дальнейшем и произошла "реставрация" патриархата, но диффузный вид уже был подавляюще многочислен. Отголоски "реставрационного" хищного сексуального доминирования — это, например, феодальное "право первой ночи", когда зачастую первенец бывал от барина (сеньора, барона, графа...), а остальной приплод — уже, собственно, крестьянские дети, т.е. диффузный вид. Кстати, вот эти-то "папенькины сыночки" и бывали, как правило, возмутителями спокойствия — руководящим ядром крестьянских бунтов — их "закоперщиками", "заводчиками". Да и внешне они выделялись в деревнях: бывали, что называется, "первыми парнями": красивее, наглее, нахрапистее, в общем "породистее", но вот полноценного потомства (к счастью?) оставить они не смогли — из-за указанного выше вырождения своих потомков в поколениях F2 и F3. Дополнительными факторами, ограничивающими межвидовые контакты, являются (больше — являлись) династические браки, а также равно — влияние на выбор партнеров по браку родительской воли, зачастую — безоговорочной. Примеры подобных ограничений являют Япония, исламские страны, а также Индия, в которой такую запретительную роль играет наличие многочисленных каст. Все эти запретительные механизмы и ограничивающие межвидовое скрещивание факторы необычайно важны и еще по одной причине. Женщины представляют собой хищную составляющую человеческого семейства (с учетом, понятно, хищноориентированного большинства женского контингента), а при рассмотрении их вкуче с хищными мужчинами, они даже вплотную примыкают к этой откровенно нелюдской части человечества, и потому отдают сексуальное предпочтение именно суперанималам и суггесторам, считая этих хищников, и только их, "настоящими мужчинами". (Счастье лишь в том, что это предпочтение остается по большей части теоретическим, т.е. невостребованным.) Подобное преимущество и на самом деле подтверждается гораздо большими возможностями хищных мужчин в плане предоставления жизненных благ и достижения более завидного "места под солнцем". Но и без того, смелость и геройство суперанималов, их психическое, магнетизирующее давление, так же, как вызывающая, яркая наглость суггесторов, присущая им артистичность, нередко музыкальность и "голосистость" (или, на худой конец, речистость), — все это привлекает к себе женщин точно так же, как и самок других животных высших видов. Да и вообще, несмотря на кажущуюся профанацию, нужно отметить, что такие виды творческой деятельности (затрагивающие средние слои психики), как поэзия и музыка, являются не только специфической сублимацией либидо, и полностью ею определяются, но они попросту есть производные от биологических средств для привлечения самок. Т.е. это — суть человеческие аналоги лягушачьих "концертов", соловьиных "колен-трелей" и т.д. Не случайно, а именно поэтому все творческие сферы буквально нашпигованы суггесторами и гибридными особями (полусумасшедшими, извращенцами), именуемыми в психологической литературе демонстрационными, или акцентуализированными личностями. Поэтому понятно, что может твориться (и всегда творилось) в театральных кругах. Лишь появление кинематографа оттянуло на себя значительную (если и не большую) часть таких "выставляющихся напоказ" особей, после чего киностудии стали представлять собой прямотаки "кубла", осиные гнезда суггесторов с гибридным, /полу/помешанным обрамлением, и Десятая Муза полностью перешла в их

безраздельное ведение. Отсюда-то, из "соловьиных рощ" и проистекает любовь наивных и глупых девчушек к музыкантам и певцам. Глупых вдвойне — еще и потому, что их кумиры, как правило, ущербны или аномальны именно в сексуальном плане, что продиктовано все той же спецификой их собственной либидоносной ориентации, делающей их заодно еще и "заливистыми", в дополнение к сексуальному уродству. Так что при объективном рассмотрении, до некоторой степени образом, такие классические буколические герои, как Дафнис или Лель, должны оказаться, как минимум, зоофилами, да и то, это в лучшем, "амбулаторном" случае. Выяснить же то, что реально представляют из себя все эти "поющие кумиры" молодежи не представляет уже труда: достаточно примеров из скандальной хроники извращенной жизни всех этих попрок-чок-звезд. Но на всех женщин не хватает хищных "принцев", и им "воленс-ноленс" приходится довольствоваться всякого рода "неудачниками" и "скромниками", многие из которых в период своего ухаживания все же смогли как-то, с грехом пополам, корчить из себя (обычно в состоянии того или иного опьянения) нечто якобы похожее на "настоящего мужчину" — на хищника, и тем самым ввести в заблуждение на некоторое время невесту, угодив ее жестоким грезам. В дальнейшем такие вымороченные избранники становятся безропотными объектами для подкаблучных издевательств и обвинений с "неопровержимыми" аргументами типа: "У других все, у нас ничего!", "Тряпка, а не мужчина!" и другими подобными жемчужинами внутрисемейных диалогов. Но остаются дети, представители нехищных видов — диффузного и неоантропического, и таким вот образом в Мир входит Человек Разумный. Об этом убедительно свидетельствует демографический взрыв, а также значительное снижение кровожадности человечества: какая-либо аргументированная апологетика насилия, войн (кроме оборонительных) уже невозможна. Именно поэтому пропаганда насилия и жестокости ведется исключительно в опосредованной форме, хотя и плохо замаскированной. Для этого используются средства искусства и литературы хищной направленности, выполняющих функцию зазывных рупоров нелюдей, выплескивающих на человечество всю эту духовную отраву: боевики, триллеры, "ужасники", патологически вздорную фантастику и т.п. Демографический же взрыв довел, в свою очередь, численность диффузного вида до 75% — по самым скромным оценкам. К тому же правильнее будет считать оба нехищных вида единым, с учетом неоантропов, что составит уже все 85%! Это устанавливает статистический барьер, создает порог для межвидовых связей: на фоне такой многочисленной однородности угроза ощутимой гибридизации нереальна, в худшем случае возможно лишь размывание границ вида. К сожалению, сам этот факт — увеличение численности человечества является негативным явлением: Земле "не снести", по-видимому, такого огромного количества людей, достаточно было бы и одного, максимум — двух миллиардов. Но ситуация эта парадоксальна, и однозначного решения здесь нет, так что выход из нее ("сжатие человечества") будет скорее всего страшным и трагическим. Считать процессы гибридизации незначительными и несущественными тоже нельзя, уже хотя бы из-за "хищного крена" в женскую сторону, т.е. наличия во многих сообществах ощутимого численного превосходства хищных женских особей, в сравнении с количеством в них же хищных мужчин (некая "гаремность"). К тому же имеется очень много свидетельств того, что суггесторный вид имеет весьма сложную, далеко неоднозначную структуру. Во всяком случае, существует достаточно определенное количество индивидов как бы с "переходными" признаками — со свойствами как суггесторного, так и диффузного видов, которых невозможно идентифицировать и

откровенно хищным образом, и, в то же самое время, их никак нельзя причислить и к экзвизитным гибридам. Это — незлые по внешним поведенческим признакам индивидуумы, но обладающие пресловутой "хитринкой", "лукавинкой", подверженные, как правило, неумной страсти ко всяческого рода розыгрышам и мистификациям. В частности, это т.наз. "хохмачи", "весельчаки" (или "дурашливый тип" — по типологии Т. Адорно), будоражащие своим непредсказуемым поведением и всяческими выходками окружающих их людей: соседей, коллег по работе. (Например, бывший депутат Марычев — эпатажный "массовик-затейник" в Государственной Думе России, олицетворивший собой всю вздорность попыток построения русской демократии парламентского типа по западному образцу. Для России естественна и единственно спасительна общинность (акратический, соборный союз свободных общин), которая равно бескомпромиссно выкорчует из "мира" и Марычевых и гайдарычевых.) Достоверных данных об их стерильности или вырождении в литературе не имеется, отмечена лишь присущая им, и достаточно выраженная, шизоидность, а степень их агрессивности нередко все же имеет "перехлесты": от иных подстроенных ими "хохм" можно остаться калеками, или получить разрыв сердца. Скорее всего, — это потомки смешения с диффузным видом недалеких суггесторов, по-видимому, "самых поздних", т.е. отделившихся от поедаемых суггерендов в числе самых последних. Они — как бы некие "дворянчики", но с незначительной примесью "породы" — охотничьих собак. Кроме того, по-видимому, сюда же следует отнести и таких достаточно необычных суггесторов, которые вполне осознают свою, если не подлость, то по крайней мере, бессовестность, бессердечность, иногда даже мучаются из-за этого, но изменить себя они не в силах. Чаще всего такие индивиды находят для себя выход в той или иной творческой, либо деловой сублимации. Из них получаются хорошие, хотя и болезненно тщеславные, рационализаторы и изобретатели, подчеркнута (аж нарочито) "честные" общественные деятели, а также "строгие, но справедливые" производственные руководители. (В далеком прошлом в сознании именно таких людей-самобичевателей могла возникнуть мазохистская химера о "первородном грехе человека".) К сожалению, при удачной карьере они все-таки теряют все свои прежние зачатки самокритичности. В общем же случае, суггесторы занимают промежуточную, но все же еще и отстраненную, позицию по отношению к суперанималам и к диффузному виду, хотя и находятся они ближетаки к этим последним. В масштабах генетических дистанций все это для большей ясности можно выразить следующим образом. Виды соотносятся между собой так: Сп: Сг: Дф: Нн = 8: 4: 2: 1 Здесь позицию Сг=4 следует считать выступающей из плоскости. (Сп суперанималы, Сг — суггесторы, Дф — диффузники, Нн — неантропы). Или в другом ракурсе, при "виде сверху", это будет выглядеть иначе: Сп..... Дф... Нн / Сг — — — — — — — — — — / Отсюда видно, что гибридизация двух хищных видов между собой ("волко-шакализация") является наименее перспективной. Но все же такое гибридное потомство суггесторного и палеоантропического видов встречается. Это — самые жуткие вырожденные, отмеченные обычно в гиперболической форме в фольклоре и истории. Синяя Борода, Носферату, Дракула (точнее, их реальные прототипы), многие "великие гангстеры Америки" и т.д. Им часто свойственны и соматические (телесные) уродства, в дополнение к психологической чудовищности и в усиление ее, или какие-нибудь необычные и сильные девиации (отклонения); кроме того они либо стерильны, либо абсолютно — стопроцентно гомосексуальны. Всех их отличает как коварство, так и чудовищная жестокость. Именно они "ставят личные рекорды" в жестокости, "побивая" в этой области все "достижения" женщин-

суггесторов. Плюс ко всему, их характеризует совершеннейшее, истинное бесстрашие. Реальным примером может послужить "Крошка Билли" (настоящее имя Уильям Г. Бонней, 1859 г.р.) — абсолютно не ведающий страха гангстер-убийца — герой американского фольклора. Память о нем внедрена в общественное сознание американцев в виде образа явно положительного героя: вот так и происходит хищная деформация общества! Этой же цели служат и средства "массовой культуры" — от художественных фильмов с множеством "хороших" гангстеров, и вплоть до грандиозно массового выпуска детских комиксов на эту же "животрепещущую" тему. Теперь и у нас начинается то же самое. Так, напр., вышел на экраны, в дополнение к прочей "чернухе", и фильм, созданный по мотивам упомянутого ранее "тюремного романа" — о "высокой" любви женщины-следователя к убийце-рецидивисту. Не станет дело и за комиксами. Таким образом, в итоге все же получается, что человек — этокое "самое сексуальное животное", — хотя и охватывает обширнейший диапазон проявлений сексуальности (от платонической любви и до сексуальных действий с животными), тем не менее, именно в видовом плане он проявляет исключительную избирательность, разборчивость, по большей части — неосознанную. Следует также отметить, что видовая экзвизитность, неразборчивость половых связей — это, в основном, бич больших городов (с населением за 200 тысяч, т.е. там, где возможна достаточная анонимность), и она является одной из главных причин семейных неурядиц, ведущих к распаду таких семей, разводам, и она же наиболее значима по своим последствиям: остается гибридное потомство. Значительная часть этого экзвизитного потомства в первых поколениях, как уже указывалось, не достигает яркой симптоматики (степени клинической выраженности), достаточной бы для их изоляции в лечебных заведениях. Это вся та, весьма многочисленная публика "с пунктиками", "со странностями", с признаками шизоидности, "малахольности" и т.п. Явные же процессы вырождения приходятся чаще всего на 2-е, 3-е и 4-е поколения. Первое же поколение гибридов нередко являет собой феномен т.наз. "гетерозиса": т.е. наоборот, демонстрирует повышенную жизненную энергию и сверхактивность. И судя по всему, именно такие вот "недосумасшедшие" (к величайшему сожалению, не изолированные) несут в мир, как и несли в прежние времена, наибольшее количество социального зла и общественного хаоса. Но вместе с тем, они же придают и наибольшую динамику общественным движениям, проявляя социальную сверхэнергичность. Это — именно то, что Л. Н. Гумилев определил как "пассионарность" [9]. Дисбаланс сознания пассионариев просто на просто не дает им возможности остановиться и подумать, что же это они такое вытворяют. Они неспособны "присесть и поразмышлять" над своим жутким поведением, их в таких случаях поджидает страшная депрессия, им необходимо постоянно отвлекаться каким-либо "общественным делом", обязательно "быть на людях". Это о них пишет в "Окаянных днях" И. Бунин: "Какие же они все неутомимые, дьявольски двужильные — все эти Ленины, Троцкие, Сталины, фюреры, дуче!" Чистокровные же представители хищных видов все же более психически стабильны и спокойны. Они, в частности, могут годами вынашивать месть, или "для дела" способны затаиваться на длительное время, тщательно готовиться (иллюстративна здесь вендетта, кровная месть). И в итоге, любое такое дело они всегда стараются довести до своего страшного конца. Гибриды же совмещают в себе несовместимое. И этот трагический саморазлад приводит к самым неожиданным и непредсказуемым последствиям. Его можно было бы определить, как "синдром Достоевского", ибо и Раскольников, и многие другие герои его произведений, отражают именно эту двойственную гибридную позицию,

в первую очередь присущую самому Достоевскому. Все же, справедливости ради, нужно отметить, что именно от таких вот "недопроявленных сумасшедших" гибридов исходит и значительная часть достижений во многих областях духовной жизни человечества. Именно этот аспект выхватил и осветил знаменитый психиатр **Ч. Ломброзо в своем труде "Гениальность и помешательство"**. Но они же — эти "помешанные гении" привносят повсюду и губительные тенденции, наиболее "легкая форма" которых это "маразматизация" художественного творчества и литературы. Ч. Ломброзо [12] также вплотную подбирался и к идентификации "преступного типа" — т.е. суперанимала и одного из подвидов суггесторов (тех манипуляторов, которые в силу подходящих своих внешних, "устрашающих", данных способны длительное время успешно имитировать суперанимала — как правило, до столкновения с истинным сверхживотнымнеотроглодитом). Но все дело в том, что внешние физиологические характеристики оказываются здесь неоднозначными, что и не позволяет дать подобное конкретное описание. Сущностные характеристики видовых различий лежат глубже, и проявление их на поверхности, во внешнем облике, имеет лишь опосредованный, вторичный характер.

... Четыре вида женщин, в общих чертах описанных выше, представляют, собственно, весь гетеросексуальный нормативный "ассортимент", предлагаемый мужчинам Природой. Хотя здесь, вроде бы, считается, что гибридные женщины явление так или иначе патологическое — разве что "на любителя", чаще на такого же малахольного, но тем не менее, даже и при таких полностью гибридных связях возможны случаи видового генетического восстановления потомства, как бы произвольная селекция; обычно происходит восстановление хищного генотипа, как более простого. К тому же женщины имеют в своем характере множество неприятных черт, свойственных также и педерастам — пассивным гомосексуалистам. Правильнее будет говорить, что "ничто педерастическое женщинам не чуждо". Это невероятно важное — обстоятельство, обычно абсолютно не замечаемое или игнорируемое большинством мужчин, разбивает вдребезги последнюю эротическую иллюзию мужчин: встретить когда-нибудь совершенно необычную — прекрасную и душевную, как бы даже и неземную — незнакомку. Эта иллюзия сама по себе достаточно безобидна и мало кем принимается за чистую монету, за исключением, возможно, только искренних поэтов — этих, как правило, полубезумцев, грезящих наяву и кончающих жизнь в обязательном порядке довольно рано: ввиду явной своей бытовой неадекватности. [Прибавление. Тема "незнакомки", идеальной женщины без прошлого — одна из сквозных тем поэзии, в то время как проза "снизила, опустила" ее до сюжетной незнакомки с весьма богатым, но прощательным прошлым.] Но самым главным во всем этом "иллюзорном деле" является то, что базируется указанная иллюзия на вполне реальном, расхожем (и именно поэтому-то и страшном!) допущении, что женщина якобы является хранительницей и гарантом нравственности. Здесь наличествует явно неправомерное смешение консерватизма женщин и вынужденности их позиции в отношении морали, позиции — в подавляющем большинстве случаев ханжеской. Но объективности ради, все же нужно отметить, что, так или иначе, но внешние функции сбережения и охранения моральных норм в обществе многие женщины исполняют рьяно, исправно и неумолимо. Если упомянутые сволочные черты характера у мужчин сразу же берутся "на заметку" и становятся объектом той или иной негации, типа высмеивания, конфронтации и т.п., то у женщин они же признаются прощательными и, мало того, — даже необходимыми и желательными, вплоть до того, что они получают психологические псевдообъяснения и разноплановые оправдания: дескать,

"настоящая женщина" должна быть обязательно малость "стервозной" и т.д. явная параллель с "критериями" для "настоящих мужчин". Кстате, точно такая же двойственная картина наблюдается и в подходе к интеллектуальным способностям обоих полов. Если очевидные глупости говорит или делает мужчина, то он заведомо признается дураком, если же что-либо "сморозила" или "отчудила" женщина, то это уже проявление пресловутой и столь же знаменитой "женской логики" и ничего больше. (Конечно, в этой снисходительности, возможно, есть и нечто благородное, если даже и не рыцарское, но так же равно можно посчитать и унижительным такое отношение к женщинам — прямо, как к дефективным детям.) Наиболее же отчетливо эта позиционная разница проявляется в перанусном копулятивном поведении, и здесь "двуликий анус" иллюстративен как нигде. Если подобная сексуальная практика ставит мужчину (правильнее в таком случае будет уже употребление кавычек: "мужчину") на самый край социальности, помещает его вне нормативного "мелового сексуального круга", то для женщины — это всего лишь незначительный штрих в ее сексуальной биографии, и даже отнюдь не негативный, ибо в сексологической литературе зафиксировано и оргазменное поведение именно такого плана у женщин. К тому же и абсолютно гетеросексуальные (единственно нормальные!) мужчины не выказывают своего отрицательного отношения к освещаемой копулятивной гетеросексуальной модификации, считая, что "в сексуальном плане между мужчиной и женщиной допустимо все". Эти "педеро-феминные" черты характера в обязательном порядке и во всем своем (довольно-таки значительном) объеме присущи суггесторному виду женщин, самому многочисленному хищному женскому компоненту, а также эти же черты свойственны суггесторам-мужчинам и многим суггесторно-диффузным гибридам. Женщинам других видов они присущи в той или иной, но все же в гораздо меньшей, степени. Гибридные женщины своей шизоидностью или бытовой неадекватностью обычно отодвигают далеко на задний план этот "обязательный" психологический пласт в своем характере, и даже — в случае обладания достаточной женской красотой и привлекательностью — им удается перевести все это хозяйство в русло "изюминки", "оригинальности", что определяется "слабыми и охочими до женщин" мужчинами, как "интересность", извиняющая все остальное, за что они, подчас, и расплачиваются очень и очень горько. Недооценивание мужчинами, а не то и полное непринимание ими в расчет, зла, исходящего от женщин, и их огромной потенциальной опасности, делают для них "слабый пол" на порядок опаснее. Эта разница — без всякого преувеличения, как соотношение между реальной живой змеей на груди и "змеей" просто: как с абстрактным понятием или с одноименной статьей из энциклопедии. У любого мужчины найдутся десятки примеров, доказывающих и прискорбно иллюстрирующих сказанное. Вот почему совсем не случайны попытки мужчин всех времен и народов всячески осадить женщин. Эта дискриминационная в отношении женщин тенденция прослеживается буквально у всех народов и во все эпохи, и декларируется она чаще всего в форме присвоения женщинам статуса второсортности. Крайний, предельный случай в этом направлении явили миру арабы: у них женщины — это существа, не имеющие души и поэтому вынуждено пользующиеся душами своих детей. (Здесь оказалась как бы предвосхищена практикой позднейшая "психологическая теория отсутствия души у женщин", созданная О. Вейнингером [30].) Дальше вроде бы как уже и некуда, разве еще только то, что кормят женщин во многих арабских сообществах в последнюю очередь: вместе с собаками, и -тоже объедками. [Прибавление. Есть и еще один, самый страшный (опять-таки, понятно, для женщин) факт проявления

неравноправия полов. Это — старение: "старый мужчина — это все-равно мужчина, а старая женщина — это старая женщина". Все это очень и очень несправедливо, и все — как раз именно из-за влияния хищного стереотипа "красоты", и в этом моменте тоже проявляющей свои истинные, реальные "спасительные" возможности. Ведь человеческая красота — это разновидность уродства, но как бы со знаком плюс. 95 % людей по ее канонам откровенно некрасивы! И поэтому влечение к женщине в нормальном, т.е. нехищном обществе должно оставаться всегда на "казановском" уровне. Как известно, Казанова имел равно повышенное влечение ко всем взрослым женщинам, даже к старухам. Одновременно, он смертельно ненавидел гомосексуалистов. Подобную сексуальность можно лишь приветствовать. И она, действительно, предельно естественна. Достаточно вспомнить "голодное" поведение мужчин, длительно пребывавших в условиях изоляции от женского общества. Или замечательные порядки, бытующие у австралийских аборигенов: мальчики и юноши "набираются опыта" у древних старух, а затем, по мере взросления и старения берут себе все более и более молодых партнерш. Великолепный обычай! Трогательный и справедливый!] В этом же состоят и корни "двойной морали", согласно которой поведение женщин не должно быть схожим с мужским в любой области, но особенно грозно это "морализирование" проявляется в двух сферах — профессиональной и сексуальной. Действительно, женщины претендующие на успешное овладение мужской профессией или уже обладающие таковой выглядят в глазах мужчин, по меньшей мере, подозрительно. В идеальном случае, женщины, имеющие детей, не должны работать вообще, а заниматься их воспитанием и заодно — самообразованием. Но и то — лишь до наступления у детей пертурбационного периода (полового созревания). Дальнейшее воспитание должно осуществлять уже общество — это было бы аналогом "мужских домов" у т.наз. "примитивных" народов, точнее бы — естественных обществ. Но, конечно же, подобные мероприятия способны принести пользу и осуществимы они лишь в гипотетических — честных и разумных — человеческих сообществах, что пока (или же и вообще) слишком фантастично для того, чтобы стать реальностью. Если вышеприведенные упреки в адрес наших милых дам можно все же попытаться как-то оспорить, то второсортность и ущербность эстетического восприятия у женщин прослеживается уже бесспорно и однозначно, точно так же, как и эстетическая (помимо нравственной) сниженность мужеложества. Ситуация здесь такова, что в обоих этих случаях присутствует влечение к мужчине, как к психозстетическому элементу восприятия, объекту. Но все дело и вся соль в том, что женщины объективно красивее мужчин! Ведь именно они являются носительницами симметричного набора хромосом — XX. Контрастным доказательным примером являются птицы, у которых наряднее уже петух, также имеющий тот же симметричный хромосомный набор. И поэтому требования женщин к физическим — т.е. собственно эстетическим качествам мужчины, как предмету их любви (объекту сексуального предпочтения или же позитивной оценки) вынуждено более элементарны, точно так же, как и у петухов к курицам. Действительно, — ну, прямо-таки какой-то эстетический курьез, и не иначе: красавец — разноцветный петух (алый гребень, шпоры, хвост радугой!), и... как угорелый без устали гоняется за невзрачными блеклыми хохлатками. Хорошо хоть, что у людей активное начало все же за мужчинами, именно поэтому так чудовищно смотрятся все эти суфражистки и феминистки — в большинстве своем лесбиянки или же бисексуалки. [Прибавление. Но есть все же в этой женской необъективности что-то очень и очень отталкивающее. Роскошно-пышнотелая, златовласая, изумрудно-зеленоглазая красавица боготворит (или же только

создает видимость — это еще более противно!) своего мужа: высочайшего начальника — брюхатого, плюгавого, лысого, уродливого мужичонку, к тому же еще — растлителя и садиста, что наверняка хорошо известно и ей самой.] Для женских критериев в оценке ими мужчин доминантны сила, волевые качества, нередко — физиология, часто — материальная сторона вопроса может решить все. Существует даже определенная, зафиксированная в литературе и фольклоре зависимость: чем красивее женщина, тем большая вероятность того, что ей будет нравиться, или же в конце концов так или иначе "сядет ей на хвост", и причем — успешно, что называется, "завоюет ее", более уродливый мужчина. "Соломенный парень золотую девку берет", — и хотя в этой пословице, точнее, в народном наблюдении, предполагается несколько иной контекст (этакий "мужской шовинизм"), тем не менее все это лишний раз говорит о том, что красивая пара — это большая редкость. И причина этого во многом состоит именно в "некомпетентности" женщин в этом оценочно-эстетическом вопросе. [Прибавление. Кстати, нигде так явно не проявляется связь столь знаменитых философских категорий — эстетическое и этическое, — как в гомосексуальной своей сниженности. Достаточно будет указать лишь на творения великого Микеланджело, точнее, на те из них, в которых этот знаменитейший гомик пририсовывал к откровенно по-мужски мускулистым телам женские груди, и получал таким патологическим образом своих псевдоженщин — совершенно неотличимых от современных уродин, которых делают из себя путем "бодибилдинга" (культуризма) некоторые женщины. Подобное наращивание мышц женщинами — это такое же отвратительное занятие, как и женский бокс, борьба (в мазуте или в грязи), как и вообще весь этот неприемлемый — ни этически, ни эстетически — спектр: от женщин-гладиаторов в цирках Древнего Рима и до позавчерашней пьяной драки проституток на Казанском вокзале в Москве.] О второсортности эстетического восприятия у женщин и их одновременной этической сниженности совершенно объективно говорит еще и то, что все эти "сердцееды", "бонвиваны", "дамские угодники", "донжуаны", "половые разбойники" и т.д., пользующиеся у наших милых дам неограниченным успехом, все они, как на подбор, представляют собой, во всех мыслимых отношениях, невыносимо мерзкую публику. Кроме того, эти потаскуны, а как правило, большинство из них — суггесторы, вырабатывают и сообразные своей подлой сущности невероятно похабные ритуалы ухаживания, становящиеся по необходимости затем и общепринятыми, что разлагающе воздействует на культуру общества. (К счастью, не все женщины "падки на подлецов и мерзавцев", есть и "счастливые исключения", и к тому же — достаточно многочисленные, как, например, до недавнего времени в России.) Ко всему еще нужно учесть и то, что именно такими вот павианообразными паскудцами наводнены все творческие сферы культуры и искусства. Вот, как-то совсем недавно, довелось услышать по радио рассказ о некоем отечественном кинорежиссере (имя им сейчас легион!), который лепит такую "порнуху-чернуху", что даже его "творческие" коллеги чувствуют себя смущенными, вплоть до того, что пытаются как-то его урезонить! Тот же им "объясняет": "Ну, дайте же мне, наконец-то, выплеснуться, перегореть!" А сам он, рассказывают дальше, весь из себя старый, лысый, остатки волос седые... Ну куда и когда такому-то уже выплеснуться?! Когда он сам по себе и есть помойка!! Только так вот — вместе с помоями! Похоть, до конца жизни похоть, в самых мерзких своих формах... В дополнение к отмеченным этико-эстетическим категориям, нужно сказать, что инверсное (извращенное) половое влечение еще ко всему и "портит погоду" в общей, нормативной области взаимоотношений полов, созданием некой

"атмосферы подозрительности" как бы замарывает всех мужчин. Единственным до некоторой степени возможным оправданием пассивных гомосексуалистов (педерастов) является их психо-либидозный движитель: сексуальная мечта о женщине с фаллосом. Все-таки женщина, даже и здесь справедливо: "ищите женщину" и найдете! Примечательно, что подобная, позорящая весь "прекрасный пол", прослойка — это продажные женщины, проститутки, а отнюдь не лесбиянки и бисексуалки. [Прибавление. В связи с этим возникает одно весьма примечательное, чисто местное обстоятельство. Россия, как уже указывалось, характеризуется феминной социальной направленностью (не Дядя Сэм, не Джон Буль, а Россия-Матушка). И здесь все делается "побабы": то есть, орут, надрываются, а толку мало, точнее, от этих сверхусилий почти всегда выходит один вред. Поэтому-то и приходится по большей части заниматься поисками виновных (точнее, хотя бы номинальных козлов отпущения, ибо виновных как таковых нет) — "кто виноват?", и к тому же всегда с опаской подходить и очень нерешительно браться за что-либо новое — "что делать?". Ко всему еще присутствует одновременная социальная придавленность, ущемленность мужской составляющей российского общества (контрастный пример в этом являют латиноамериканские страны, в которых существует довольно-таки "крутой" культ "настоящего мужчины"). В результате всего этого создается парадоксальная ситуация, еще одно "русское чудо", и следует печальный, хотя до какой-то степени и забавный вывод: наиболее мужественными — в традиционном, классическом определении — здесь могут быть признаны единственно именно педерасты, как презревшие, несмотря на опасность (уголовную ответственность), некие социально-этические нормы и правила. Правда, сейчас — после опрометчивой отмены 121-ой статьи УК — и эти противоестественные "герои" сошли со сцены. Действительно, честных, бескорыстных борцов за какое-либо "правое дело" в России практически нет: буквально единицы на всю такую огромную страну! Взять хотя бы нынешнюю политическую оппозицию. Несмотря на всю тысячепроцентную справедливость своих призывов и обвинений, "непримиримые" до сих пор не имеют приемлемого лидера русской национальности! Правда, в этом плане нельзя не отметить появление на политическом горизонте знаменитого генерала Александра Лебеда! Но и он "частично в пушку", — имея в виду его недальновидную (?) позицию в августе 1991 года. Так что здесь могут существовать и существовали немало разрозненных борцов-одиночек, но все они обычно являются либо шизофрениками, либо нацменами, т.е. нерусскими, к тому же — всегда преследующими свои локальные цели. Точно так же нельзя считать мужественными — даже потенциально — пьяных хулиганов, террористов и бандитов, которые в одиночку или группами нападают на цепенеющие при этом толпы безоружных людей. Ибо то, что такие небольшие "компании" или даже одиночки способны терроризировать и психически подавлять большие группы, не имея какой бы то ни было подлинной смелости, является простым законом социальной психологии. Достаточно будет вспомнить все те столь многочисленные ныне захваты террористами самолетов, зданий, заложников, — как, например, трагедия в надолго теперь памятном Буденновске, и вот еще — в Кизляре и Первомайском. Наиболее же крупномасштабная "операция" подобного рода — это "великий перелом", когда Сталин руками местной деревенской сволоты (алкогольных деградантов) провел изуверскую "сплошную коллективизацию" — полное закрепощение российского крестьянства. Поэтому встречающиеся время от времени в нашей прессе призывы правоохранительных органов бороться с хулиганами и грабителями силами самих граждан ("всем миром") при помощи

газовых баллончиков и пистолетиков являются, мягко говоря, безграмотными, если не сказать подлыми. Ведь даже в той же Америке — уже вооруженной до зубов, в стране, где практически у любого жителя могут быть средства реальной индивидуальной защиты, где в любой аптеке помимо аспирина UPSA можно прикупить и ручной пулемет, — даже там некий инженер Гетц стал поистине национальным героем за то, что удачно и эффектно "отмахнулся" от приставших к нему с "невежливыми" просьбами дать им денег четырех хулиганов-негров, ответив им четырьмя выстрелами в упор. И это — в Америке, в США, в полностью охищенной стране, в которой каждый житель потенциально, психологически способен стать гангстером, и за "хорошие деньги" мать родную пришибет, как нечего делать! Что же в таком случае говорить о неагрессивной, обесхищенной России?! Особенно ярко все это проявилось сейчас: в условиях псевдодемократии и извращенной либерализации общества (правильнее говорить — его духовного растления), с полнейшей распоясанностью уголовной шпаны и безнаказанностью преступных элементов, когда полезла изо всех щелей хищная социальная нечисть, у общества не оказалось на нее никакой управы. Но, по-видимому, это всего лишь самое начало охищения нашего общества, и этот процесс, возможно, уже необратим. Как газовые пистолеты сменились уже настоящим оружием, так и масштабы насилия будут возрастать, что закончится либо гражданской войной (или еще какой, — не менее страшной), либо военной диктатурой. Правда, одно никак не исключает другого. И можно быть уверенными в том, что русское общество в своем подавляющем большинстве воспримет диктатуру положительно, ведь даже бутафорский псевдопутч августа 1991 года люди одобряли, невзирая на очевидную несусветицу: ну не с этими же явно подставленными, "опереточными вождями" идти на такое святое дело, как наведение порядка на Руси! Косвенным подтверждением отмеченной чуть выше противоестественной властноофициальной социальной направленности России является тот факт, что все интегрированные полностью в административную деятельность начальники (от мастеров до министров, а сейчас и президентов) в каких-либо конфликтных или спорных ситуациях, как правило, получают от народа в первую очередь определение "пидарасы", и не иначе. Не сволочи, не жулье, не гады — все это чуть позже, после спокойного анализа, но сначала — всегда именно "пидарасы"! Кстати, это искаженное русским просторечием древнегреческое слово "педераст", как и другие подобные искажения, фонетические опрощения, вообще необычайно характерны для русского разговорного языка. Они являются проявлением ущербного, облегченного, сниженного заимствования. "Наверное, ни один язык так не открыт для иностранных заимствований, как наш. Отсюда — терпимость русского человека к иностранному, доброжелательность, переходящая порой в подобострастность, сопряженную с самоуничижением." [17]. Конечно же, это не то, чтобы создание некоего "пиджин-рашен", но тем не менее, все такие заимствования — неравноправны и имеют свои социальные корни, что в общем случае можно именовать, как "тенденция к пиджинизации не только в русском языке, но и в обществе". Как раз именно такого порядка феноменом является широко распространенное охаивание всего русского, отечественного, и пресмыкательство перед Западом, или по меткому выражению Н. Я. Данилевского: "европейничанье", (сейчас — это уже "американничанье"). Единственно же правильной, объективной позицией в этом "международном вопросе" является та, при которой видно, что хаять здесь есть чего, и много, но чтобы пресмыкаться при этом — это попросту недопустимо, ибо позорно! России, кстати, уже никогда не стать Западом, мы исторически уже "засветились" в другом качестве. Мы — как бы некие

неприкаянные дворняги, ну а те -по большей части, все из себя породистые, холеные: бульдоги королевские, болонки-фокстерьеры разные, да левретки с пуделями... Ну и шут бы с ними всеми! Точно так же, по такой же "схеме", за иным человеком всю жизнь тянется память о какомнибудь неблаговидном или глупом поступке, совершенном им прилюдно в детстве, что проявляется в виде насмешливой клички и несерьезного или настороженного отношения к нему окружающих. В общем, наверное, зря варягов призывали, но отрещиваться-то не следует: ну, призывали и призывали! Так что тщетны потуги наших "западников" стать вполне европейцами: статус социально-эстетической "второсортности" России обеспечен ей навсегда. Правда, — с одновременной боязнью ее непредсказуемости и потенциальной мощи. И таким образом, выходит, что все эти "западники" — воистину, позор России: у этих Плохишей не получилось ничего самобытного создать здесь, так они туда лезут позориться со своими свиньячесуконными рылами! Но черно-белая (она же и "красно-белая" некогда!) оценочность всего и вся — есть следствие доминирующей диффузности русского общества, его имманентного и потому неистребимого свойства (и могучий язык русский — тому свидетель!), что и приводит к его всегдашнему полярному разделению. Отсюда следует неприятный, но, к сожалению, справедливый вывод. В России невозможно обустроить приемлемое общежитие, здесь всегда все так и будет — "через экспериментальную пень-колоду"! Некоторая, малость утешительная, аналогия всему этому состоит в том, что русский народ, бедолага, подобен талантливому человеку, но — непрактичному и бесшабашному. Поэтому и живет он, несмотря на все свои замечательные слова и мысли, впроголодь, да в антисанитарных условиях. К тому же он еще и постоянно обманываем своими более ловкими и бессовестными дружками-приятелями, ко всему прочему подбивающими его на всякую дурость, но всегда — с пользой для самих себя. (Это к тому, что, похоже, действительно "у России не может быть друзей"!)

Спасти положение могло бы лишь наличие в России в течение не менее ста лет (примерно около пяти поколений) честного русского националистического, но и достаточно благоразумного правительства. Но честность правительства, да еще в пяти поколениях, да без дури... — все это, естественно, полная утопия... Но хотя бы одно такое правительство будет наверняка, уже потому, что такого еще не было никогда, и создание прецедента очень заманчиво! К тому же, для этого существует и бесспорное идеологическое обоснование [28]: "Построение национального государства в России — единственная возможность выжить для России и дать пример выживания для всего мира... Национально мыслящая власть способна в одночасье решить все текущие проблемы России"... Здесь следует остановиться, и как бы возвести некое "потолочное перекрытие" в том теоретическом умозрительном многоэтажном сооружении, строительством которого мы так настойчиво, хотя и достаточно бессистемно, занимаемся. (Тут требуется развернутое изложение предмета, чего никак не позволяет объем данной книги.) Речь пойдет о "женском потолке" хищных индивидов в нравственном "пространстве". О том, что хищные мужчины вкупе с женщинами (как с хищными, так и с чрезвычайно многочисленными хищноориентированными особами) занимают нижнюю этическую позицию, "полуподвальный этаж". Причем, моральная позиция практически любой женщины всегда хрупка, неустойчива, и женщины могут всегда быть с нее легко сбиты, и это падение для них гораздо тяжелее и на порядок болезненнее, нежели для мужчин. Но у женщин имеются весьма серьезные не то, чтобы оправдания или "смягчающие вину обстоятельства", правильнее будет говорить об "оправдательных документах", попросту снимающих

с них всякую вину. Ибо в целом, во всем, что касается женщин, необходимо учитывать их основную функцию — это продолжение рода человеческого и воспитание детей. Еще правильнее будет говорить, не боясь высоких слов, даже — о предназначении женщины. И поэтому невозможно не признать патологией любое (не оправданное жестокими обстоятельствами, несчастьями) уклонение от этого необычайно трудного и столь необходимого "дела". Или другими словами, "биологические, психологические и этические обязательства женщины заключаются в проявлении заботы о будущем человечества — детях". А сохранение при этом еще и женской привлекательности необходимо уже признать пределом ее возможностей, ибо "трудное развитие, ведущее к женственности, исчерпывает все возможности индивида — женщины", говоря еще короче, всему есть предел. У хищных же мужчин для их нравственной сниженности никакого оправдания не существует, и существовать не может. Правда, есть известное бихевиористское объяснение роли хищных в биоценозе: мол, на то "и щука в море, чтоб карась не дремал". Но проводить здесь параллель с человечеством вряд ли уместно; возможно, что подобное пока еще имеет силу, но уже — не смысл для будущего разумного общества. Циклические колебания численности хищных и копытных, впервые описанные и вычисленные математиком Вольтерра, как-то уже даже и неловко "присобачивать" к человеку разумному, или считающемуся таковым. На то он и разум, чтобы идти разумным путем, а не этологическим, не скотским. Если уж и проводить аналогию с Природой, то можно сказать, что она в лице эволюционного механизма естественного отбора полностью на стороне человека разумного. Дело в том, что основной принцип эволюции — это передача управления новообразованным усложненным центрам. Появилась вторая сигнальная система — и управление человеческим организмом было передано ей. Точно так же, можно и хочется надеяться, произойдет и с третьей сигнальной системой, разумом: он появился и человек разумный должен (в худшем случае, вынужден) будет в своей деятельности руководствоваться именно им. Да и сейчас смысл подстегивания, подхлестывания, взбудораживания человечества смертоубийственными "забавами" хищных гоминид уже совершенно потерян и выглядит все это неприкрытым чудовищным атавизмом, как если бы держать штат злобных надсмотрщиков в дружеской компании порядочных людей. Кстати, хищные мужчины прекрасно понимают (скорее — ощущают, у них это что-то типа своеобразной страшной закомплексованности) эту свою сниженность, редуцированность и приближенность к женщинам. Все они отчетливо чувствуют этот свой — он же и женский — "моральный потолок", и немедленно делают его "общим жизненным пространством" для себя и для других, в первую очередь для женщин. (Наиболее здесь иллюстративны сутенеры — самые психологически ущербные суггесторы, совершенно не способные "оторваться" от женщин, и потому мерзко паразитирующие на "древнейшей профессии". Это полностью относится и к "элитарным" сутенерам — устроителям "конкурсов красоты", держателям агентств "моделей" и создателям всевозможной "плейбойской" продукции масс-медиа) И поэтому давление хищных мужчин на "слабый пол", растление и использование женщин в своих целях — чуть ли не первоочередная для них задача. Этот феномен, как целый психологический пласт, весьма разработан в мировой литературе. Достаточно будет упомянуть отечественную — уже ставшую хрестоматийной — классику: "Анна Каренина", "Бесприданница". Конечно же, в реальной жизни все это свинство выглядит гораздо проще, приземленное и не столь назидательно: все те многочисленные скандальные случаи увода "со двора" добропорядочной матроны, или "из-под венца" — чужой невесты. В подобных описаниях преуспели очень

многие авторы — от Апулея до Боккаччо, Флобера и "далее везде". Для сведения нынешних и будущих создателей классических художественных литературных произведений хочется подсказать, что все же правильнее и гуманнее было бы не обижать и без того несчастных Анюту и Ларису, а взять бы за ушко или за шиворот, да и подложить под поезд того же аристократа Вронского, а застрелить, или еще лучше и проще — утопить в Волге-Матушке-реке самого дворянина Паратова-Михалкова. Ведь изъятие из потока жизни суггесторов, не говоря уже о суперанималах, весьма благотворный для общественного организма процесс, и поэтому его необходимо всячески пропагандировать, в том числе — и средствами искусства, литературы... Заканчивая рассмотрение "женского вопроса", хочется все же верить в неправомерность негативных выпадов автора в адрес наших милых дам, и надеяться, что хотя бы часть из этих "умозаключений" будет опровергнута будущими, более скрупулезными и дотошными исследователями тайн прекрасной половины человечества. Тайн вечных, нескончаемых и непреходящих, ибо невозможно отрицать психо-сексуальной сладостности указанных исследований и непреодолимости могучей силы влечения к ним...

НИСПРОВЕРЖЕНИЕ ХИЩНИКОВ

Некоторые считают, что если репрессии не нарастают, то нет и наступления социализма. Нет, репрессии не главное, а второстепенное средство, но необходимое, в области социалистического строительства. (И. Джугашвили) Я поклялся перед алтарем божьим, что буду вечным врагом любой формы тирании над разумом человека. (Т. Джефферсон) Все большее "очеловечивание людей" имеет и свой "суммарный" результат — это усложнение общественного сознания и его гуманизация: становление коллективного Разума, точнее, лишь самое начало движения к таковому. Это привело к тому, что все более значительная часть современных суперанималов поневоле (официально, на словах) выступают под знаменем добра и справедливости: этакое "победное шествие волка в овечьей шкуре". (Но все же нельзя не отметить, что позиция суперанималов, выступающих якобы на стороне "добра", всегда очень эффектна и привлекательна для диффузных масс: для них они подлинны герои! Спартак, Робин Гуд, Че Гевара...) Суггесторы же теперь вынуждены лицемерно проклинать коварство и лживость. (Это их двоедушие обычно замечается народом, хотя, к сожалению, далеко не всегда: достаточно вспомнить всенародную "промашку" с Ельциным.) Отсюда и проистекают перманентные попытки со стороны хищных гоминид повлиять на столь "неудобоваримую" для них социальную среду, что обычно достигается путем злоупотребления властью или же опосредованным способом — при помощи власти денег. Становится ясным, что гегелевское определение прогресса как процесса осознания свободы [14] неполно и односторонне, т.к. существует одновременный, и не просто неотъемлемый, а — обуславливающий прогресс, процесс закрепощения хищных гоминид в рамки социально приемлемого поведения, ибо прогресс — это уход от их понимания "свободы", как безнаказанного отправления любых своих агрессивных устремлений. И если бы не было их сопротивления, то не был бы и столь мучительным для людей прогресс: ибо кто же не хочет свободы?! Но в их руках сила и до сих пор. Правда, они пытаются найти для себя какие-то неуклюжие оправдания перед общественным мнением — в этом, и только в этом, и заключается влияние на них прогресса, и нужно отметить, что оно весьма неприятно для них. В прошлом же поиск подобных оправданий для собственной жестокости и лживости от них и вовсе не требовался. В этом контексте ясно, что нахождение авторитариев у власти — это уже даже не анахронизм, но, скорее и

правильнее, — атавизм! Действительно: авторитарный стиль руководства уместен лишь при решении несложных задач это азбучная истина социальной психологии. И с неизбежностью создается зловещий парадокс: задачи управления обществом к простым отнести никак нельзя, а в то же время все правительства, в большей или меньшей степени, но всегда авторитарны, включая сюда и те случаи, когда за спиной безвольного и ничего не решающего правителя-марионетки — "болвана" (третьесортного актеришки Рейгана, например) орудуют "теневые" чудовища — "кукловоды". Очевидно, что и западная "демократическая" парламентаристская многопартийная система взаимослежения и "взаимоподсигивания", вроде бы обеспечивающая самозащищаемость общества от произвола властных структур, что и она — всего лишь фасад, а реальное управление осуществляют все те же "теневые кукловоды", представляющие финансовых олигархов в политике, пропаганде, масс-медиа, науке, церкви... Именно это несоответствие претензий авторитариев от власти, их наклонностей и устремлений с качеством тех задач, которые стоят перед обществом и для выполнения которых, собственно, власти-то и требуются, является главной бедой, исходящей от всех без исключения олигархических режимов. Ибо разрешается это противоречие таким образом, что хищные власти, не будучи в силах изменить свое поведение и авторитарную установку, вместо этого меняют эти самые — стоящие перед обществом, а следовательно, и перед ними бы задачи, и ставят новые, не приносящие в итоге пользы уже никому: ни обществу, ни даже им самим. Сколько же было этих бесславных падений Великих Царств, гибелей могучих Империй, постыдных бегств всемогущих диктаторов, которые при этом от страха "испускают горячую мочу и оставляют свой кал в колесницах своих" ("Анналы Синаххериба")! Вот это-то "подлаживание под себя" отношений в обществе и приводит, как и приводило раньше, к войнам и внутригосударственным конфликтам и репрессиям. Именно политики — власть имущие суперанималы и суггесторы — конкретно запускают в действие механизмы репрессий и детонируют милитаристские взрывы. Наибольшую же опасность несут людям пассионарные (гетерозисные) гибриды из сфер "высокой политики". Таким образом, не "война — продолжение политики иными средствами", а несколько иначе: политики — это жрецыхранители огня войны, время от времени раздувающие его пламя. Хотя это и идет, на первый взгляд, вразрез с традиционной гуманностью, но нужно все же признать, что с объективной точки зрения люди должны радоваться смерти авторитариев, и в особенности — "крупных": тиранов, деспотов, угнетателей. Точно так же, как радуются избавлению от стаи волков или долгожданному убийству тигралоюеда крестьяне — жители окрестных деревень. Войны, убийства, бесчисленные насилия — вся эта многоэтажная чудовищность во взаимоотношениях людей является прямым результатом взбудораживания и агрессивной дезориентации мира человека хищными гоминидами, получающими от этого психосоматическое наслаждение. Для них действительно есть "упоеание в бою", у них наблюдается ярко выраженное "безумство храбрых", они подвержены в сильной степени "опьянению кровью". Все это имеет буквальный смысл животного безумия, от которого они попросту не в состоянии избавиться: это их естественное видовое поведение (в отличие от диффузных людей, которые в боевой обстановке хот"я и впадают в подобные же аффектные состояния, но они для них — неестественны, и именно поэтому остаются их самыми яркими жизненными воспоминаниями — это немного похоже на то, как если бы добропорядочному семьянину пришлось бы вдруг случайно "по-пьяному делу" побывать однажды в "пятизвездочном" борделе!). Хищные гоминиды являются прямыми "чистопородными" потомками инициаторов

адельфофагии, каннибализма. Собственно, они не прекратили этого своего занятия, но лишь "слегка подправили" его, модифицировали в усложнившихся социальных условиях. Ведь, действительно, любая форма эксплуатации человека — это редуцированное рабство, которое, в свою очередь, тоже есть "послабление", смягчение практики убийства и поедания пленников. Так что если посмотреть правде в глаза, то нельзя не признать, что наша земная цивилизация и по своему происхождению, и по своей сути, как была прежде, так и продолжает оставаться цивилизацией каннибальской. А "золотой миллиард" Запада при этом есть теперь самый главный, всемирный людоед, "панканнибал" гнусно пирующий за счет остальной части человечества. Но современная ситуация в мире такова, что "мавр сделал свое дело" и должен бы теперь уйти. Хищные гоминиды должны быть лишены возможности удерживать человека разумного в состоянии неменяемого придурковатого чудовища, пляшущего под гипнотизирующую его хищную дудку. Но дистанция между этим "должен" и реальным уходом хищных гоминид со сцены, точнее, отстранением их от социальной режиссуры, огромна. Еще Огюст Конт предлагал социальные реконструкции, предусматривающие отстранение от управления обществом всех его "идеологов", в том числе — военных и политиков. Но человечество постоянно, изо дня в день демонстрирует свою безрассудность, и поэтому бессмысленно призывать его к разумному поведению и давать ему спасительные рецепты. Человеческие социумы по-прежнему сравнимы с неунывающими сообществами Бандар-Логов из "Книги Джунглей" Р. Киплинга. Все это делает невозможным предприятием собрать в ближайшие времена человеческий "здравомыслящий кворум", несмотря даже на наличие уже значительного числа людей, осознающих опасность нынешней ситуации в мире. К сожалению, человечество "лишено единства, люди продолжают оставаться враждебными друг другу...", и таким образом, человечество подобно порошку, который при сжатии не вступает в молекулярный контакт" [2]. Эта "химическая" несоединимость людей коренится именно в кардинальной, видовой неоднородности человеческого семейства — в его "этической несводимости". Иисус Христос своим призывом "возлюбите врага своего" предпринял первую, оказавшуюся и последней, попытку (и уж не наивную ли?! — и тогда рухнет сверхъестественность фундамента христианства!) вечного примирения людей, что в видовом контексте понимается как их полный отказ от хищного поведения. Но, как известно, глобальная "рецептурность" этой универсальной доктрины объединения людей закончилась спаренным мировым всепобою, главным образом, именно христианских государств всех до единой конфессий: истинно хищно-человеческим вариантом экуменизма (объединения церквей). "Неосведомленность" Христа о видовых различиях выглядит очень похожей на сохранение "врачебной тайны" в надежде на благополучный исход и без "хирургического вмешательства", хотя и прозрачных намеков на серьезность и запущенность состояния человечества в христианстве более чем достаточно, вплоть до предупреждения о возможном летальном исходе (Апокалипсис). И то, что "излечения" человечества не произошло, в этом никоим образом вины "врачевателя" нет, ибо это очередной смертный грех людей — этого, воистину, сброда!! Ну как, и вправду, можно их назвать, какое есть проклятие в человеческих языках, которое бы в полной мере подошло к тому "воинствующему свинству", что за две тысячи (!!) лет, уже отлично зная на собственной шкуре, "что такое хорошо и что такое плохо", они тем не менее продолжают убивать друг друга?! Чтобы при всем при этом не суметь "притереться" и не создать приемлемое житье-бытье, ну, хотя бы уж — без войн и без чудовищных форм насилия! И что может быть еще

более доказательным подтверждением кардинальной, видовой неоднородности человечества?! Ведь даже предполагая любую иную возможность возникновения человеческого разума, имей он какое-нибудь другое происхождение — инопланетное, панспермическое, всекосмическое, или будь это просто результат перехода количества растущего сознания в новое качество и т.д. и т.п., попросту невозможно не сделать очевиднейший и главнейший вывод: не убивали бы! Не убивали бы в любом таком случае люди ДРУГ Друга без возникновения крайности ситуации, и понимаемой, к тому же, как чудовищной и трагической. И как бы там ни было, но попытка объединения людей братской любовью во Христе завершилась бесчисленными братскими могилами (вот единственно на Земле те места, где "все люди — братья"!) всемирного смертоубийства, да и то остановленного лишь ядерным стопкраном ГВУ, гарантированного взаимного уничтожения. Но скорее всего некоторых "братишек" не остановит и это "мелкое препятствие", да к тому же и не теряющих времени даром — скоренько поведших дело к гибели планетарной цивилизации "другим путем": экологическим. Поэтому если для спасения планеты в ближайшее время ничего не будет предпринято, то будущее свое человечество обретет более страшной ценой скорее всего, путем гибели большинства. Ибо все очень и очень похоже на то, что если человечество в самые кратчайшие сроки (буквально сейчас!) не образумится (а вероятность этого ничтожна!), то оно должно будет еще раз "сойти с ума" от страха и ужаса: для "сурового воспитания" в себе истинного Разума взамен нынешнего "ветхого" полуразумия, ставшего теперь смертельно опасным своей ограниченностью. И как бы громко сие не звучало, но это будет (если будет!) уже Разум осознания своей причастности ко всей Вселенной и, следовательно, своей ответственности перед Ней. Вот для этого осознания и потребуются столь крайнее средство: воздействие некоего Сверхстрадания. Его приход необходим для того, чтобы всем, наконец, стало ясным, что к чему в этом "прекраснейшем из миров, в котором все, что ни делается, все — к лучшему!". И эта парадоксальная сентенция наиболее точно отражает конечную суть этого метода воспитания, техническую сторону которого можно выразить в терминах, наиболее приближенных к современному уровню разумности людей, как "ткнуть человечество мордой в его же дерьмо" — экологической, ядерной или дыроозонной консистенции. А это, и впрямь, весьма смахивает на Конец Света и Страшный Суд, скорое получение повестки на который человечество столь рьяно себе обеспечивает...

... Но может быть все не так уж и страшно? Может быть мы "за деревьями не видим леса"? Попытаемся же подняться над "людскими чащобами"... Жизнь — наследница одной-единственной бесконечно делящейся и применительно к "внешним условиям и обстоятельствам" беспредельно модифицирующейся клетки, именуемой "репликатором". Современные эволюционисты (в частности, такие ныне популярные авторы, как Р. Докинз [8], М. Ичас [27] и др.) считают развитие Жизни от репликатора до Разума простым линейным, автоматическим процессом самоорганизации живой материи, а сам репликатор — возникшим совершенно случайно. Это упрощенчество трудно расценивать иначе, как вульгаризация и профанация самой важной для человечества проблемы; жалкая в своей беспомощности попытка обойти стороной всю ее невероятную сложность! В то же время, известный астроном и писатель Ф. Холл абсолютно точно вычислил вероятность возникновения такой самовоспроизводящейся макромолекулы (того самого репликатора) из первичного "органического бульона". Эта вероятность тютелька в тютельку равна вероятности такого события, как если бы в результате урагана, пронесшегося над мусорной свалкой, самособрался бы готовый к полету

Боинг-757. А историк, философ и палеопсихолог Б. Ф. Поршнеv доказал, что рассудок появляется у человека именно вопреки эволюции, гораздо более сложным, и к тому же совершенно уникальным путем. Таким образом, можно уверенно говорить о существовании в развитии живой материи неких неэволюционных (а возможно, и надэволюционных!) механизмов Природы. Функционально и структурально Жизнь, как таковая, есть в-себе-самой-самовозникновение (рождение, деление) и себя-самой-самоуничтожение (смерть, утилизация). Жизнь образует на Земле систему трофических цепей, систему иерархического поедания живых организмов. Рассудок также возник в результате самоуничтожения вида *Troglodytes* с целью опять-таки поддержания жизни этого же вида, т.е. для самосохранения. Произошло как бы "короткое замыкание" одного из участков трофических цепей. На самом важном для нас — человеческом — участке этой системы наличествует следующее: биологический фундамент мозга (со всей сложностью его организации и жизнедеятельности, включенностью его в общую биосферу) и противоестественно-хищный фундамент рассудка. Другими словами, безжалостная иерархия биологической утилизации соответствует существованию Жизни на Земле; подобная же система жутковатого иерархического насилия внутри одного семейства самых высших животных привела к возникновению рассудка у человечества. Все шло напрямиком к т.наз. "эусоциальности" (истинной, или подлинной социальности) — точно такой же, как и у общественных насекомых. Само собой напрашивается определение способа происхождения рассудка, как некоего метаморфоза (антропоморфоза). С эусоциальными (общественными) насекомыми у человечества далеко не случайно существует наибольшее сходство. Мир насекомых наиболее близок человечеству по своей чудовищной организации и поставляет наибольшее число прискорбных для людей аналогий и параллелей. Так, и нынешнее положение человечества, нахождение его на перепутье небывало страшном и опасном — определенно напоминает стадию нового метаморфоза: непосредственный интервал "между гусеницей и бабочкой". Демографический же взрыв при таком сопоставлении ассоциируется со стадией имаго у "эудрузей человека" — этой, только насекомым присущей, взрывной формой размножения. Муравейник можно определенно считать рассудочным, еще совсем недавно у ученых не было в этом никаких сомнений: мирмекологи всех стран объединились вокруг "тайны скрещенных антенн" (муравьиных усиков) — шли лихорадочные поиски языка общения с муравьями. Но в то же время, сам муравей ферментативно детерминирован. Эволюция общественных насекомых дошла до своего тупикового предела, остановившись миллионы лет тому назад на фиксированной рассудочности эусоциумов: роев, термитников, муравейников. Выходом из этого тупика и явилось создание образования автономно рассудочных существ: раннего человечества, вплоть до "осевого времени" "исповедававшего" чистую эусоциальность. Индивидуальный рассудок мог дать новый уровень по сравнению с детерминированными муравьями или пчелами. Таким образом, все племенные, государственные образования, структурированные объединения людей являются эусоциальными организмами. Но в то время, как муравейник или рой организованы гораздо более высоко в сравнении с его "гражданами" отдельными муравьями и пчелами, то у людей эусоциальные организмы государства — не имеют подобного интеллектуального превосходящего уровня над индивидуумами. В настоящее время большинство государств, рассматриваемых в качестве социальнопсихологических единиц, "госиндивидов", функционируют лишь на уровне беспамятных, злобных и лживых олигофренов. В принципе, уровень

государственности, его строгая рассудочность в конце концов могла бы подняться выше уровня граждан, но лишь при условии... одновременного процесса стагнации и деградации членов таких высокоорганизованных, регламентированных и церемониальных сообществ. Собственно, именно к этому и шли восточные групповые общества, там были доколумбовы цивилизации Америки, туда же напрямик отправился и казарменный "социализм". Все эти сообщества И. Шафаревич [13] совершенно неправомерно причисляет к социалистическим, из чего "логично" (прямо как Сталин!) выводит якобы имманентно присущие социализму жестокость и подавление личности, как его неизбежное, "необходимое, хотя и второстепенное", зло. Но все дело здесь в том, что подобные "униформические" требования к гражданам эусоциальных ("социалистических" — по Шафаревичу) обществ продиктованы именно хищным характером подобного "государственного строительства", методикой его "прорабов", безжалостно устраняющих малейшие шероховатости и неровности "человеческих кирпичей". Эта прокрустова "технология" есть следствие нравственной "недостроенности" самих хищных гоминид: проявление наипоказнейшего (по своим последствиям для простых людей) комплекса неполноценности у власть имущих монстров. Но помешало этому "строительству", дезорганизовало его, вторичное "короткое замыкание" этой уже складывающейся системы, лавинообразно набирающей скорость в своем движении к эусоциальности, оно и не позволило спокойно продолжиться процессу "прогресса к Сверхуюлю". В этом эусоциальном "спокойствии" войны (и насилие вообще) совершенно естественны, и они являются неотъемлемым атрибутом "высокоорганизованной" общественной жизни, точно так же, как и у термитов или муравьев (муравьисолдаты ~ каста кшатриев), ибо войны есть не что иное, как проявление "истинной социальности", как таковой — "спокойной и здоровой", при которой, правда, самостоятельности отдельной личности попросту не должно быть. Именно здесь коренится та страшная правота часто встречающихся рассуждений о некоей "оздоровительной", "санитарной" и даже "эстетической" пользе и необходимости войн для физического и духовного здоровья наций — все это следствия и отголоски прямого движения человечества к эусоциальности. Такое же примерно значение имели и весенние удушья стариков (как лишних едоков) у северных народов, представляющие однопланово с осенними изгнаниями трутней из ульев рабочими пчелами. Дополнительный (и хочется надеяться, что не побочный) продукт этого вторичного "короткого замыкания" — это Разум. Именно он расточил эусоциальность, и вообще — государственность, как главное воплощение хищности, и продолжает ее ниспровергать. Государство абсолютно чужеродно природе человека разумного. В будущем (если оно состоится для людей) государств не может и не должно быть, как не должно быть и правительств нынешнего типа (= хищных банд, "руководящих" разумными существами), в противном случае эта участь постигнет Разум. Ибо государство и Разум дихотомичны: либо — оно, либо — Он! В принципе, все живое имеет свойство социализироваться, "кучковаться", "скапливаться". При желании, эту тенденцию можно распространить и на неживую, якобы "косную" материю: залежи минералов, растущие кристаллы, сталактиты, глиноземы и т.д. Живая материя создает уже иной уровень социальности, более высокий, достигая максимума сложности социальных структур у эусоциальных насекомых и в иерархиях сообществ высших животных. Человечество же, имея "за душой" рассудок и Разум, по логике вещей способно создать еще более высокий уровень социальности — подлинный, безвластный социализм. Но не тут-то было! Пока что, "под мудрым руководством" хищных гоминид, человечество лишь воплощало и

продолжает воплощать в жизнь все те же этологические социальные системы. Древние и современные деспотии, тоталитарные режимы — это жалкое (но такое же страшное!) подобие эусоциальных самоорганизаций общественных насекомых. А т.наз. либеральные, демократические, "свободные" государственные устройства стран Запада — это прямая "калька" со стайного звериного построения по принципам "законов джунглей". Беспричинные, бессмысленные войны древности ныне сменились меркантильными изоощренными финансовыми битвами: за рынки сбыта, сырье, дешевую рабочую силу, — по большому счету, столь же бессмысленными. Если человечество собирается выживать, то оно попросту обязано будет перейти к разумно организованному социальному сосуществованию: без звериной "свободно-рыночнобиржевой" стихии и равно — без предельно регламентированного муравьиного упорядочивания. Запад в этом смысле предстает духовно задавленным именно хищной доминантой социальности: культ наживы и роскоши, сексуальное непотребство, пропаганда насилия, безнравственная погоня за удовольствиями, всепоглощающий прагматизм, отсутствие идеалов, профанация духовных и религиозных ценностей все это следование рекомендациям и примеру суперанималов и суггесторов-биофилов. Общество поддалось науськиванию на хищные ценности. И здесь абсолютно неизбежно наступление фазы пресыщения, как в свое время в Риме: "всюду толпы хмурых распутников", и таков неминуемый конец всех хищно ориентированных обществ. Генеральное наступление наркотиков — уже даже ставится вопрос о легализации наркобизнеса — первая тому "черная" ласточка. Так что "западная демократия" существует лишь по инерции. В этом же ракурсе все некогда насильственно возникшие и ныне исчезающие или конвульсирующие "социалистические" режимы видятся как идеальные системы удержания у власти хищных бандократий под прикрытием неопровержимо гуманных лозунгов (естественно, лживых). Истинный же социализм — это дело далекого будущего, в хищной социальной среде он невозможен, ибо он более "тепличен", требует для себя подлинно честных работников-управленцев, и сейчас возможны лишь его внешние имитации, типа "шведской модели", хотя и нельзя отрицать возможности того, что к нему придут именно путем подобного "моделирования". И невероятно обидно, что наш горемычный и страшный советский путь, усеянный горами "жертвенных щепок" трех поколений, трактуется и преподносится ныне новыми вождями (мыльно-пенисто и пузыряристо вздымающимися на смену проржавевшего шила старых структур власти), как путь, не давший абсолютно никакого позитива. Невозможно поверить в то, что мы так и не "срезали угол" в общечеловеческом движении людей к счастью на Земле, что все наши жертвы оказались совершенно напрасными, и теперь необходимо отступление к самому началу движения: к дикому этапу первоначального капиталистического накопления, варварского растаскивания народного достояния хищными гоминидами. С таким трудом, с "чужой помощью" сбросили совершенно бестолковое ярмо "дворян" (этих подлинных хамов России!), пропивавших и проедавших почти весь ее национальный доход, вынесли новое жуткое небывалое иго псевдосоциализма, и теперь — на тебе: все сначала! Обеспечь бы общество того же самого "реального социализма" достаточный контроль за властями, обязательную выборность снизу доверху, представительство низших звеньев в высших, сменяемость, открытость критике со стороны общественности, то и эта социальная система полностью жизнеспособна. Пусть она и менее эффективна экономически (что еще вопрос!), но зато у нее масса других преимуществ; Запад бы локти кусал от зависти, утешаясь разве что лишь занесением числа этих укусов в Книгу рекордов Гиннеса!

Социализм — это справедливость, т.е. это общество с правдой, праведное! И поэтому для успешного функционирования истинно социалистической системы необходимо "всего лишь" наличие некоего "честного ядра" (но честного без кавычек). Если нет встроенного самоконтролирующего механизма, то должен осуществляться постоянный профилактический осмотр всех звеньев системы. Именно такая роль отводилась штату вездесущих надсмотрщиков — "ходячих датчиков" — в проекте "последекабрьского" общества П. Пестеля. Такие же функции были и у "стражей" в "идеальном государстве" Платона. К чему подобное отслеживание может привести, "хорошо" продемонстрировано НКВД-КГБ. Хотя надо сказать, что подобная система контроля не только может быть действенной, но она уже даже прошла успешное апробирование. Правда, с некоторыми "незначительными издержками": это знаменитая служба поддержания порядка в гаремах евнухами. Но пока что действительно невозможно приставить к власти честных людей — их там немедленно "уберут", "придавят" или же "повяжут кровью"! Реально осуществимо для обществ лишь "движение с подлецами впереди", и поэтому все усилия общественности должны быть направлены на контроль за ними. Понятно, что "очень трудно разработать методику социального отбора, которая предотвращала бы выход к власти именно мерзавцев" [31]. Но все же подобные социальные модели, устойчивые и самозащищенные от "хождения во власть" подлецов, уже детально разработаны специалистами и лишь ждут своего практического воплощения в жизнь. Так что все разговоры о крахе и несостоятельности социализма, по меньшей мере, некорректны: очевидно, что проиграл не социализм во всех "странах социализма" (как такового, подлинного социалистического общества еще не было в истории!), а повсеместно и постоянно "выигрывали с подавляющим преимуществом" хищные бандократии правительств и их многочисленных сатрапов со своими сворами. А эти "победители" к социализму никакого отношения не имеют, за исключением того, что их уверенно можно считать его "могильщиками". [Прибавление. Созвучной видится позиция П. М. Абовина-Егидеса [16]. "Из-за своей алчности и властолюбия бизнесмены готовы идти на сделку с кем угодно, хоть с дьяволом, хоть с тоталитаризмом... Поэтому спасти демократию, современную цивилизацию может только социализм. Вне социализма человечеству грозит духовное вырождение и, возможно, физическое истребление..." Следует лишь уточнить, что не надо спасать никакой демократии, это хищные гоминиды придумали тезис, что демократия якобы "лучшее из зол". Речь должна идти о социализме без "бандократии" — о социализме безвластном, анархическом, о нехищном, справедливом союзе свободных тружеников.].... Разум появляется в мире позже рассудка, и возникает на его основе. Разум — это то, что приводится в действие "маховиком рассудка" и определяет "этическое наполнение" сознания. То, о чем человек думает, и есть его истинная сущность. Поведение можно модифицировать, подладить или, как это делают суггесторы, видоизменить его с преступными или корыстными целями. Сознание же неподвластно человеку, хотя и можно как-то его заглушить: алкоголем, наркотиками, или же "сменить полностью": сойти с ума или покончить с собой. Рассудок возникает на основе постоянного форсажа инстинкта самосохранения, в результате обретения способности мысленного предвосхищения телесных страданий и смертельной угрозы. Разум же возрастает на почве уже душевных, осмысленных психических страданий самого высокого уровня и накала, вызванных давлением общества эусоциальной направленности на индивида, потенциально готового к разуму: т.е. достаточно высокоинтеллектуального диффузного человека, понимаемого в качестве неагрессивного обладателя рассудка. Разум занимал свое истинное место

в мире крайне медленно, так же как и христианство. Одинаково также у них и место возникновения — это угнетаемая часть общества. Отличие у них лишь в том, что у Разума и до сих пор "птичьи права" в обществе, в то время как официальная религия, взятая некогда на вооружение (!!) хищными гоминидами, построила свои пышные храмы, чего никоим образом не мог бы требовать Христос. (Здесь имеется в виду, конечно же, не великолепие и богатое убранство культовых зданий, но — корыстность и эусоциальность "организованной религиозности".) Разум развивался подспудно в угнетаемой части общества, и в начале своего развития не имел никакой силы. Лишь при достаточном взаимоистреблении и закреплении хищных гоминид он начинает свое легальное существование, получая время от времени страшные удары эусоциальности или — при хищностайной, капиталистической государственности — постепенно угасая. Интерпретируя Разум, как осознание "добра и зла", как негативность оценки факта существования насилия в мире, нельзя не заметить, что альтернативным "человеческому пути" его становления (т.е. через взаимоуничтожение) явился бы путь наблюдения чужой жестокости: производство осуждающих выводов из лицемерия функционирования системы трофических цепей, иерархического поедания в биосфере Земли. Падальщикам-троглодитам, и впрямь, была уготована роль зрителей, они выпадали из этой системы; не будучи хищниками, они были "ни при чем" на этом кровавом "празднике жизни", собирая лишь "крохи падали" с пиршественного стола настоящих хищников. Возможно, что в таком случае человек не был бы таким "умным", как при хищном варианте становления, и его рассудочная деятельность не обострилась бы до такой степени. Человек стал бы тогда более "идиотическим", но и не злым, подобное соотношение чувствуется и сейчас: "добрый" — он же часто и "дурачок" (ну как тут не вспомнить Россию, русский народ?!). И декларируемый здесь переход к нехищному миру наверняка вызовет потускнение этого "яростного и прекрасного" смертоубийства. Лишь со временем можно было бы ожидать от этого нового мира (выстроенного по совершенно новой системе, при которой хищные гоминиды будут поставлены на свое заслуженное место переведены в глубоко внутренние контуры общественных структур: "кто хочет между вами быть первым, да будет вам слугою") его "восхождения", подобно заквашенному тесту: медленно, но верно, и в итоге — лавинообразно. Но осознания чужой жестокости не произошло (да и своей-то елееле!), и таким образом, люди оказались в Школе Жизни двоечниками, как бы существами второго сорта, а возможно — и браком эволюции! Именно поэтому гоминид и перевели, как уже неисправимого второгодн... миллионногодника, в совсем другую Школу, с совершенно иными "педагогическими" приемами и методами, но и здесь он продолжает выявлять себя исключительно бестолковым "учеником". Правда, если есть какое-то вмешательство в человеческие дела некоего "Высшего Педсовета", то ясно, что будь человек полным браком, не стали бы с ним, наверное, так возиться. Так что человечество должно, наконец-то, снять с себя нелепый наряд "богоподобия", отбросить далеко в сторону украшение "венца творения" созданного по образу и подобию очень красивой пустой консервной банки, водруженной на голове. Ибо все это откровенно хищные выдумки, авторство суггесторов в них несомненно: здесь наличествует как полное отсутствие самокритичности, так и непомерная наглость в притязаниях. Все это типичное поведение выскочки, попавшего "из грязи в князи", и теперь бесстыдно отрешивающегося от собственных родителей, сочинившего для себя "благородную аристократическую" генеалогию с плебейски вычурной геральдикой. Признав себя тем, кем он на самом деле является, человек, горестно вздохнув, смог бы продолжать свой путь уже гораздо свободнее и

увереннее, избавившись и от сомнительных иллюзий и от необоснованных надежд — этих ненадежных ориентиров в открывающемся ему осмысленном Мире. Только при такой предельно честной позиции Человека возможно станет возможным его действительный выход на более высокий уровень Мира, "простой ветвью которого и является Жизнь на Земле"...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В свете обрисованной в основных своих чертах концепции существования кардинальных, видовых различий в человеческом семействе совершенно по-иному, более отчетливо и ясно, видятся все основные вопросы социологии, истории, психологии, религии и т.д. Если это и не новый уровень, то, по крайней мере, — это новая и более определенная позиция, позволяющая ставить более конкретные и емкие вопросы Бытию. Если воспользоваться каламбурным подтекстом "вся жизнь — игра", то станет ясно, что наша новая позиция соответствует в карточных играх моменту вскрытия прикупа. Это "новое знание" может оказаться весьма существенным для дальнейшей судьбы человечества, если действительно удалось "копнуть" глубоко. Но так как это новое знание носит дискредитирующий и далеко не лестный для людей характер, никак не способствующий его позитивному восприятию, и кроме того оно явно невыгодно суперанималам и суггесторам (а сила пока еще в руках этих "динатов" — сила незнания), то естественно ожидать стремления оставить это знание навсегда в прошлом: "зарыть прикуп, не содержащий козырей". Этой цели, в частности, служат и все те многочисленные современные социальные теории и рекомендации, в которых вопрос антропогенеза попросту обходится, а различия между людьми объявляются несущественными. На первый взгляд, так оно и есть. Наблюдая незнакомых людей, — на улице, в транспорте, в "присутственных местах", — и невольно стараюсь выделить среди всех них тех самых наших "страшных знакомцев", хищных представителей человеческого семейства: суперанималов (сверхживотных, нелюдей) и суггесторов (псевдолюдей, оборотней), пытаюсь разделить их по этому "кардинальному" признаку ("люди-нелюди-псевдолюди") и выявить тех, кто изначально, врожденно несет в себе заряд злобности или коварства, — ловишь себя на том, что это не вполне удастся, как-то не получается однозначности и определенности. И сразу же возникает ощущение неверия в собственную теорию: не верится, что такое возможно в действительности: человечество-де не является единым видом. Испытываешь какое-то душевное облегчение, ощущение того, что вся эта твоя антропологическая теория — не что иное, как некий околонучный прилитературный курьез, эссеистский надуманный вздор, и что человечество это, конечно же, единый братский вид, все люди примерно одинаковы, врожденные различия ничтожны, а все существующие отличия между ними определяются средой, воспитанием, воздействием общества, что имеется лишь разница в темпераменте, в интеллекте — вот отсюда-то и происходят все поведенческие отклонения от статистической нормы у иных взрослых индивидов. Конечно, есть и выродки, быть может, мутанты, но... Но тут же, невольно вспоминая всю ту нескончаемую ни на секунду череду насилия в мире, его кровавую поступь, представляя себе жуткую чехарду властных чудовищ всех времен и народов, всех монстров в человеческом обличье, так же поневоле приходится признавать, что, к сожалению, все так и есть. Именно так страшно и обстоят дела в этом "прекраснейшем из миров". И как хотелось бы, чтобы все эти кровавые демонстрации, парады хищного поголовья человечества, — именно они бы! — оказались неправдой, кошмарным сном, но... Но и здесь — тоже "но"... Так что все

эти наши "но" весьма реальны, хотя основательность их лежит несколько глубже. То, что внешние яркие видовые различия отсутствуют, то, что они не бросаются сразу же в глаза, есть явление такого же порядка, как и несомненная "очевидность" геоцентричности: удивительно, наоборот, то, что здравый рассудок все же усомнился в столь "неопровержимом факте", что Солнце вращается вокруг Земли. Ведь это же можно лицезреть ежедневно невооруженным глазом!... Требуется некоторое умственное, логическое построение, нужно "в уме" остановить Солнце и поставить на свое заслуженное место возмнившую о себе Землю... Точно так же и с видовыми человеческими различиями. Необходимо вспомнить, что вся эта хищная шатия-братия и не должна здесь находиться, ибо здесь им делать совершенно нечего. Все они не здесь — пастухи не толкуются в тесноте стада, волки не спят в овчарнях, они всегда поодаль. И действительно, достаточно включить телевизор или радио, развернуть газету, чтобы увидеть и услышать сообщения о последних перемещениях и деяниях хищных гоминид. Саммиты-брифинги, пресс-конференции, дилеры-киллеры, исчезновения людей, взрывы бомб, взятия заложников террористами, убийства конкурентов предпринимателями, нарушения политиками перемирий в необъявленных войнах. На телеэкранах мелькают все эти хитрые рожи суггесторов: сенаторы, министры, аферисты... Газеты пестрят радостными сообщениями о всех этих ТИБЕТских ЧАРАх ХОПеРов, МММов и прочих ВЛАСТИЛИНОВ "нового русского" общества. Новоизбранному президенту Франции, первым делом — хлебом не корми — подавай ему ядерные взрывы! Суперанималов гораздо меньше, и поэтому их чаще изображают, нежели показывают "живьем", в натуре. Если же подобное происходит, то обычно как бы задним числом, чаще всего — это кинохроника, типа многочасового телесериала "Самые громкие преступления XX века". Хотя вот недавно показали в телепередаче "Дикое поле": во вновь переименованном Ленинграде, в Санкт-Петербурге, поймали с поличным людоеда Игорька (кстати, гомосексуалиста!), занятого маринованием с луком (Бастурма?!) кусков своего бывшего приятеля Владика. В художественном же показе суперанималов расстаралось киноискусство и иже с ним конъюнктурная, коммерческая литература. Все это превеликое множество боевиков, триллеров, вестернов, детективов является не чем иным, как невольным, неумышленным, но достаточно близким приближением к реальному медицинскоклиническому и криминальному описанию поведения хищных гоминид. Уже давным-давно пришла пора довести до всеобщего сведения всю эту "историю с человечеством" и достичь осознания простыми людьми той духовной пропасти, которая изначально лежит между ними и заправляющими в этом мире хищными гоминидами. "Весь народ должен твердо запомнить: теперь все меньше и меньше приходится рассчитывать на проблески человеческих чувств у тех, кто правит и владеет нами"[29]. Нужно отметить, что понимание этого кардинального различия давно уже носится в воздухе, существуют сотни и тысячи описаний и фиксаций на каждом шагу его проявлений. О трех врожденных "пружинах человеческих действий" "злобность", "эгоизм" и "сострадание" — писал еще А. Шопенгауэр [15]. Российский педагог П. Ф. Лесгафт [18] в своих неоценимых (и до сих пор неоцененных по достоинству) наблюдениях над детьми выделил т.наз. "школьные типы": "честолюбивый", "лицемерный" и "добродушный". В. А. Пьецух писал о "дурнях" и "сумасшедших" — о конформном народе и безумно безнравственных политиках, соответственно. Даже Папа Римский (уж кто-кто!), и тот как-то заявил, что он "пришел к убеждению, что в человечестве сосуществуют несколько родов абсолютно различных существ". Все это, собственно, есть не что иное, как именно описание с самых разных позиций одного и того же феномена: существования врожденных видовых различий в

человеческом семействе. Так что уже полностью назрела необходимость более четкого формулирования и сведения воедино огромного количества разрозненных фактов и свидетельств видовой неоднородности человечества, что и сделала предложенная концепция наличия видовых различий — конечно же, далеко не самым лучшим образом, можно сказать, лишь в "черно-белом варианте", ибо здесь требуются совместные усилия сонма ученых, представителей самых различных дисциплин: психофизиологов, молекулярных генетиков, психогенетиков, биологов, специалистов в математическом моделировании и многих других. Но тем не менее, эта концепция достаточно значима, и главная сила ее именно в компилятивности, понимаемой здесь, как удача в собирании из разрозненных кусочков и фрагментов некой цельной картинки, по своей сути сравнимой с фотографией, полностью изобличающей давно разыскиваемого, чудовищно опасного преступника. Результаты подобного прозрения человечества могут стать впечатляющими. Вполне возможно, что это и вызовет поначалу жуткую реакцию со стороны хищных гоминид, похожую по своим внешним признакам на беготню крыс и суетню тараканов при включении, наконец-то, света в мерзко запущенном жилище. Суггесторы, конечно же, немедленно попытаются мимикрировать: переориентироваться на 180 градусов, по типу "держи вора!". Но счастье человечества в том, что хищных гоминид все же в большинстве своем можно определять, их "видно" — "Бог шельму метит"! По жестокому и хитрому выражению глаз, по естественному, ненаигранному властному поведению, по ощущению психологического давления с их стороны... Конечно же, все такие методы имеют опосредованный характер, но все же это — лучше, чем ничего, и ими надо постоянно пользоваться простым людям, вовремя остерегаясь иметь дело с хищными гоминидами. Это как бы несколько выравнивает позиции, ибо дело в том, что хищным гоминидам уже "с молодых когтей" присуще раннее видовое самоосознание: непосредственное, можно сказать, инстинктивное ощущение своего превосходства, возможности оказывать психическое давление на окружающих, и непреодолимое желание делать это. Поэтому, в конце концов (возможно, после неопределенного периода упомянутых ранее "видовых чисток и прореживаний по рецепту маршала Жукова"), должен будет оформиться некий, в общем-то, терпимый и достаточно либеральный социальный бойкот хищных гоминид, некое подобие брезгливого отношения японцев к своим буракуминам. И если не принимать во внимание неоправданное с точки зрения европейцев — ханжество японцев в этом вопросе, то здесь можно увидеть явную аналогию. Буракумины убивают животных — они, собственно, мясники (весьма "уважаемые" люди в других странах). Хищные же гоминиды убивают и — в "лучшем случае" — мучают людей. Японцы создали в некотором смысле если и прецедент, то во всяком случае — социальный рабочий макет. Конечно же, сравнимо это все между собой атакой же точно степени, в какой японские карликовые сосны и дубы в уютном домике можно сравнивать с настоящим лесом во время бури. Тем не менее результаты подобного бойкотирования, этакой "всеобщей забастовки" человечества трудно переоценить. Это — как бы шагнуть на следующую ступень, автоматически оставив на нижней войны, государственные репрессии и чудовищные формы насилия (а следовательно, и всю свинцовую мерзость сексуальных извращений). Без вмешательства хищных гоминид человечество двинулось бы вверх, уже не отягощенное парой равновесистых ядер — "добра, и зла" — на ногах, а лишь преодолевая постоянную, но честно и весело разрешаемую интеллектуально-эстетическую проблематику в русле "ума-недоумия", при объективном взгляде на вещи, не имеющую права быть для кого-то обидной: все

люди, по большому счету, "хоть и умные, но — дураки". Но людям необходимо оценить реальные усилия, которые от них потребуются при совершении такого шага восхождения. Дело в том, что то дружное взаимоистребление, которое начали хищные гоминиды, подняв как знамя ухваченную ими "кость добра и зла", просто так, одномоментно закончиться не может, ибо для хищных гоминид окончание этой борьбы означает также и конец для них самих: как в социальном плане — в виде вырождения старой морали оправдания некоторых (якобы справедливых) форм насилия, так и в смысле самого их физического существования — они попросту не смогут жить в мире без насилия, те же войны для них — это самое подходящее для них "дело". "Война, бой — вне этих слов они не знают истинного счастья". Здесь, конечно же, имеется в виду не "счастье" рядового, не "величие и неволя солдата", но именно командирские и садистские "радости" наемника. Сюда же следует отнести, естественно, и "финансовый азарт" торговцев оружием и его производителей. В мирное время этот нестерпимый зуд стремления к борьбе ради борьбы приводит к тому, что хищные гоминиды начинают поиск и созидание врагов, подобно тому как без меры азартный картежник ищет себе партнеров среди кого угодно, соглашаясь играть на самых смехотворных условиях. Но, к сожалению, созидание врага хищными гоминидами имеет совершенно иные масштабы, что и делает жизнь людей столь невыносимой и нестабильной. Чего только стоят все эти маньяки Михасевичи, Сивко, Панзеры, в одиночку режущие и душащие женщин и детей, людоеды Джамагильдиевы, Чикатилы, как и прочие ДжекиИгорьки-Потрошители всех времен и народов, вышедшие на звериную тропу своей "свободы"! И совершенно справедливо медэксперты признают их нормальными, т.е. здоровыми: у них действительно нет ни малейших психических патологий или каких-либо умственных (рассудочных) расстройств. У них есть рассудок, но у них нет разума, т.е. у них напрочь отсутствует третья сигнальная система. Хищные гоминиды морально невменяемы, и то, что их расстреливают, сажают на электрический стул, вешают, гильотинируют, с позиции нехищных людей совершенно справедливо — до тех пор, пока нет соответствующих изменений в уголовном законодательстве (все-таки врожденность видовых различий является предопределяющим фактором, и это обстоятельство наверняка будет учтено в будущей юриспруденции). В то же время эффект этого отстрела, вместе с прочими "техническими выбраковками", совершенно ничтожен для достаточного "очеловечивания человечества", ибо устраняются всего лишь немногие "сдуру выскочившие на свет", не смогшие удержаться в социальных структурах, в то время как большинство их "коллег по зверству" оставшихся на "боевых" постах (!), орудуют не менее чудовищным образом, с тем лишь отличием, что их деятельность носит опосредованный характер, большинством людей не то, чтобы не замечаемый, но скорее — вытесняемый из сознания до тех пор, пока ужас не коснется их лично. Чужое горе попрежнему мало кого волнует, и, в этом плане, эгоистичная беззаботность людей — наследие приматов — необычайно отягощает их. До тех пор, пока хищные гоминиды и всевозможные /полу/сумасшедшие видовые гибриды не будут "профессионально" переориентированы и отстранены от любой работы с людьми, и вообще "взяты на заметку", так оно и будет все по-прежнему: продолжится страшный, но уже недолгий, путь человечества в уже последнюю — пропасть... Dixi.

ЛИТЕРАТУРА

1. Б. Ф. Поршнев, "О начале человеческой истории". М., 1974.
2. Пьер Тейяр де Шарден, "Феномен человека". М., 1965.
3. Торстейн Веблен, "Теория праздного класса". М., 1983.
4. Бруно Оля, "Боги Тропической Африки". М., 1977.
5. Джозеф Миллер, "Короли и сородичи". М., 1984.
6. Карл Ясперс, "Смысл и назначение истории". М., 1991.
7. Барроуз Данэм, "Герои и еретики". М., 1963.
8. Ричард Докинз, "Эгоистичный ген". М., 1994.
9. Л. Н. Гумилев, "Этногенез и биосфера Земли". Л., 1990.
10. Кароль Войтыла, "Основания этики". Вопросы Философии, N10, 1992.
11. Эверет Шостром, "Анти-Карнеги". М., 1994.
12. Чезаре Ломброзо, "Гениальность и помешательство". С-П., 1892.
13. И. Р. Шафаревич, "Социализм как явление мировой истории". М., 1992.
14. Г. Ф. Г. Гегель, "Философия истории". М., 1957.
15. Артур Шопенгауэр, "Свобода воли и нравственность". М., 1992.
16. П. М. Абовин-Егидес, "Сквозь ад". М., 1991.
17. Н. Н. Вашкевич, "Тайны происхождения языка". М., 1994 (7502).
18. П. Ф. Лесгафт, "Школьные типы. Антропологический этюд". М., 1971.
19. Л. Меттлер, Т. Грегг, "Генетика популяций и эволюция". М., 1973.
20. А. М. Свядоц, "Женская сексопатология". М., 1974.
21. Карен Хорни, "Женская психология". С-П., 1993.
22. "Общая сексопатология", под ред. Г. А. Васильченко. М., 1977.
23. Конрад Лоренц, "Агрессия. Так называемое Зло". М., 1994.
24. Збигнев Старович, "Судебная сексопатология". М., 1991.
25. Карл Юнг, "Психологические типы". М., 1995.
26. Б. А. Диденко, "Сумма антропологии". М., 1992.
27. Мартинас Ичас, "О природе живого: механизмы и смысл". М., 1994.
28. П. М. Хомяков, "Национал-прогрессизм". М., 1994.
29. Поль де Крюи, "Борьба за жизнь". М., 1957.
30. Отто Вейнинггер, "Пол и характер". М., 1991.
31. В. П. Эфроимсон, "Генетика этики и эстетики".

С-П., 1995. Диденко Борис Андреевич ЦИВИЛИЗАЦИЯ КАННИБАЛОВ Редактор В. А. Делийский Консультанты И. И. Бороздин, В. Н. Медведев Художественный редактор Н. Г. Катомина Подписано в печать 27.07.96 г. Формат 60x90/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 10. Тираж 1000 экз. Заказ N 353. Отпечатано в ГФ «Полиграфресурсы», г. Москва, Петровка, 26

РЕКЛАМА

ФИЛОСОФСКИЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД Действительность, в которой мы живем, не слишком часто радует нас, но состоит эта действительность не только из материальных предметов; она формируется также из наших идеалов, помыслов, отношений к другим людям, иными словами из того, что называют культурой. Культура — явление чисто человеческое и потому искусственное, не поддерживаемое природой, а поддерживаемое исключительно усилиями самих людей, Если этих усилий не последует, все мы рискуем оказаться на уровне пещерной жизни (независимо от ее технического уровня) и волчьих законов современного общества. Философия — этот хрупкий корень всего цветущего

дерева человеческой культуры — нуждается в особом внимании. Философы — подчас самые нуждающиеся и материально неприспособленные люди в обществе; между тем именно они вносят фундаментальный вклад в нашу культуру, включая сюда науку и искусство. Хорошо известно в каком положении сейчас многие эти люди, и, следовательно, сами философские исследования. Если Вы считаете необходимым поддерживать философию, искусство, науку, быть меценатами в старом благородном смысле этого слова, если Вам безразлично, через участие в каких симпозиумах и органах массовой информации объявлять миру о своих добрых коммерческих начинаниях, идущих не на зло, а во благо нашего общества, если Вы хотите поднять свой престиж путем широкомасштабного участия в развитии культуры, облагораживающей Россию в глазах других стран мира Независимый Философский благотворительный фонд, зарегистрированный Управлением юстиции города Москвы, предлагает Вам стать своим и участником и спонсором. Философский благотворительный фонд осуществляет материальную и идейно-теоретическую поддержку философских исследований и ученых, осуществляющих эти исследования, организует издание и пропаганду их трудов, проведение симпозиумов и иных мероприятий, Философский благотворительный фонд организует также адекватную рекламу своим спонсорам> Эта реклама необычна; она будет свидетельствовать о серьезности и устойчивости Вашего дела, благородстве учредителей и руководителей Вашей фирмы.

Наш адрес: 125206, Москва, ля. 16, ул. Вучетича, 18 (подъезд!, этаж4, время работы: по рабочим вторникам с 18.00 до 22.00) ТЕЛЕФОН/ФАКС (095): 211-33-71,976-31-82, ТЕЛЕФОНЫ (095): 211-32-90, 140-52-10, 457-8.2-80. Проезд: м, "Тимирязевская", м. "Динамо " (авт,22, м/т 19 до ост,50 горбольшца) Расчетный счет 300700044 в Новоалексеевском отделении Акционерного коммерческого банка "Кредит-Москва" для платежей по Московскому региону: МФО 997191, код участника 7М; для иногородних платежей: корр.счет 501161700 в ГРКЦГУЦБ РФ по г. Москве, МФО 201791, код участника 83.

ДРУЖБА НАРОДОВ - единственный в России литературно-художественный и общественнополитический журнал, охватывающий и поддерживающий единое культурное пространство, созданное за многие десятилетия усилиями деятелей искусства и культуры всех стран, входивших в состав бывшего Советского Союза. ДРУЖБА НАРОДОВ публикует:

— Новые произведения писателей и поэтов России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

— Актуальные очерки, статьи и эссе, анализирующие острейшие проблемы современности — национальные, общественные, религиозные, культурные и нравственные.

— Литературные обзоры и критические статьи. Выписывайте и читайте ДРУЖБУ НАРОДОВ. Индекс журнала в каталоге агентства «Роспечать» — 70250 Подписаться на ДРУЖБУ НАРОДОВ Вы можете также непосредственно в редакции и сами получать там свежие номера — это обойдется гораздо дешевле, чем пользоваться услугами почты. В редакции можно купить любой номер ДРУЖБЫ НАРОДОВ, начиная с №1 за 1996 год. 121827 ГСП Москва, Г-69, ул. Поварская, 52 Тел.291-62-27

ОБРАТНАЯ СТОРОНА КНИГИ

Действительно ли человек уже произошел от обезьяны? Он до сих пор обезьяна без истинного разума. Утешает то, что среди обезьянолюдей есть все же и разумные люди. А. А. Любищев Естествознание до сих пор не вмешивалось в проблемы этики и морали. Между тем этика и альтруизм человека являются столь же несомненным продуктом естественного отбора, как и его нервная или эндокринная системы. Потому, что само существование человечества ныне повсеместно стоит под угрозой, необходим новый общественный договор, который возведет требования этики, требования гуманизма в категорический императив, нарушение которого при всех обстоятельствах явится преступлением по отношению и к обществу. В. П. Эфроимсон